

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 5

Сентябрь – Октябрь 1998

Том 41

Москва

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь - Октябрь 1998

Содержание

Страница редактора	3
Владимир Орлов. С унижением работников предприятий ЗАТО должно быть покончено	
Интервью	5
Виктор Мурогов: "Назрела необходимость создать международный фонд ядерного разоружения"	
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	17
В России. Из досье по химическому оружию	33
В России. Из досье по обычным вооружениям	34
В мире	35
Документы	
Федеральный закон «О борьбе с терроризмом»	38
Постановление Правительства Российской Федерации "Об утверждении Правил организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов"	47
Полемика	53
Геннадий Хромов. Взгляд на политику Индии в области ракетного и ядерного нераспространения	
Страницы истории	67
Роланд Тимербаев. К истории разработки контрольных положений ДНЯО (политические аспекты)	
Сообщения	
О семинаре «Ядерный терроризм и экспортный контроль»	84
О ежегодной конференции европейских специалистов по нераспространению	84
Новости ПИР-Центра	85
Summary	90
Об авторах	92
Экспертно-консультативный совет ПИР-Центра	<i>обложка</i> 3

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****№ 5 (Том 41)****Сентябрь – Октябрь 1998****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакция:**

Владимир Орлов, главный редактор
 Дмитрий Евстафьев, редактор-консультант
 Карина Фуралева, помощник редактора
 Иван Сафранчук, обозреватель
 Алексей Рей, корреспондент
 Мария Верникова, секретарь редакции
 Вячеслав Зайцев – бухгалтерия

Вадим Козюлин – связи с общественностью и
 подписка
 Александр Панфилов – представитель в США
 Елена Трофимова – компьютерное
 обеспечение
 Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,а/я 17, редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7-095-335-1955

(многоканальный)

Факс: +7-503-234-9558**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала****(сокращенная):** <http://www.pircenter.org>

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Дмитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Атланте, Афинах, Бонне, Вашингтоне, Вене, Гарварде, Женеве, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Пекине, Принстоне, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Токио и Франкфурте

Электронная почта:info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)library@pircenter.org (библиотека, базы данных и архив)

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** на 1999 год можно оформить в редакции, за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7-095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Vadim Kozulin +7-095-234-9558 (fax) or subscription@pircenter.org. Checks or wire transfers. Express mail delivery.

Тираж: 2000 экз.**Подписано в печать:** 29 октября 1998**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Алтона Джонса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макатуров, Фонда Форда, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 1998

Страница редактора**С УНИЖЕНИЕМ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАТО
ДОЛЖНО БЫТЬ ПОКОНЧЕНО**

На градообразующих предприятиях закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) складывается критическая ситуация.

Правительство России оказалось неспособно выполнить свои обещания, данные 17 июля с.г. законодателям, а через них - работникам предприятий при принятии поправок к закону «О закрытом административно-территориальном образовании». Напомним, что тогда представители федеральной исполнительной власти обещали обеспечить стабильное финансирование как самих ЗАТО, так и их градообразующих предприятий, а также в полном объеме профинансировать государственный оборонный заказ.

В то же время реальное финансирование ЗАТО в первом полугодии составило всего 47,6 процента от запланированного объема. Финансирование же оборонного заказа не осуществляется вовсе.

Новости, приходящие в редакцию *Ядерного Контроля* из Сарова (Арзамас-16) и Железногорска (Красноярск-26), из Снежинска (Челябинск-70) и с военных баз Северного флота, все больше напоминают блокадные сводки. Так, в городе Большой Камень (Приморский край) зарплата не выплачивается 18 месяцев. Еще в июле государство обещало *экстренно* погасить задолженность по зарплате работникам Приборостроительного завода (Трехгорный) в размере 20 миллионов рублей; *экстренная мера* растянулась на два месяца, но даже при такой затяжке деньги дошли до людей в сильно усеченном объеме. Работникам Горно-химического комбината (ГХК) в Железногорске выплачивают лишь авансы в размере порядка 400 рублей, их соседям из НПО прикладной механики им. акад. Решетникова задержка по зарплате составляет три месяца, а средняя величина самой зарплаты (с учетом шестидесятипроцентного районного коэффициента) 1500 рублей, в результате чего численность работников за последнее время сократилась вдвое. Администрация ВНИИТФ (Снежинск) вынуждена была отказаться от выплат всех положенных надбавок и премий, предложив в качестве альтернативы сокращение персонала. Во ВНИИЭФ (Саров) в первом полугодии получена лишь пятая часть заработной платы. В аптеках Зеленогорска закончились лекарства. Очевидцы, только что вернувшиеся в октябре из поездки по закрытым предприятиям Минатома, свидетельствуют, что на некоторых из них люди *хронически недоедают*.

По оценке генерального директора ГХК Валерия Лебедева, «социальная напряженность в коллективах цехов и заводов достигла критической отметки, и ее последствия непредсказуемы». В Сарове ученые-ядерщики провели митинг протеста, заявив на нем, что готовы на «бессрочную забастовку». На митингах и стачках в Сарове, других ЗАТО все активнее звучат политические требования.

Хронические невыплаты и задержки заработной платы, в сочетании с уже начавшимися сокращениями персонала, повышают не только социальную напряженность в автономно существующих *закрытых городах*, но и ставят на повестку дня вопросы обеспечения ядерной безопасности. В то время как оборудование для повышения уровня физической защиты, совершенствования систем учета и контроля поступает на предприятия все активнее согласно российско-американским договоренностям, никакая посторонняя помощь не способна решить вопрос *человеческого фактора*. Когда люди, отдавшие себя повышению обороноспособности государства, убеждаются, что они этому государству не нужны, то звать к их разуму и патриотическим чувствам становится все труднее. Особенно в сочетании с тем, что на предприятиях то и дело гаснет свет (его отключают *за неуплату*), а вывозить стратегическую продукцию становится невозможно из-за того, что железнодорожники требуют «погасить долги живыми деньгами».

Наконец, нельзя забывать и о том, что охрана предприятий находится в руках МВД, а ситуация с финансированием мероприятий МВД по обеспечению охраны ЗАТО не намного лучше, чем с финансированием самих предприятий.

Осознавая остроту ситуации, Государственная Дума приняла в октябре специальное заявление «О ситуации в ЗАТО». В нем справедливо указывается, что «забастовки в ЗАТО могут иметь гораздо более серьезные последствия, чем действия шахтеров, перекрывающих железнодорожные магистрали, и могут привести к мировым экологическим и политическим катастрофам».

Становится все более очевидно, что у государства нет иного выхода, кроме как продолжать сокращение персонала градообразующих предприятий ЗАТО. Так, в *закрытых городах* Минатома уже в ближайшее время сокращения затронут не менее 40 тысяч человек. Но это означает, что нужно создавать новые рабочие места, при этом соответствующие затраты только в течение трех ближайших лет составят около 10 миллиардов рублей. На реализацию программы занятости из госбюджета поступит в лучшем случае пять процентов требуемых средств. Значительную роль в поддержании такой программы должны сыграть фонды Минатома. Наконец, опять же окажут помощь американцы по только что утвержденной двумя странами программе «помощи *закрытым городам*».

Правительство должно не откладывая навести порядок со своевременным и не унижающим достоинство работников финансированием предприятий ЗАТО. Это и вопрос выполнения уже данных обещаний, и вопрос обеспечения национальной безопасности.

В то же время предстоит задуматься и о будущем многих предприятий ЗАТО в условиях продолжающегося сокращения российских ядерных вооружений. По силам ли государству - если брать в расчет дальнюю перспективу - поддерживать все объекты? Насколько велик шанс того, что конверсия производств приведет к их самоокупаемости? Отметим, что в таком вопросе, как оптимизация количества ЗАТО (и Минобороны и Минатома), необходимо действительно семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать. Вопрос этот - не сегодняшнего дня. Но начать готовиться к ответу на него предстоит уже сегодня. По крайней мере в том, что касается предприятий ядерного топливного цикла Минатома (как расположенных в *закрытых городах*, так и иных), следовало бы рассмотреть - как один из вариантов - вопрос о повышении концентрации предприятий, опоре на несколько наиболее перспективных, при постепенном репрофилировании или закрытии очевидно неперспективных. Возможно, стоило бы изучить опыт Грузии и Казахстана по продаже своего высокообогащенного урана Соединенным Штатам; применительно к России речь могла бы идти, конечно, лишь о некоторых излишках. При анализе различных вариантов необходим прежде всего холодный финансовый расчет.

Но пока правительство не в состоянии рассчитаться с предприятиями ЗАТО по зарплатным долгам, думать о *холодном расчете* было бы неуместно. Потому что на многих предприятиях сейчас только и разговоров, как бы пережить *холодную зиму*, а правительству надо крепко задуматься, какие меры и в какие сроки предпринять, чтобы профкомы и стачкомы предприятий ЗАТО не оказались вынужденными сделать эту зиму *горячей*.

Владимир Орлов

Интервью**ВИКТОР МУРОГОВ: «НАЗРЕЛА НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАТЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ»**

С заместителем генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) доктором технических наук, профессором Виктором Муроговым беседует главный редактор журнала Ядерный Контроль Владимир Орлов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Виктор Михайлович, споры о роли и задачах МАГАТЭ не прекращаются. За два с половиной года работы в этой организации какое впечатление сложилось у Вас о роли, которую МАГАТЭ играет и могло бы играть в вопросах ядерной энергетики (ЯЭ) и ядерной безопасности?

МУРОГОВ: Сегодня у меня не вызывает сомнений, что Агентство - это уникальная международная организация, которая была создана и ныне действует для содействия мирному применению ядерной энергии, ядерных технологий в различных сферах человеческой деятельности, для обеспечения стабильного развития человеческого общества. В то же время это уникальный международный механизм для поддержания глобальной безопасности, потому что ядерная безопасность была и остается основой глобальной безопасности.

Агентство решает поставленные задачи двумя методами - методом *кнути* и методом *пряника*, причем оба они тесно переплетены между собой и представляют собой сбалансированный симбиоз функций *safeguards* (иначе говоря, функций контрольных) и функций по *promotion* (то есть по продвижению знаний и технологий). МАГАТЭ предлагает некий *торг*: мы даем вам знания, информацию, гарантируем вам новую информацию о технологии и современной инженерии, но вы берете на себя обязательства использовать все переданные знания, информацию и материалы только в мирных целях. Агентство играет роль мировой копилки ядерных знаний и каждодневно действующего механизма по извлечению этих знаний из *копилки* и их практическому распространению по всему миру.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Расскажите подробнее об основных функциях МАГАТЭ на данный момент, как они Вам видятся?

МУРОГОВ: *Первая* такая функция, или, я бы даже сказал, *миссия*, Агентства как раз и

заключается (или должна заключаться) во всемерном продвижении ядерных технологий для мирных целей.

Объем еще не полностью востребованных технологий впечатляет. В этом отношении нельзя не обратить внимание на Россию. Так, Россия имеет впечатляющие достижения по созданию сверхсовременной технологии космической ядерной энергетики. Иногда даже мне, специалисту, кажется, что созданное - из области *чудес*. Недавно генеральный директор МАГАТЭ д-р Эль-Барадей посетил Государственный научный центр ФЭИ в городе Обнинске, где посмотрел на то, как действует лазер с ядерной накачкой, и оценил эту установку как опередившую свое время. В России так часто бывает: сначала создается что-то уникальное и лишь потом задумываются: а зачем сделали? Где будут применять? В результате о применении этой установки задумываются американцы, обсуждают, как с ее помощью передвигать спутник с одной орбиты на другую, как уничтожать космический мусор, как передавать информацию на неограниченное расстояние или, например, связываться с подлодками, как стерилизовать любые объемы... И это только один свежий пример.

Вторая функция, или *миссия*, Агентства контрольно-регулирующая. В сфере безопасности развития ЯЭ это разработка стандартов, норм, правил и требований к безопасности ядерных установок, к безопасному и мирному характеру применения передаваемых технологий. В сфере контроля - развитие и повышение эффективности системы гарантий мирного использования ядерных технологий с учетом новых методов и технических разработок, новых политических решений.

Вернемся к сфере ядерной безопасности. Ключевой вопрос политики и стратегии для такой международной организации, как наше Агентство: должны ли мы быть *активны*, предвидя, опережая события, или только

реактивны, следуя за событиями? И здесь мы выходим на одну из центральных *болевых точек* нашей деятельности. Посудите сами: например, после чернобыльской трагедии мы более десяти лет потратили на ревизию стандартов и правил, на повышение безопасности ядерных станций, на улучшение их контрольных систем, технологических и инженерных решений. Но при этом недостаточно внимания уделяли усовершенствованию топливного цикла ядерной энергетики, внедрению новых, усовершенствованных технологий обращения с отработавшим топливом с высокоактивными отходами.

Число реакторов в мире - четыре с половиной сотни - в основном стабилизировалось. Но объем отработанного топлива, отходов непрерывно нарастает с каждым годом. Это значит, что и важность проблемы, и потенциальный риск постепенно, но неумолимо сдвигаются именно в сторону обращения с отработанным ядерным топливом и с радиоактивными отходами.

При этом мы позволяем себе *роскошь* по большому счету не задумываться о будущем и до сих пор в основном использовать технологии реакторов и ядерного топливного цикла, разработанные тридцать, сорок лет назад. Совершенно ясно, что эти технологии родились когда-то в топливном цикле, который был призван прежде всего заниматься наработкой плутония для военных целей. Но приоритеты изменились! Изменилась вся военно-политическая, геополитическая ситуация в мире!

Чтобы говорить о продуктивном и безопасном развитии ядерной энергетики, надо заставить себя перестать питаться прошлым, отринуть довлеющие стереотипы, отказаться от сиюминутных дискуссий типа *а мой реактор лучше* и заглянуть в будущее... Постараться заглянуть не на краткосрочную перспективу, а на пятьдесят и более лет вперед.

Какова вообще роль ядерной энергетики и какой она должна быть через десятилетия? Сейчас ядерная энергетика - это семь процентов энергетического баланса в мире. Кто-то скажет: *целых* семь процентов. А я скажу: *всего* семь процентов, это же ничтожно мало по сравнению с теми затратами, которые понесло человечество, по сравнению с миллиардами накопленных кюри, миллиардами истраченных долларов и национальных ресурсов, по сравнению с тем

практически неисчерпаемым потенциалом, который заключен в ядерных технологиях, в том числе для обеспечения стабильного энергетического развития.

Не стоит вдаваться в крайности. Когда ядерная энергетика замышлялась, то говорили и о ста процентах в энергетическом балансе, о ключевой технологии для решения основных проблем, стоявших перед человечеством. Помню, как в институте я проектировал паровоз с ядерным реактором, а мой товарищ проектировал автомобиль на ядерной энергии... Чего только не проектировали... Остались АЭС, спутники, ледоколы, но говорить о *монополии* какого-то вида энергии, по-моему, просто несерьезно. А вот подумать об оптимальном сочетании использования различных видов энергии, включая ядерную, конечно, стоит. И тогда, подозреваю, ядерная энергетика могла бы подняться до тридцати-сорока процентов от общего количества энергии, используемой в мире.

Но для того чтобы не топтаться на нынешних семи процентах, а осуществить продуманный, подготовленный прорыв, руководителям отрасли, компаний, производящих реакторы, нужно изменить свой подход. Их критерий понятен: это получение прибыли. За многие годы они вложили миллиарды долларов в разработку ныне действующей технологии и в продвижение своих проектов. В результате они оказываются заинтересованы использовать эту технологию как можно дольше. Поговорите с любым *фирмачом*: его реактор - самый лучший, технология - самая лучшая, ничего существенно менять не надо; для них любое изменение - потеря рынка, это значит признать, что их реактор имеет недостатки. Да они инстинктивно против любых радикальных новшеств. И это естественно. Это дело государственной политики и совместных усилий межправительственных организаций, как МАГАТЭ, НЕА/ОЭСД, ЕС. Сейчас в условиях приватизации в ряде стран, в условиях снижения координационной роли правительственных организаций в этих странах существенно вырастает роль международной координации, международного сотрудничества в области определения оптимальной энергетической стратегии стабильного развития. Яркий пример - Конференция в Киото по предотвращению глобального изменения климата (снижение эмиссии CO₂).

Таблица 1. Сравнение объемов топлива и отходов на АЭС и ТЭС на угле мощностью 1000 МВт (эл.), т/год

Показатель	АЭС	ТЭС на угле*
Топливо	27 т (160 т природного урана в год)	2,6 млн. т (5 составов по 1400 т в день)
Отходы	35 т (высокоактивные); 310 т (промежуточной активности); 460 т (низкоактивные)	6,5 млн. т CO ₂ ; 900 т SO ₂ ; 4500 т NO _x ; 320000 т золы (включая 400 т токсичных тяжелых металлов)

*Оснащенная новейшей технологией по борьбе с загрязнением.

Источник: Бюллетень МАГАТЭ. №2. 1997. Том 39

При дальнейшем развитии мировой ядерной энергетики без изменения сложившихся, традиционных подходов мы будем иметь все возрастающее количество аккумулируемых радиоактивных отходов (РАО) (уже сейчас на каждую тонну отработанного топлива производится более чем в сто раз больше тонн высокоактивных отходов в результате растворения водными растворами); десятки новых государств, куда, согласно политическим соглашениям, будут возвращаться, пусть под контролем МАГАТЭ, продукты переработки. Мы можем получить в будущем десятки стран с запасами возвращаемого после переработки плутония, с миллиардами кюри отходов. И наконец, при широкомасштабном развитии ЯЭ мировое сообщество будет иметь уже не 400-450 реакторов, как сейчас, а свыше тысячи реакторов с относительно высокой степенью риска новой тяжелой аварии. Если мы будем иметь приблизительно 1000 реакторов, то каждые десять лет мы можем иметь с большой вероятностью тяжелую аварию. Начнет работать статистика.

Что делать? *Во-первых*, по мере качественного роста масштабов ЯЭ нужны будут качественно новые инженерные решения и технологии. Необходимо радикально изменить подход к дизайну, проектированию ядерных реакторов. Это должны быть реакторы с детерминистским уровнем безопасности. *Во-вторых*, пересмотреть технологию внешнего топливного цикла. Технология должна не только предусматривать во много раз меньшие объемы РАО (а такая технология на лабораторном уровне имеется), но и быть *гарантированно нераспространенческой*, или, как принято говорить, *resistant-to-proliferation*. Сейчас слишком много обвинений в адрес ядерных реакторов нынешнего поколения, что они являются потенциальной *фабрикой отходов и бомб*. Примечательно, что во многих докладах о будущем ядерной

энергетики, с которыми приходится знакомиться по долгу службы, проблемы экологии - на заднем плане, проблемы энергетической независимости государств - на заднем плане. На переднем плане - именно эта проблема, связанная с *фабрикой бомб*, то есть проблема *нераспространенческой*. Новейшие технологии *должны и могут* дать ответ на этот вызов. Речь идет опять же о долгосрочной стратегии развития ЯЭ, о новом этапе, который потребует дальнейшего усовершенствования существующей системы *safeguards*. Речь идет о необходимости создания такого топливного цикла, который будет технологически защищен от распространения, а значит, этот цикл без свободного плутония, без склада плутония, без выделения плутония. Такая технология на лабораторном уровне развита в США и в России. Несколько известных мне разработок подтверждают, что *можно* создать технологически защищенный топливный цикл, без риска распространения делящихся материалов, в котором одновременно принципиально невозможной становится авария типа чернобыльской. Останется единственная проблема - защита от внешней диверсии, но это уже, как говорится, *из другой оперы*.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Ограничиваются ли основные функции Агентства функциями продвижения, контроля и регулирования?

МУРОГОВ: Нет, здесь мы переходим к новой, *третьей функции*, или *миссии*. Эта функция вытекает из предыдущих двух и связана с уникальностью роли и места Агентства в системе обеспечения международной безопасности. Речь идет о сокращении ядерных вооружений, о процессе ядерного разоружения.

После окончания *холодной войны* мы получили в наследство сотни тонн плутония и

высокообогащенного урана. Что это: смертоносное, взрывоопасное наследство, от которого мечтаешь лишь поскорее избавиться и забыть, как о страшном сне? Или же неопределимое богатство, неограниченный источник энергии? Вот дилемма. Или, как использовать те запасы знаний и опыт тех специалистов, которые работали на атомную оборону по обе стороны океана? Агентство, с его опытом и технологиями, а также с его особым местом в системе международных отношений, смогло бы, на мой взгляд, дать ответ на этот вопрос. Ответ, который был бы актуален сегодня и работал бы на перспективу. Ответ *практический*, рассчитанный не на простые констатации типа *хорошо или плохо*, но на то, чтобы это наследство рачительно использовать.

Именно МАГАТЭ могло бы сыграть ключевую роль в вопросах снижения ядерной угрозы, сокращения и ликвидации запасов ядерных материалов путем использования их в качестве топлива ядерных энергетических реакторов, использования знаний специалистов-ядерщиков исключительно в мирной плоскости.

Однако сегодня основная деятельность в направлении снижения военной ядерной угрозы идет по двусторонней линии. В этой связи прежде всего следует отметить российско-американское сотрудничество в рамках так называемой программы Нанна-Лугара, значение которой следует оценить как крайне высокое. Кроме того, имеется определенная помощь в адрес России со стороны некоторых европейских государств, в частности Великобритании, Франции, Германии, Норвегии, Швеции, Италии. Создан и действует Международный научно-технический центр (МНТЦ) в Москве, аналогичный центр в Киеве.

Ни в коем случае не претендуя на замещение этого двустороннего и многостороннего сотрудничества, Агентство могло бы внести свою лепту в дело ядерного разоружения, используя свои сильные стороны, среди которых и уже упомянутый опыт в продвижении современных технологий, и комплексный охват всех проблем использования ядерных технологий: безопасность, нераспространение, экономическая эффективность и экологическая приемлемость, но также и широкий охват государств-членов: в МАГАТЭ сегодня входят 127 государств. МАГАТЭ может обеспечить и поддержать реальную

транспарентность и необратимость процесса разоружения.

Всеобщее признание получила так называемая тройная инициатива «МАГАТЭ - Россия - США» в области ядерного разоружения. Но она ограничена рамками *safeguards*. Что же мешает Агентству сыграть более активную роль в практическом осуществлении утилизации сокращенных ядерных арсеналов? Прежде всего это проблема финансирования. Если, к примеру, помощь по программе Нанна-Лугара выделяется конгрессом США и указывается в американском бюджете, то МАГАТЭ - это международная организация, и на бюджетные изменения необходимо согласие всех ее стран-участниц. А финансовая ситуация в Агентстве такова, что мы имеем *zero growing budget* (бюджет с нулевым ростом), то есть, чтобы какую-то новую программу открыть, мы должны другую программу закрыть.

Какова будет стоимость, скажем, постановки под международный контроль Агентства пятидесяти тонн оружейного плутония в соответствии с инициативой, проявленной США и Россией? Это, очевидно, потребует существенного увеличения бюджета департамента гарантий. Так что пока страны-члены Агентства не подойдут к изменению своего отношения к проблеме ядерного разоружения, дело вряд ли сдвинется с мертвой точки.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каков запас времени, насколько долго можно отодвигать идею участия МАГАТЭ в процессе ядерного разоружения?

МУРОГОВ: Запас времени уже исчерпан. Это стало ясно 11 мая этого года после серии ядерных испытаний в Индии и Пакистане.

Очевидно, что проблема сокращения ядерных вооружений и ядерных материалов для военных целей не может ограничиваться инициативами России и США. К этому процессу должны подключиться Китай, Франция, Великобритания, а также Индия, Израиль, Пакистан. В этой связи определенные надежды мы связываем с тем прогрессом, который достигнут в Женеве на Конференции по разоружению, где в следующем году начнутся переговоры о выработке договора о запрете производства расщепляющихся материалов для военных целей.

МАГАТЭ - это и наилучшая трибуна, чтобы продемонстрировать всему миру, как решаются вопросы прозрачности при ядерном разоружении. Какой должна быть прозрачность, как ее достичь на эти и многие другие смежные вопросы следовало бы дать ответ в рамках деятельности МАГАТЭ. Обсуждение этих вопросов, ответы на них позволили бы продвинуться в определении ответа на вопрос о стратегии развития ядерной энергетики в целом. Потому что, как только мы говорим *будущее оружейного плутония*, следующими словами неизбежно должны стать *будущее ядерной энергетики*.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Значит ли это, что финансовые проблемы МАГАТЭ ограничивают возможность для осуществления Агентством, как Вы ее определили, своей *третьей миссии*?

МУРОГОВ: Да, ограничивают, но не полностью.

Известно, что часть средств на проекты МАГАТЭ имеет внебюджетную основу. Это дополнительные целевые взносы государств-членов, например Соединенных Штатов Америки, Японии и других. Так что опыт реализации новых программных направлений наработан. Логичным представлялось бы, чтобы ведущие развитые государства изыскали средства, которые бы они целевым образом направили на цели ядерного разоружения в мире. Не менее логичным представлялось бы, чтобы свою долю таких средств предоставили и те государства-члены МАГАТЭ, которые традиционно и публично высказывают свою озабоченность тем, что процесс ядерного разоружения развивается не так быстро, как хотелось бы.

Не случайно именно сейчас новый генеральный директор МАГАТЭ выдвинул для обсуждения концепцию по созданию Фонда ядерного разоружения в рамках МАГАТЭ.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Чем бы конкретно мог заняться такой Фонд?

МУРОГОВ: Во-первых, следует принять участие в решении вопросов контроля и учета делящихся материалов, высвобождающихся в результате ядерного разоружения при хранении таких материалов. В дальнейшем потребуются решение вопроса утилизации, включая технологическую и инженерную составляющие. Здесь роль Агентства может

быть особенно велика и ценна. У нас есть и опыт, и специалисты, и знания, и структура. Наконец, одна из актуальнейших задач - сохранения знаний, технологий для их мирного использования. Потому что, если и дальше так пойдет, как идет сейчас, лет через пять знания, накопленные в оборонном ядерном комплексе, прежде всего в США и России, и которые могут стать бесценными в развитии мирного атома, окажутся попросту утраченными.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Пока такой Фонд не создан, следует обратить внимание все-таки и на двусторонние и многосторонние усилия, в частности на совместный проект Германии, Франции и России?

МУРОГОВ: Это трехстороннее соглашение о помощи России в создании пилотной установки по утилизации оружейного плутония и производству *МОКС-топлива* (смешанного уран-плутониевого топлива), действительно, хороший пример такого сотрудничества. Следующий этап - быстрый реактор для утилизации плутония в соответствии с известной инициативой Минатома. На территории России можно было бы создать демонстрационный проект, в котором затем смогли бы участвовать все ядерные страны; на основании этого российского проекта можно было бы консолидировать усилия различных стран и использовать его как будущий ядерный международный центр по утилизации оружейного плутония. Тем более что пока для этого есть и кадры, и сами БР: реакторы на быстрых нейтронах оказались столь сложны, что практически только Россия продолжает сегодня успешно их эксплуатировать.

Россия разделила проблему быстрых реакторов на энергетическую и плутониевую составляющие и создала сначала быстрый урановый реактор, отработала технологию жидкого металла, а теперь в этой установке использует плутониевое *МОКС-топливо*. Все остальные страны шли по пути совмещения всех трудностей и не всегда успешно их преодолевали. Только небольшие масштабы работ в этом направлении мы наблюдаем в Корею, Китае, Индии. А вот Великобритания, США и Германия закрыли эти работы. Италия начинала когда-то, тоже остановилась. Наконец, Франция решила закрыть *Суперфеникс* (самый мощный в мире быстрый реактор).

Россия, являясь здесь явным лидером, если бы достроила, как планировалось, завод по производству *МОКС-топлива*, завершила строительство завода по переработке топлива *РТ-2*, имея технологии, могла бы способствовать консолидации усилий и знаний ученых в решении проблемы в рамках международного проекта: по сохранению знаний и опыта, с одной стороны, по практическому решению задачи утилизации плутония, - с другой.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы говорили об опасности оружейного плутония. Значит ли это, что Ваша озабоченность проблемами гражданского плутония минимальна?

МУРОГОВ: Конечно, нет. Оружейный плутоний - очень важный элемент, но, конечно, это лишь один из элементов будущей ядерной энергетики. Сегодня гражданского плутония в мире гораздо больше, чем оружейного. Проблема эта общая для многих государств. Франция, сначала из политических соображений, а теперь уже из экономических, достигла устойчивой ситуации - она практически стабилизировала баланс плутония в топливном цикле. Но это - временное решение, потому что Франция использует плутоний в тепловых реакторах, в результате чего после двух рециклов необходимо или складировать этот плутоний, или перейти к программе быстрых реакторов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Согласитесь, что Ваша уверенность в возможностях активного развития ядерной энергетики идет вразрез с позицией общественности, по крайней мере, в Европе.

МУРОГОВ: Не думаю, что все так уже однозначно. Ситуация меняется от государства к государству и от региона к региону.

Верно то, что если раньше правительства перед принятием решений в области ядерной энергетики советовались лишь с экспертным сообществом, то теперь они обсуждают эти вопросы с *человеком с улицы*. Правительства работают с общественным мнением, и, думаю, практика *public acceptance*, то есть неременного согласия общественности на тот или иной шаг по строительству нового реактора или перевозке отходов, в целом оправданна. *Парадокс демократии* заключается, однако, в том, что *человек с улицы* не видит, не хочет, да порой и не может видеть глобальную, далекую от него

проблему, он видит сегодняшнюю конкретную ситуацию вокруг его дома, он против перевозок отходов мимо его дома, а то, что из-за этого застопорится международное сотрудничество, его не волнует. А правительство вынуждено ориентироваться на его, *человека с улицы*, позицию, на его неприятие, и правительство на это ориентируется. Тут требуется долговременная кропотливая работа правительства, неправительственных и международных организаций. МАГАТЭ тоже в ней участвует.

В то же время как специалисты будут объяснять *человеку с улицы*, что ядерная энергетика совершенно безопасна и проблемы отходов нет, если они сами в этом не убеждены, если у них нет единого мнения? А не убеждены потому, что мы имеем, как я уже сказал, явное противоречие между ядерными реакторами сегодняшнего поколения и технологией топливного цикла, созданной много лет назад, с одной стороны, и перспективой с накоплением отходов, с проблемой безопасности АЭС, которая нас ждет в будущем, при условии широкомасштабного развития ЯЭ, с другой стороны.

Некоторые страны развивают технологию прямого захоронения отработанного топлива. Как мы можем доказать сейчас экспериментально, что за многие годы хранения топлива ничего не случится? Не только с топливом, но и с геологическими условиями в данном районе. Вопросы будущего, вопросы стратегии развития должны получить ответ в результате проектов, которые и призвано сейчас осуществить МАГАТЭ. Это становится особенно важным в условиях массовой приватизации ядерного энергетического сектора в мире, когда контроль государств над ним ослаблен и когда только авторитетная надгосударственная, международная организация сможет вынести свой вердикт и донести его до населения различных государств, не будучи скована внутривнутриполитическими условностями и не подвергаясь риску потерять голоса *человека с улицы* на очередных выборах.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы сказали, что в Европе отношение к роли ядерной энергетики меняется от региона к региону. Не могли бы Вы это пояснить.

МУРОГОВ: Действительно, говорить в целом о Европе - все равно что говорить о средней температуре в больнице.

Западная Европа сумела достичь энергетической независимости, к чему ее подхлестнули энергетический кризис 1973 года и последовавшее затем создание ОПЕК. В Западной Европе удалось практически полностью изменить роль угольной промышленности. Был изменен социальный портрет многих регионов, миллионы людей переведены из добывающей отрасли в машиностроительную, изменена транспортная система - там теперь перевозят людей, продукты машиностроения, а не сырьевой материал. Надеюсь, что когда-нибудь такой переход предстоит сделать и России...

Получая от 30 до 70% производства электричества за счет ядерной энергетики, государства Западной Европы достигли стабильного развития, и сегодня некоторые страны, в частности Франция, имеют избыток производства энергии. При этом активнейшим образом внедряются энергосберегающие технологии. Насыщение энергией ставит здесь вопрос лишь о поддержании нынешнего уровня ядерной энергетики, о решении

задумываясь о том, какие сценарии возможны лет через пятьдесят.

Другое дело - Центральная и Восточная Европа. Побывав в июне на Международной конференции в Дубровнике, я еще раз убедился: государства региона не мыслят своего развития без ядерной энергетики. В некоторых случаях на ядерную энергетику уже приходится половина их выработки электроэнергии. Там работают десятки реакторов советского производства. По сути, то, что сейчас работает в Центральной и Восточной Европе, - это осколки бывшей советской ядерной системы. Система распалась - осколки работают. Россия продолжает снабжать их топливом, продолжает забирать топливо, действуют какие-то соглашения... Но при этом неизбежно возникает вопрос: что их ждет в отдаленном будущем? Какова оптимальная энергетическая стратегия развития этого региона? Один из возможных путей решения этой проблемы выдвинул министр Е.О. Адамов: проблему топлива должен решить тот, кто ее породил, то

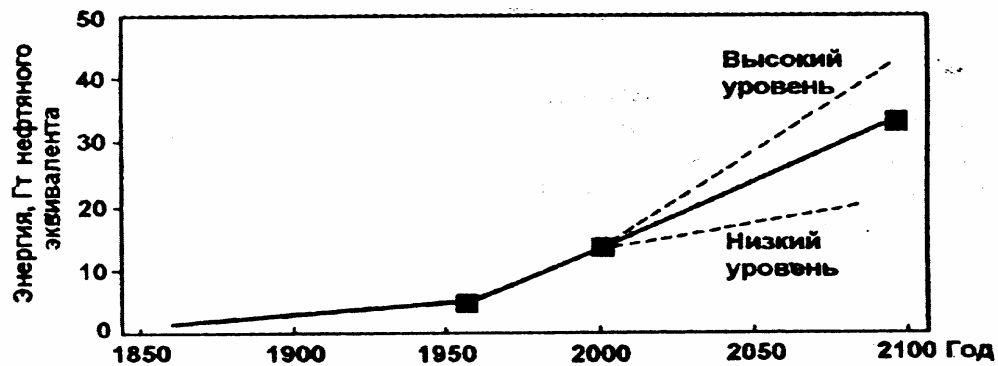

Рис. 1. Глобальное использование энергии

вопроса совершенствования безопасности и экономичности АЭС. На сегодняшний момент с точки зрения ядерной энергетики у государств Западной Европы есть все: проекты, технология, инженерные решения, инфраструктура, система образования, кадры... Нет *только* долгосрочной программы развития ядерной энергетики. В отсутствие этой долгосрочной программы усиливается тенденция, когда в относительно благополучных условиях укрепляются голоса тех, кто мыслит категориями сегодняшнего дня: "Если есть дешевый газ, зачем нам вообще АЭС". И призывают закрыть те АЭС, которые как раз и обеспечили эту энергетическую стабильность, вряд ли

есть Россия. Для небольших по размерам государств Центральной и Восточной Европы наилучший, безболезненный выход - это получение не ядерного топлива от России, а электричества. АЭС строятся на территории России, но *для* других государств. Такая мировая практика есть, и она себя оправдывает. Италия покупает около 20% электричества во Франции с французских АЭС, Швейцария и Бельгия вкладывают деньги во французские реакторы на французской территории с традиционной высокой французской культурой безопасности, с хорошо развитой инфраструктурой.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь это вопрос *контроля за рубильником*, то есть вопрос большой политики.

МУРОГОВ: Не соглашусь. В годы *холодной войны*, когда газ из Советского Союза шел в ФРГ, другие государства Западной Европы, никто про *рубильник* не вспоминал. Сейчас, по крайней мере применительно к Европе, ситуация гораздо более благоприятная. Обсуждаются вопросы создания единой энергетической системы Европы от Испании до Урала, и создание АЭС для европейских государств за пределами территорий этих

государств лишь укрепит, стабилизирует интеграционную тенденцию.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В Европе - возможно. Но в Азии ситуация иная.

МУРОГОВ: Это так. Но при этом именно Азия становится центром мировой ядерной энергетики: Китай, Индия, Пакистан, Юго-Восточная Азия... Четыре миллиарда человек - две трети человечества. И эти две трети человечества в лице своих правительств уже сделали выбор в пользу будущего развития ядерной энергетики.

Таблица 2. Доля АЭС в объеме производства энергии некоторых государств

Страна	Количество реакторов	Доля АЭС в общем объеме производства энергии, %
США	109	22
Франция	56	75
Япония	53	35
Англия	35	27
Россия	29	11
Германия	21	29
Канада	22	19
Украина	11	26
Швеция	12	51
Южная Корея	10	35

К странам, использующим атомную энергию в промышленных целях, относятся также Северная Корея, Индия, Тайвань, Китай, Мексика, Южная Африка, Аргентина, Бразилия, Пакистан, Казахстан, Литва, Армения, Болгария, Словакия, Финляндия, Венгрия, Австрия, Швейцария. Всего в 33 странах работают 440 ядерных реакторов.

Источник: *Власть. №30. 11 августа 1998, с.56-59.*

В целом развивающиеся страны используют только четыре процента ядерной энергетики, производимой в мире. То есть бум там еще не начался. Он только *вызревает*. Китай по доле ядерной энергетики в общем производстве электроэнергии пока в сто раз отстает от Франции. Чтобы достичь среднего уровня Западной Европы по доле производства ядерной энергии в год на человека, Китай должен каждый год строить примерно десять *тысячников*, и так в течение полувека. Но в итоге Китай получит свыше полутысячи 1000-мегаваттных реакторов: огромнейшая программа, ненасытный рынок.

Дальше начинаются проблемы. Какие реакторы будет строить Китай?

Реакторы нового поколения, пассивно безопасные, с новым циклом? Конечно, нет. Китай будет строить исключительно проверенные и продемонстрированные проекты, то есть то, что проверено во Франции, в России, Канаде. То есть реакторы,

которые были разработаны минимум десять-двадцать лет назад, а может быть, и раньше. Он будет повторять проверенные, то есть *старые* технологии - технологии этого века. Но работать, например, при сроке жизни АЭС около 50-60 лет, они будут до второй половины следующего века. В этом состоит одно из противоречий ситуации с развитием ЯЭ в новых регионах.

Государства Азии, сделавшие ставку на развитие атомной энергетики, прежде всего государства Юго-Восточной Азии (где этот процесс, возможно, несколько затормозится в результате финансового кризиса), не имеют ни достаточно развитой индустриальной инфраструктуры, ни полномасштабной образовательной системы, ни достаточной технологической или инженерной базы для обращения с отходами, а не только для строительства АЭС. Но они имеют желание и реальную необходимость. Ряд из этих государств уже разработали или же тщательно разрабатывают программу развития атомной энергетики на долгосрочную перспективу.

Со своей стороны Запад в каком-то смысле уже *наелся* ядерными технологиями и в некотором смысле ведет себя как избалованный ребенок: *не хочу дальше использовать результаты миллиардных затрат и многолетних трудов*. Это относится и к России. Россия создала уникальную отрасль, может быть, самую передовую по сравнению с другими отраслями в России. А теперь Россия добровольно отказывается от переработки топлива, не загружает свои мощности, фактически теряет научный потенциал и разваливает отрасль. Вместо того, чтобы, как говорится, взять основное звено, за него потянуть и вытянуть все хозяйство, вместо того чтобы определить основные отрасли, где Россия действительно на мировом уровне разработок, то есть ядерную и космическую, зачастую происходит процесс *размывания* приоритетов, скатывание к приоритету сырьевых отраслей.

Возвращаясь к проблеме ЯЭ в развивающихся странах, можно сказать, что существует как бы несколько *островов*: одни - с передовой ядерной технологией и энергетикой, но в целом без большого желания ее развивать; другие (Азия, Северная Африка, Латинская Америка) готовы приступить к развитию энергетике в некоторых случаях с нулевого уровня. Между этими островами нужны *мосты*, информационные мосты, роль которых и должно выполнять МАГАТЭ.

В качестве такого *моста* МАГАТЭ должно помочь в решении, в частности, проблемы с кадрами для будущей азиатской ядерной энергетике. Сейчас в Азии работают 20-40 тысяч ядерных инженеров, техников и т.д. Чтобы реализовать намеченные государствами программы, нужно иметь 200-400 тысяч таких специалистов (в зависимости от реальных масштабов). Можно купить оборудование, купить технологию. Но где они возьмут инженеров? Их надо вырастить. А использовать *второсортного* оператора на АЭС просто нельзя: знания оператора должны быть стандартны во Франции или в Китае. Ядерный реактор - везде ядерный реактор. Значит, следует создать полномасштабную систему подготовки и тренинга таких специалистов в ближайшие десять-пятнадцать лет. Без кооперации с Западом развивающимся государствам эту задачу не решить. Значит, они должны сейчас уже начинать кооперироваться. Ведь речь идет, по сути, о важнейшей компоненте безопасного развития ЯЭ - человеческом факторе.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но и на этих *островах*, на таких континентах, как Африка, да и в Азии картина неоднородная.

МУРОГОВ: Если подходить со стандартными мерками, то для ряда относительно благополучных государств Африки потребуются еще десятки лет, чтобы выйти на уровень, когда они смогут осуществить развитие инфраструктуры для атомной энергетике и смогут ответственно развивать эту отрасль. Для менее благополучных срок еще более далекий. Но очень трудно объяснить развивающимся странам, что они не созрели для развития ядерной энергетике и строительства современных АЭС.

К возможностям каждой страны следует подходить дифференцированно. Например, для ряда стран Центральной Африки можно было бы обосновать большую целесообразность развития возобновляемых источников энергии, например солнечной энергии. В других государствах, например на севере Африки, перед которыми серьезно стоит проблема обессоливания и опреснения, скорее всего, альтернативы атомной энергетике найдено не будет. Вообще хотел бы заметить, что проблемы нехватки или опреснения воды остро стоят для территорий с населением в два с половиной миллиарда человек. В ряде случаев только ядерная энергетика поможет спасти многие миллионы жизней, а сейчас из-за отсутствия качественной питьевой воды гибнет гораздо больше людей, чем в вооруженных конфликтах.

Здесь выбор мог бы быть сделан в пользу размещения в ряде развивающихся стран реакторов малой мощности, уровня 50-100 мегаватт. Эти реакторы можно строить как *black box*: производить их в развитых странах серийно, как машиностроительную продукцию, а затем отдавать в лизинг на двадцать лет, а потом возвращать и заменять новыми. Без перегрузки! Таким образом сразу решаем проблемы безопасности, эксплуатации и обращения с отходами и нераспространения. По сути, речь идет о малом реакторе пассивной безопасности. В таких проектах значительно снижается риск, как *нераспространенческий*, так и финансовый: не платят - заберите реактор, увозите назад.

Возможно, в начале развития по удельным капиталовложениям такие реакторы будут относительно дороже *гигантов*, но это будет плата за безопасность. Отдельное направление

- такие же маломощные реакторы, только плавучие, перемещающиеся от острова к острову, от региона к региону: для Индонезии, для района Амазонии... Такие и подобные проекты - хороший полигон и для международного сотрудничества.

Мне вообще представляется, что международное сотрудничество в ядерной энергетике является ключевым моментом, определяющим ее развитие, и имеет отличную перспективу. Достаточно посмотреть на такой пример, как строительство АЭС в Моховце (Словакия). Там наблюдается, по сути, ренессанс ядерной энергетике в Европе: в работе над общим проектом объединились международные банки и компании - *Сименс*, *Шкода*, *Минатом*, *Росатомэнерго* и *EDF*; два реактора строятся сейчас, еще два планируется построить в будущем. В результате создается лучший реактор с российско-чешско-французским оборудованием, с *сименсовской* системой контроля и управления и одновременно создается возможность выведения из эксплуатации *старых* реакторов типа ВВЭР.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Известны ли Вам примеры успешной работы над реактором нового поколения?

МУРОГОВ: Имеется целый ряд разработок энергетических реакторов нового поколения, полностью отвечающих современным требованиям ядерной безопасности. Достаточно назвать Европейский проект энергетического реактора EPR, американский AP-600, ВВЭР-640 российской разработки и другие. Совершенно новый проект - южноафриканская компания развивает проект высокотемпературного газографитового реактора модульного типа. Предполагается, что будет разработана газотурбинная АЭС с реактором мощностью 100 мегаватт. По оценкам, высказываемым учеными и инженерами, этот реактор будет производить электроэнергию дешевле, чем ВВЭР, и будет *абсолютно* безопасен. При этом специалисты из ЮАР консолидировали опыт Германии и США в этом направлении.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда Вы говорите о перспективах развития атомной энергетике, значит ли это, что Агентство детально изучает этот вопрос, готовит прогнозы?

МУРОГОВ: Да, это направление одно из самых приоритетных. Сейчас в Агентстве

вопросы будущего ядерной энергетике, вопросы стратегии занимают все более важное место. То, ради чего, собственно, создавалось Агентство, выдвигается на передний план. Финансовые потребности для разработки прогнозов, о которых Вы спрашиваете, не велики. Но роль их трудно переоценить: для одних стран это поддержка разработки стратегии их энергетического развития с использованием ЯЭ, для других - обоснование целесообразности концентрации усилий на традиционных, не ядерных источниках энергии.

В Агентстве при поддержке стран-членов развиваются на базе международной кооперации новые программы - сравнительный анализ различных источников энергии с учетом их экономической эффективности, безопасности, экологической приемлемости и риска для здоровья людей, то есть роли различных источников энергии (ядерных, угольных, газовых, нефтяных, возобновляемых) для стабильного развития человеческого общества.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Продвижение новых технологий должно сопровождаться и расчетом на будущее прежде всего в том, что связано с отходами...

МУРОГОВ: Совершенно верно, и эта проблема становится нашей серьезной головной болью не только в связи с развитием ядерной энергетике. В каком-то смысле сейчас приходится признать, что мы столкнулись с *джинном*, которого выпустили из бутылки до того, как научились управлять им. Проблема отходов особенно остро встает в развивающихся государствах, которые в некоторых случаях даже не имеют достаточно развитой инфраструктуры и системы подготовки собственных кадров, однако широко используют радиоизотопы. Например, в медицинских целях, в сельском хозяйстве, в промышленности, в исследованиях. Они производят (по объему) сейчас больше отходов, чем ядерная энергетика в этих странах. Мы часто читаем о проблеме *ядерной контрабанды*. Проблема действительно серьезная. Однако реальность такова, что контроль за перемещением, скажем, плутония поставлен в целом качественно, так как государства понимают опасность несанкционированного доступа к нему с точки зрения режима ядерного нераспространения, а вот по использованию радиоизотопов и радиоактивных источников система учета и контроля в ряде стран только еще создается.

Не существует полномасштабного регистра как свежих, так и использованных радиоизотопов и источников. В результате девяносто-девяносто пять процентов заявленных случаев хищений и утрат радиоактивных материалов - это не делящиеся материалы, а именно радиоизотопы.

Проблема приобретает серьезные масштабы, наносит тяжелый ущерб человеку и окружающей среде. Один пример: в одной из стран Центральной Америки в результате изменения калибровки при работе с радиоактивным источником излучения (вместо секунд использовали минуты) 70 человек погибли, 140 человек облучены. Примечательно вместе с тем то, что мировая пресса не обратила достаточного внимания на эту трагедию в Центральной Америке, потому что *масштаб не тот* - к ядерному оружию ну никак эту аварию не привяжешь, а вот когда случается инцидент на АЭС рутинного уровня, реакция прессы совсем другая.

Говоря более широко, мы только сейчас начинаем понимать, какую технологию мы получили в наши руки, а также то, что продукты деления - это не отходы, это субпродукты, которые мы просто *не умеем* использовать. Мы используем менее пяти процентов продуктов деления для целей медицины, для производства продуктов питания, для диагностики и т.д., а остальные 95% обозначаем как *отходы* просто потому, что мы не знаем, как их использовать.

Такая недооценка произошла из-за того, что вся ядерная энергетика изначально развивалась для создания бомбы, все остальное было как бы *между прочим*. Теперь приоритеты поменялись, и нам надо по-новому взглянуть на всю деятельность в комплексе.

Но мы не должны забывать и другое: ядерная энергетика - это база, но это только одна из форм использования ядерных технологий. Это видно и по Агентству. Бюджет моего Департамента - по атомной энергии - вчетверо меньше, чем бюджет Департамента неэнергетических применений. Это отражает тот факт, что ядерные технологии и радиоизотопы находят все более широкое применение в медицине, науке, сельском хозяйстве, в промышленности как развитых, так и многих развивающихся стран, то есть в интересах большинства стран-членов МАГАТЭ.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как Вы можете оценить место России в мировой ядерно-энергетической системе?

МУРОГОВ: Россия, продолжая оставаться в числе стран с наиболее развитой ядерной индустрией, относится вместе с тем к числу государств, слабо использующих имеющийся потенциал. В России практически заморожены или очень медленно ведутся работы по строительству реакторов нового поколения, реально только достраиваются старые проекты. Реактор ВВЭР-640 сейчас на пике, он *созрел*, но еще десять лет разговоров о его строительстве, что несложно представить с учетом хронического безденежья, и что будет? Та же ситуация со строительством такого перспективного реактора, как БН-800 - быстрого реактора-утилизатора плутония.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Россия традиционно, со времен Советского Союза, была сильно представлена в МАГАТЭ. Сохраняется ли эта традиция сейчас?

МУРОГОВ: Я как международный менеджер вижу две стороны этой проблемы здесь, в Вене, два подхода. Первый подход заключается в том, что Россия всегда традиционно очень сильно, как Вы сказали, представлена в МАГАТЭ, и это адекватно отражает ту роль, которую ядерная энергетика традиционно играла в СССР и в России, также ту долю, которую она продолжает занимать в мировой ядерной энергетике.

В то же время надо реально отдавать себе отчет, что доля национального валового продукта России продолжает неуклонно снижаться в последующие годы, а задолженность в бюджет МАГАТЭ, наоборот, возрастает и сейчас самая существенная по сравнению с другими странами. И это в совокупности не может не влиять на представленность российских специалистов.

Надо прямо сказать: исторически так сложилось, что роль России наряду с Соединенными Штатами Америки, со странами *семерки*, странами-донорами, была в Агентстве одной из определяющих. И это в значительной мере сохранилось. Реальная роль России в атомной энергетике, уникальные знания ее специалистов в целом ряде областей не могут быть недооценены. Россия не сидит здесь на краешке стула, как в некоторых других международных организациях. Россия в Агентстве - полноправный участник большинства

программ, член Совета управляющих. Выступление российского представителя, как правило, хорошо подготовлено и профессионально одно из наиболее грамотных. Российская делегация выступает всегда по наиболее существенным, стратегическим вопросам деятельности Агентства, настоятельно затрагивает такие вопросы, как будущее ядерной энергетики, будущее системы гарантий. Очень важно, что по этим стратегическим вопросам российская делегация задает тон на Совете управляющих. Иногда постановка вопросов российской делегацией позволяет оживить дискуссию, уйти от обсуждения только финансовых или административных вопросов, да и политических. Россия всегда старается поднимать прежде всего вопросы технической политики и технической стратегии.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Значит ли это, что финансовая политика Агентства остается вне сферы Вашего внимания?

МУРОГОВ: Ни в коем случае. Как заместителю генерального директора, как руководителю Департамента ядерной энергии, мне приходится сталкиваться с ними каждодневно. Понятно, что без финансовой политики не выработать никакой технической стратегии.

Мы имеем список приоритетных программ и направлений, а также список дополнительных приоритетных направлений. Если нам удастся где-либо сэкономить средства, у нас есть возможность тут же направить их на решение дополнительных приоритетных задач.

В то же время серьезной проблемой является одногодичный финансовый цикл. Средства, оставшиеся не истраченными в конце года, возвращаются странам-членам, то есть для Агентства и для конкретных программ они пропадают. Необходимость истратить средства точно к концу года висит над нашими финансовыми менеджерами, как *дамоклов меч*. Если бы цикл был двух- или трехгодичным, это позволило бы эффективнее концентрировать ресурсы на главном направлении и более оптимально управлять средствами.

Важное значение мы придаем странам-донорам, которые обеспечивают внебюджетное финансирование отдельных новых проектов. Иначе целый ряд важных программ оказался бы под угрозой свертывания. Если существует объективная необходимость начать какой-то перспективный интересный проект, то сегодня мы можем запланировать его начало в лучшем случае на 2000 год, и то в ограниченных объемах. Возможности вписать новый проект в бюджет 1999 года практически исчерпаны. Здесь и помогает внебюджетная поддержка государств-доноров, заинтересованных в развитии того или иного нового приоритетного проекта.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Поддержат ли государства-доноры дополнительные исследования по реактору будущего?

МУРОГОВ: Прогнозировать сложно, но такая поддержка была бы крайне важна, учитывая, что сегодня подобного международного проекта у нас нет. У нас есть проект по координации разработок по термоядерному реактору, но нет ни по будущему ядерному реактору деления, ни по будущему топливному циклу.

Термоядерный реактор - вещь, безусловно, любопытная. Но он, с моей точки зрения, до сих пор является в большей степени символом-программой научно-исследовательских работ, направленных на достаточно отдаленное будущее, нежели механизмом концентрации усилий ученых и инженеров по конкретной разработке энергетического проекта. В то же время мы изучаем возможность сравнительного анализа, роли для будущей энергетики и ядерного топливного цикла таких *предельных* источников ядерной энергии. Что касается международного проекта реактора деления, при разработке проекта *реактора будущего* имеется возможность консолидировать усилия научных, технологических, инженерных школ Франции, Германии, России, Соединенных Штатов Америки, Японии, Канады и других стран.■

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье», а также из «досье по обычным вооружениям» ПИР-Центра, опубликованные в августе – октябре 1998 года. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ**ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ**

- **В правительстве**

Евгений Примаков назначен председателем правительства

11 сентября Государственная Дума утвердила акад. Евгения **Примакова** председателем правительства Российской Федерации. В редакции *Ядерного Контроля* с удовлетворением восприняли это известие. Евгений Примаков известен нам как активный защитник российских национальных интересов, прагматичный политик в том, что касается улучшения климата международной безопасности, сторонник продуманного сокращения ядерных вооружений. Нам приятно, что новый премьер-министр давно знаком с нашим журналом.

обороноспособности и необходимости ратифицировать договор СНВ-2». (Государственная Дума. Стенограмма Заседаний. Бюллетень №201. 11 сентября 1998, с.40.)

- **В Минатоме**

Приступили к исполнению обязанностей

С 27 июля приступил к исполнению обязанностей первого заместителя министра по атомной энергетике Валентин **Иванов** (ранее - директор ГНЦ НИИАР, город Димитровград), с сохранением функции научного руководителя и представителя НТС того же института.

Валентин Иванов родился в 1941 году в городе Балашов Саратовской области, окончил в 1963 году Куйбышевский

ОБОЗРЕНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ
В РОССИИ И НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В. Примаков
8.4.97

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Выступая на заседании Государственной Думы в день своего назначения, Евгений **Примаков** затронул, среди прочих, и вопросы контроля над вооружениями. Он, в частности, заявил: «Что касается ратификации договора СНВ-2, то я буду просить Думу его ратифицировать и от этого не отступаю. То, что вы говорите, что это нас разоружает и чуть ли не снимает все наши ракеты с боевого дежурства, - это не так. Я буду объяснять, буду говорить об этом с депутатами, буду просить депутатов вникнуть глубже в эту проблематику и буду просить сидящего здесь министра обороны говорить на эту тему. Он абсолютно ответственный человек, и он нигде, так сказать, не покривит душой, конечно, будет говорить о нашей

политехнический институт по специальности автоматика и телемеханика. В 1971 году присуждена ученая степень кандидата технических наук, в 1990 году - доктора технических наук, с 1992 года - член-корреспондент Академии технологических наук. Вся трудовая деятельность г-на Иванова связана с атомной промышленностью и энергетикой, с НИИАР. Результаты работы опубликованы более чем в ста научных работах. Имеет монографию «Автоматизация дистанционных материаловедческих исследований в горячих лабораториях». Лично и в соавторстве получил признание на российских и международных семинарах и конференциях. С 1998 года Валентин Иванов работал директором ГНЦ НИИАР.

С 16 июля приступил к исполнению обязанностей заместителя министра по атомной энергетике Владимир **Виноградов** (ранее - руководитель департамента экономики и перспективного развития Минатома).

Владимир Виноградов родился в 1938 году в городе Дмитров Московской области, в 1961 году окончил Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева по специальности технология радиоактивных, редких и рассеянных элементов, кандидат технических наук. В отрасли работает с 1961 года, прошел путь от инженера на подведомственном предприятии до руководителя одного из определяющих департаментов министерства. С 1986 по 1989 год работал начальником подотдела в Госплане СССР. С 1989 года возглавляет экономическую службу министерства. Под руководством г-на Виноградова в департаменте экономики и перспективного развития формируется государственный оборонный заказ, реализуются международные договоры, ведется баланс специального сырья и делящихся материалов, разработаны Программа конверсии предприятий Минатома на 1998 - 2000 годы, программы реструктуризации оборонных предприятий отрасли и развития атомной энергетики до 2005 года. В качестве заместителя министра г-н Виноградов будет координировать вопросы экономической и финансовой политики министерства.

Также приступили к исполнению обязанностей: руководителя департамента экономики и перспективного развития - Александр **Мартьянов** (ранее - заместитель директора по экономике и социальным вопросам ГНЦ РФ ИФВЭ, город Протвино); руководителя департамента безопасности информации, ядерных материалов и объектов - Виктор **Ромашин** (ранее - сотрудник НИКИЭТ); советника министра доктор физико-математических наук Сергей **Крысов** (ранее - заместитель директора РФЯЦ ВНИИЭФ, город Саров); помощника министра - Сергей **Кушнарев** (ранее - сотрудник РНЦ Курчатовский Институт). (Новые назначения. *Атом-пресса*. №30. 28 августа 1998, с.1.)

Депутатский запрос генеральному прокурору

министерству коммерческий *Конверсбанк*, расчеты через другие банки запрещены. По мнению депутатов, это нарушает Закон о

Генеральному прокурору Юрию **Скуратову** направлен запрос заместителя председателя комитета по информационной политике и связи Государственной Думы Ларисы **Злобиной** с просьбой осуществить проверку соответствия законодательству приказов и распоряжений министра по атомной энергетике Евгения **Адамова**. В документе содержится просьба к прокуратуре «принять меры по пресечению нецелевого использования средств атомной отрасли». Аналогичное письмо направлено на имя премьер-министра Евгения **Примакова**.

Пресс-служба министерства распространила заявление, опровергающее информацию о коммерческой деятельности главы ведомства.

Известия полагают, что из всех промышленных ведомств Минатом в финансовом плане находится в самом благоприятном положении. Самым большим и одновременно самым скандальным контрактом, подписанным президентами Ельциным и Клинтонем, является сделка по продаже США высокообогащенного урана: только в 1997 году Россия продала Америке 540 тонн урана. В 1995 - 1996 годах общий доход России составил 431 миллион долларов. Общая стоимость контракта составляет 12 миллиардов долларов.

Россия не может вернуть себе природный уран, который получается после переработки и по контракту принадлежит ей, так как законы США запрещают его вывоз из страны. В борьбе за продажу этого урана конкурируют, с одной стороны, мировые монополисты *Кожема* (Франция) и *Камеко* (Канада), с другой - американская *Плеядес* во главе с бывшим министром торговли Р. Мосбакером. Предложения первой группы содержат ряд неприемлемых, включая политические, условий. Поэтому в 1997 году Минатом начал сближение с американцами, которые предлагали новую, перспективную схему. В 1998 году Евгений Адамов, имевший ранее коммерческие связи с Канадой, неожиданно отказался от уже готовых соглашений.

В запросе на имя генпрокурора указывается, где министерство хранит свои накопления. Евгений Адамов издал распоряжение, обязывающее все предприятия отрасли перевести свои активы в подконтрольный банках и банковской деятельности, кроме того, у *Конверсбанка* нет в стране своей платежной системы, что и затрудняет

перечисление в регионы честно заработанных атомщиками денег. (Сергей Лесков. Минатом в опасности. *Известия*. 25 сентября 1998, с.2.)

- **В РСН**

Осуществлен пуск *Молнии-М*

Главнокомандующий РСН генерал-полковник Владимир Яковлев высоко оценил действия боевого расчета космических средств, успешно осуществившего 29 сентября в 3:41 (время московское) с космодрома Плесецк пуск ракеты-носителя *Молния-М*. Ракета-носитель вывела на расчетную орбиту космический аппарат, который будет работать в интересах министерства обороны РФ. В целом за этот год боевыми расчетами космических средств РСН уже осуществлено 18 пусков ракет-носителей. Все они были успешными. (Ильшат Байчурин. На орбите - *Молния-М*. *Красная Звезда*. 30 сентября 1998, с.1.)

- **Ядерная доктрина. Сокращение ядерных вооружений**

«Ракетный щит - в одни руки»

Единственным имеющимся в России реальным средством сдерживания возможной угрозы как неядерной, так и ядерной агрессии являются ядерные вооружения. Они же служат гарантом для России, обеспечивая ей определенный исторический отрезок времени, чтобы преодолеть экономический кризис, охвативший страну. Этим утверждением начинается развернутая программная статья в официальном органе министерства обороны газете *Красная Звезда*. Ниже мы предлагаем эту статью в изложении.

В соответствии с договором СНВ-2, пока еще не ратифицированным Россией, к 2003 году наши Вооруженные силы могут иметь 3000 - 3500 ядерных боезапасов, в том числе: РСН - 800 - 900, ВМФ - 1700 - 1750 и ВВС - около 500 зарядов. При нынешнем финансировании стратегических ядерных сил (СЯС) воспроизводство ракет РСН составляет менее 20 в год, и к 2003 году *стратегии* смогут иметь не больше 350 - 400 ракет. Что же касается авиационной компоненты стратегической триады, то ее воспроизводство находится под большим вопросом, и нужно полагать, что еще до 2003 года она может прекратить свое существование.

В ВМФ основными носителями ядерного оружия служат ракетные подводные крейсера стратегического назначения (РПК СН) серии *Тайфун* и *Дельта*, действующие в составе Тихоокеанского и Северного флотов. Именно они, поскольку перспективы принятия в ближайшие годы на вооружение ракетносцев класса *Юрий Долгорукий* невелики, учитываются при определении количественного состава морских стратегических ядерных сил (МСЯС) в международных переговорах. А специалисты уверены, что к 2003 году ВМФ будет иметь в своем составе 12-17 РПК СН. Суммарный состав боевых зарядов при этом будет немногим более 1000.

Предположим, что к этому сроку удастся сохранить 15 ракетносцев. Будет справедливо считать, что при нынешнем уровне почти разрушенной и нефинансируемой судостроительной базы Россия не сможет удержать в постоянной готовности более 65% от имеемого числа кораблей. Флот будет реально располагать лишь девятью ракетносцами. Допустим, что все девять находятся в цикле, межремонтный срок их достаточно высок, задержек с поступлением аккумуляторных батарей и активных зон нет. При *нормальном* напряжении (коэффициент оперативного напряжения равен 0,5) постоянно в море тогда будут находиться пять-шесть ракетносцев, а три-четыре - на боевом дежурстве в портах. Это будет фактическим потенциалом МСЯС, на который Россия сможет рассчитывать в случае внезапной агрессии.

Некоторые специалисты считают, что сегодня нет смысла поддерживать верхний уровень количества боезарядов МСЯС, определенный договором СНВ-2, поскольку показателем сдерживающего эффекта ядерного оружия является не количество, а возможные последствия его применения. Этим пытаются оправдать нынешнее постоянное снижение ядерного потенциала страны. Авторы статьи уверены, что ввиду постоянной исторической непредсказуемости начала военных действий расчет боезарядов должен производиться только по верхнему пределу. Так обвязывает и ситуация, складывающаяся вокруг договора по ПРО. Сегодня нельзя гарантировать, что США не выйдут из этого договора и не станут создавать стратегическую систему

ПРО. В случае же ядерного конфликта, - как люди военные, авторы всегда исходят из самого худшего прогноза, - прорыв такой системы может быть обеспечен лишь массовостью ракетного удара.

Рассматривая возможное развитие многополюсного мира, ведущее к созданию мировых силовых центров, нельзя исключить также, что эти центры пойдут на развертывание на своей территории значительного количества межконтинентальных баллистических ракет.

В таких условиях России следует рассмотреть вопрос об объединении РВСН и МСЯС под единым командованием. На ранней стадии своего обсуждения реформирование ВС предусматривало создание Сил стратегического сдерживания (ССС). Этот вопрос до сих пор находится в дискуссионных рамках. Авторы считают, что его решение необходимо ускорить. Главное командование СССР могло бы взять на себя функции планирования развития СЯС и оперативного планирования их боевого применения, а также решать вопросы обеспечения эффективности их применения. Кстати говоря, в США подобная организационная перестройка проведена еще в 1993 году. Созданному Объединенному стратегическому командованию были переданы в подчинение боеготовые межконтинентальные БР, ПЛАРБ и стратегические бомбардировщики.

Оценивая боевые возможности своей объединенной диады, а возможно и триады, главное командование СССР было бы заинтересовано в пропорциональном распределении средств между своими компонентами. При таком распределении нельзя было бы не учесть, что МСЯС обладают рядом преимуществ: скрытностью нахождения носителей в океане, возможностью пуска ракет из совершенно неожиданных районов, и в том числе из-под воды, непредсказуемостью траектории полета ракет, возможностью сокращения дистанции пуска и прочие.

Военно-морской флот в лице главного командования СССР приобрел бы себе мощного союзника в отстаивании своих интересов, в финансировании программ развития, а также в поддержании боевой готовности ракетносцев и сил их боевого и специального обеспечения.

Вопросы обеспечения действий МСЯС, и в частности боевой устойчивости РПК СН, приобретают все большее значение. Не случайно с вводом в боевой состав ВМФ крейсера *Петр Великий* этому кораблю уделяется повышенное внимание. В рамках оборонительной операции флота именно крейсера подобного класса могут быть ядром при управлении силами соединения, выполняющего функции по обеспечению боевой устойчивости группировки МСЯС. При таком условии ракетносцы *Тайфун*, *Дельта* и, если будет нормальное финансирование, *Юрий Долгорукий* будут действовать в единой оперативной связке с максимальной эффективностью.

Некоторые теоретики считают, что преувеличивать роль надводных атомных крейсеров в вопросах обеспечения боевой устойчивости РПК СН не стоит. И что командование ВМФ вполне может рассматривать арктические районы Северного Ледовитого океана в качестве районов боевых действий своих ракетносцев с естественным ледовым прикрытием как от ударов с воздуха, так и от ударов надводных кораблей. Но давайте посмотрим на этот вопрос с несколько других позиций. С осени 1996 года США развернули широкомасштабные программы военно-прикладных и фундаментальных исследований в Арктике для создания наиболее полных гидрологических и батиметрических карт. Прежде всего эти исследования касаются российской зоны Арктического бассейна. Готовятся к развертыванию новые средства подводного наблюдения (типа FDS), способные взять под контроль 75% вероятных действий РПК СН.

У России нет средств на адекватные действия. Эти трудноподъемные, в смысле финансирования, работы мы не смогли выполнить даже в эпоху самого активного проникновения в Арктику в восьмидесятых годах. Таким образом, Арктика становится районом, где мы почти безвозвратно утрачиваем свои позиции. Для нас это может обернуться тем, что Арктический бассейн станет для наших ракетносцев не укрытием, а ловушкой. Тогда нам без своих крейсеров не обойтись. Поэтому не стоит ставить под сомнение целесообразность боевого использования крейсера *Петр Великий* и правильнее было бы уже сейчас подумать о том, как лучше его сохранить.

Выступая за принятие срочных мер по сохранению ядерного щита России, авторы в то же время понимают, что сложившиеся объективные условия все более усложняют возможность поддержания паритета с США по общей суммарной мощности ядерного потенциала. А посему необходимо ускорить процесс ратификации Договора СНВ-2. Это позволит нашим странам приступить к подготовке нового договора - СНВ-3, который выведет нас на более низкие количественные уровни ядерных вооружений. (Владимир Лебедько, Анатолий Доценко, Виктор Сырык. Ракетный щит - в одни руки. *Красная звезда*. 29 сентября 1998, с.2.)

Прошли учения стратегической авиации 9 сентября завершились плановые учения соединений 37-й воздушной армии, так теперь в результате реформирования ВВС называется дальняя авиация, составляющая воздушную компоненту российских сил ядерного сдерживания (СЯС). В ходе маневров были отработаны задачи боевого применения стратегических бомбардировщиков с пуском крылатой ракеты.

В соответствии с планом два бомбардировщика Ту-95МС взлетели с аэродрома города Энгельса (Саратовская область) и направились по курсу на север страны. Преодолев порядка двух с половиной тысяч километров, самолеты вышли на рубеж пуска, где выпустили ракету Х-55СМ по цели на полигоне Канин Нос. Воздушные стратеги впервые использовали эту тренировочную площадку, принадлежащую ВМФ, в своих целях. Основной, так называемый *пятисотый*, полигон, на котором отрабатывала задачи дальняя авиация, находится теперь на территории независимого Казахстана, близ Семипалатинска.

Зажатые жесткими финансовыми рамками, российские летчики не в состоянии платить в валюте за использование казахстанского полигона и вынуждены тренироваться на учебной площадке, предоставленной моряками. Взамен стратеги подбрасывают своим коллегам керосин, к тому же ВМФ заинтересован в участии в учениях, так как проведение подобных стрельб позволяет отрабатывать свои задачи военно-морской авиации, самолетам и наземным радиотехническим средствам противовоздушной обороны, прикрывающим северные границы России. В нынешних

условиях военное руководство стремится проводить комплексные учения, в которых задействуются различные виды и рода войск, что позволяет экономить значительные финансовые средства.

В ходе пусков была впервые в боевом применении испытана система КТС-15, позволяющая без помощи вспомогательных самолетов отслеживать маршрут следования крылатой ракеты. Новое оборудование получило хорошие отзывы специалистов.

Не успели еще подойти к рубежу пуска крылатых ракет российские бомбардировщики, как в зоне учений появился базовый патрульный самолет ВМС США *Орион*, основной задачей которого является ведение всех видов разведки у берегов вероятного противника. Разведывательное воздушное судно фиксировало работу радиотехнических средств авиации и ПВО, задействованных в маневрах. По словам специалистов, *натовские* военные всегда тщательно отслеживают ситуацию в российских северных морях.

Несмотря на финансовый кризис, в ближайшее время на вооружение дальней авиации поступят принципиально новые крылатые ракеты, разработанные КБ *Радуга*, имеющие предварительное название Х-101. Это оружие способно поражать цели с вероятным отклонением в несколько метров на удалении до пяти тысяч километров от места пуска. Х-101 имеет различные варианты комплектации и может применяться как в ядерном, так и в обычном снаряжении. По мнению специалистов, в случае принятия на вооружение этого типа крылатой ракеты самолеты дальней авиации смогут выполнять все поставленные задачи, не соприкасаясь с зоной ПВО противника. (Успехи стратегической авиации. На ее вооружение поступят новые крылатые ракеты. *Независимая Газета*. 10 сентября 1998, с.2.)

В Минобороны РФ подготовлены предложения по параметрам нового Договора СНВ-3

В Минобороны отмечают, что военным специалистам по ядерному планированию США и РФ поставлены конкретные задачи по определению основных параметров договора СНВ-3. Российские эксперты предоставили материалы, отражающие подходы российской стороны к формированию содержания нового договора - СНВ-3. Определяется, что СНВ-3

будет подписан после ратификации российским парламентом договора СНВ-2. Договор СНВ-3 должен быть бессрочным, доверительным, транспарентным, предусматривать меры, направленные на необратимость глубоких сокращений СНВ, и охватывать учет и ликвидацию других ядерных средств (крылатых ракет морского базирования, тактического ядерного оружия, ядерных материалов). СНВ-3 должен быть тесно увязан с договором по ПРО 1972 года, предусматривать процедуры по ограничению противолодочной деятельности атомных подводных лодок, а также включать меры, позволяющие снизить затраты на контроль и ликвидацию стратегических наступательных вооружений (СНВ). Российская сторона предлагает ввести запрет на создание новых видов СНВ, ввести реальный учет всех тяжелых бомбардировщиков, исключить возможность их переориентации из неядерных в ядерные, а также понизить их количество (ядерных и неядерных) в США и России до уровня 50 единиц.

Также предлагается ликвидировать все крылатые ракеты морского базирования (не только ядерные, как это предлагают США) и запретить создание новых типов крылатых ракет воздушного базирования в ядерном оснащении.

Москва намерена предложить всем странам, имеющим ядерное оружие, объявить мораторий на наращивание своих ядерных потенциалов с началом действия договора СНВ-3. (Владимир Георгиев. Ядерный аспект саммита. *Независимая Газета*. 03 сентября 1998, с.6.) *По данному вопросу см. в настоящем номере Ядерного Контроля материал о конференции ПИР-Центра в разделе Новости ПИР-Центра.*

Президент помнит об СНВ-2

17 сентября в ходе встречи президента России Бориса Ельцина с министром обороны Игорем Сергеевым обсуждался вопрос ратификации договора СНВ-2 и ход реформирования Вооруженных сил России. Как сообщил журналистам пресс-секретарь главы государства Дмитрий Якушкин, «шел очень конкретный разговор, причем акцент был сделан на социальной составляющей реформирования Вооруженных сил». (Президент следит за ситуацией в армии. *Красная Звезда* со ссылкой на *Итаp-Тасс*. 18 сентября 1998, с.1.)

Государственная Дума может ратифицировать договор СНВ-2

«Сейчас шансы на ратификацию Договора СНВ-2 в Государственной Думе значительно улучшились по сравнению с тем, какими они были еще несколько месяцев назад», - заявил начальник Центрального научно-исследовательского института министерства обороны генерал-майор Владимир Дворкин.

Институт, который возглавляет генерал, является ведущим научным учреждением Ракетных войск стратегического назначения, которое занимается также и проблемами противоракетной обороны и военно-космических сил. Уверенность Владимира Дворкина связана с назначением на пост премьер-министра России Евгения **Примакова**, который всегда поддерживал этот договор и при утверждении его в Думе на этот пост заявил, что будет настаивать на ратификации договора СНВ-2, поскольку это обязательное условие развития наших внешнеполитических, внешнеэкономических связей и сотрудничества с США.

По словам генерала Дворкина, «министр обороны России маршал Сергеев неоднократно выступал на закрытых и открытых заседаниях Думы. Практически все недостатки СНВ-2 были блокированы и объяснены депутатам. Оставалось несколько препятствий для его ратификации. Они были связаны с отсутствием государственной программы развития стратегических ядерных сил и их гарантированного финансирования».

Сейчас эти препятствия фактически устранены. Программа развития СЯС утверждена на июльском заседании Совета безопасности России, депутаты с ней знакомы. Подготовлен и проект федерального закона по гарантированному финансированию развития и поддержания стратегических ядерных сил России до 2010 года. Он тоже должен быть принят в ближайшее время. Так что сегодня нет никаких причин и дальше затягивать ратификацию договора, считает начальник ЦНИИ Минобороны.

По мнению Владимира Дворкина, договор СНВ-2 все же будет ратифицирован. И даже в ближайшее время. Возможно, в октябрь-ноябре. (Виктор Литовкин. Госдума может ратифицировать Договор СНВ-2. *Известия*. 26 сентября 1998, с.2.) *См. также в настоящем номере рубрику Новости ПИР-Центра.*

Игорь Иванов: «СНВ-2 отвечает российским интересам»

Назначенный на пост министра иностранных дел России Игорь Иванов сообщил 29 сентября, что на своих встречах с фракциями Государственной Думы он затрагивал вопрос ратификации договора СНВ-2: "Мы исходим из того, что ратификация Договора СНВ-2 отвечает российским интересам, потому что она позволила бы сразу перейти к переговорам по Договору СНВ-3 для снижения ядерного уровня. Мне кажется, что в Думе есть понимание необходимости ратификации. Но вместе с тем депутаты вполне законно хотят рассматривать этот вопрос в увязке с другими вопросами национальной безопасности. Поэтому их интересует, каким образом после сокращения стратегических вооружений будет обеспечиваться безопасность России, каким образом будет идти финансирование армии, каким образом будет идти перевооружение с учетом новой доктрины и так далее.

Поэтому мы условились, что в ближайшее время мы начнем процесс ратификации. И в ходе этого процесса, чем убедительней правительство сможет представить ответы на все эти вопросы, связанные с национальной безопасностью, тем больше будет шансов добиться ратификации Договора СНВ-2".

На вопрос, произойдет ли это до конца текущего года, министр признался: «Я не могу точно сказать». (Игорь Иванов: «Постараемся не подвести страну» (отрывок). *Независимая Газета*. 30 сентября 1998, с.6.)

- **Атомный подводный флот**

Поездка Николая Егорова на север России

Заместитель министра по атомной энергии России Николай Егоров побывал с рабочим визитом в Мурманской области. Он посетил город Полярный, Снежногорский судоремонтный завод *Нерпа*, провел встречу с командованием Северного флота и представителями судоремонтных предприятий, занимающихся утилизацией атомных подлодок. Цель визита - убедиться на местах в возможности реализации постановления Правительства РФ о передаче ряда функций по содержанию радиационно опасных объектов от министерства обороны к министерству по атомной энергии. В частности, в ведение Минатома перейдут береговые технические базы флота. (Роман Фомищенко. Визит Николая Егорова на север России. *Красная Звезда*. 29 августа 1998, с.1.)

Экономические трудности, которые испытывает Россия в настоящее время, не позволяют в короткие сроки выгрузить отработавшее ядерное топливо (ОЯТ) из 65 подводных лодок, построить новые объекты для временного хранения и транспортирования ОЯТ, а также для создания инженерных сооружений для долговременного и безопасного хранения или захоронения радиоактивных отходов (РАО).

Минатом принял на себя обязательство провести неотложную работу в обеспечение выгрузки ОЯТ из реакторов атомных подводных лодок, выведенных из состава Военно-морского флота, и снижения экологического риска на береговых технических базах.

Почти полугодовая подготовительная работа позволила г-ну Егорову представить коллегии обстоятельный план-график неотложных работ. Сам перечень работ, определение их стоимости и реальных сроков проведения говорят о наиболее оптимальном варианте решения проблемы в сегодняшней сложной ситуации. Все работы разбиты по следующим направлениям: обеспечение безопасности АПЛ до выгрузки ОЯТ; обеспечение выгрузки и обращение с ОЯТ; реабилитация радиационно опасных объектов ВМФ; создание нормативно-технической и технологической документации. В них примут участие более двух десятков предприятий Минатома и Минобороны России. Общие затраты составят 1500 млн. руб. (в частности, в этом году чуть более 100 млн. руб.).

Финансирование плана неотложных работ предполагается осуществить за счет средств федерального бюджета в рамках государственного оборонного заказа и средств специального фонда Минатома, средств, поступивших от реализации металла, полученного в результате разделки АПЛ и других неядерных судов ВМФ, средств Федеральной целевой программы «Обращение с радиоактивными отходами...», а также средств по международным проектам.

Реализация плана неотложных работ позволит приступить к развертыванию работ по широкомасштабной комплексной утилизации АПЛ на предприятиях промышленности с завершением выгрузки ОЯТ из всех выведенных из состава ВМФ (на 1 июля 1998 года) АПЛ и хранилищ

береговых технических баз (без дефектного ОЯТ) к 2005 году.

До этого срока также должны быть приняты технические решения, утверждены планы и реализованы работы по следующим направлениям: обращение с дефектными ОЯТ и топливом, не подлежащим переработке на ПО *Маяк*; обращение с ОЯТ и реакторными отсеками аварийных подводных лодок; утилизация плавмастерских и судов обеспечения, загрязненных радиоактивными продуктами; реабилитация хранилищ твердых и жидких радиоактивных отходов на береговых технических базах ВМФ; завершение строительства и передачи на предприятия промышленности ПТБ проекта 2020 и плавдока; создание новых или реконструкция существующих судов в обеспечение перевозки контейнеров типа ТУК-18; разработка принципиальной схемы утилизации и обращения с реакторными отсеками надводных кораблей и судов с ядерными энергетическими установками. (Флаг на атомной подлодке спущен. Что дальше? *Атом-пресса. №30.* 28 августа 1998, с.4.)

«Угрозы ядерному полигону на Новой Земле не было»

Пятеро матросов, совершивших преступление на заполярном архипелаге Новая Земля, снова за решеткой той же гауптвахты, где сидели и до того. Но отвечать теперь придется за терроризм и убийство.

Ранним утром пятеро матросов срочной службы, четверо из которых уроженцы Северного Кавказа, находившиеся на гарнизонной гауптвахте в поселке Белужья Губа на западном побережье южного острова архипелага Новая Земля, убили часового, а потом с захваченным автоматом и двумя рожками в санитарном "ЗиЛ-131" направились в сторону аэропорта Рогачево.

Террористы ворвались в местную школу и захватили в заложники 30 детей и девять учителей вместе с директором. Из школы они позвонили начальнику полигона контр-адмиралу Виктору Шевченко и потребовали только оружие, самолет, чтобы лететь в Махачкалу под предлогом, что во время взрыва дома там могли пострадать их родственники.

Автоматы с патронами им выдали. Адмирал же без охраны и оружия вошел в школу и

предложил бандитам в заложники себя вместо детей и учителей.

С архипелага Новая Земля военные дозвонились до президента Ингушетии Руслана Аушева и председателя Госсовета Дагестана Магомедали Магомедова, соединили их с террористами. Оба начали уговаривать матросов отпустить заложников и сдаться командованию. Магомедов сообщил, что во время взрыва никто из родственников махачкалинцев не пострадал.

Уговоры отчасти помогли: матросы постепенно отпустили ребят и учителей. Но оружие все еще находилось в их руках. Они потребовали теперь у адмирала Шевченко сигареты, камуфляжные куртки. Все это было доставлено. Подошел автобус. Вооруженных матросов вместе с адмиралом повезли на нем к самолету. Один из террористов бросил у трапа автомат и побежал в тундру. Остальные уже вошли в самолет, но тут оказалось, что никто из них не взял личные вещи. Надо было возвращаться в казарму.

Пока автобус шел в поселок, на остров сел самолет с группой захвата. Назад, к самолету, преступники ехали уже под прицелами спецназовцев.

Вероятность угрозы ядерной безопасности военные сразу определили как равную нулю: ядерных боеприпасов на Новой Земле, по словам Минобороны, давно нет, а испытательная площадка ядерного полигона, где проводятся научные исследования, находится в 260 километрах к северу от Белужьей Губы, на южном берегу пролива Маточкин Шар. (Владимир Демченко, Виктор Литовкин. Угрозы ядерному полигону не было. *Известия.* 08 сентября 1998, с.1.)

Вместе с тем сама возможность того, что криминальная группировка действовала в одном из подразделений на новоземельском полигоне, свидетельствует о том, что при отборе личного состава сделаны серьезные упущения. Выходцы из Дагестана составляют здесь в некоторых подразделениях до 30-40% от общего числа военнослужащих срочной службы. Среди солдат существуют специфические отношения, имеющие межнациональный подтекст. Для подразделений, находящихся в ведении 12-го ГУ МО РФ, это недопустимо.

Между тем надо признать, что новоземельский полигон РФ лишь условно

можно считать ядерным. Там нет оружия массового поражения, с октября 1990 года не проводились ядерные испытания. Воинские подразделения проводят лишь работы по замеру уровня радиации местности и участвуют в экологических исследованиях. В подчинение 12-го Главного управления полигон перешел совсем недавно - в мае 1998 года. До этого он находился в ведении Северного флота.

Контингент призывников, отбираемых в *обычные* войска, в том числе и на флот, по своим морально-психологическим качествам сегодня соответствует *советским* стройбатовским меркам. Среди юношей, пришедших нынешней весной в армию и на флот, имели полное среднее образование чуть более 71%. Молодые люди, имеющие третью и четвертую категории профессиональной пригодности (то есть рекомендуемые условно для подготовки по ряду специальностей или нерекомендуемые совсем), составили 40%. Это весьма высокий процент. Происшествие на Новой Земле еще раз доказывает ущербность нынешней системы комплектования Вооруженных сил военнслужащими срочной службы. В бедствующем государстве с обостряющимися национальными проблемами потворство всех ветвей власти массовому уклонению физически и интеллектуально подготовленных юношей от службы в армии угрожает безопасности страны.

На ядерно-технические объекты России по-прежнему отбирается *элита* - подростки из благополучных семей, имеющие как минимум среднетехническое или незаконченное высшее образование. Но эти люди, если они проходят срочную службу, не работают непосредственно с ядерным оружием. Такие задачи выполняют только офицеры и прапорщики.

Американская администрация выразила серьезную озабоченность инцидентом, происшедшим на бывшем ядерном полигоне РФ. Более того, эта озабоченность подкрепляется планами выделить 137 млн. долл. на российские программы по контролю за ракетными и мерными материалами. (Владимир Георгиев. Преступность в российской армии докатилась до ядерно-технических частей. Однако в Минобороны считают, что Россия способна обеспечить контроль за оружием массового поражения без иностранного вмешательства.

Независимое Военное Обозрение. №34. 11-17 сентября 1998, с.1.)

«Страна в течение суток находилась на грани ядерной катастрофы»

11 сентября 19-летний матрос-торпедист Александр Кузьминых, убив восемь сослуживцев, заперся в торпедном отсеке атомной подводной лодки *Барс*. В случае штурма он обещал взорвать субмарину, но при начале штурма застрелился.

Барс, принятый на вооружение в 1991 году, считается основной многоцелевой подводной лодкой ВМФ России. Она способна нести крылатые ракеты и торпеды в ядерном и обычном снаряжении. Атомная энергетическая установка позволяет субмарине находиться в подводном положении несколько месяцев, развивать скорость до 35 узлов и иметь практически неограниченную дальность плавания. Водоизмещение подлодки - около семи тысяч тонн. Ее экипаж состоит из 70 человек.

Трагедия произошла глубокой ночью, когда вернувшаяся из похода АПЛ стояла на базе возле поселке Скалистый, расположенного в 50 км от Мурманска. Офицеры отправились по домам. На борту оставалась только дежурная вахта: старшина-контрактник и восемь матросов. Один из них, Александр Кузьминых, призванный два года назад из Санкт-Петербурга, находился под арестом. Оказавшись на свободе, матрос оглушил конвоира, выхватил у него автомат и бросился на верхнюю палубу, выстрелил в офицера, дежурившего на соседнем корабле, спустился вниз и выстрелом в голову добил все еще лежавшего без сознания старшину. Потом перешел в каюту, где отдыхали матросы (они не слышали выстрелов из-за толстой перегородки), и расстрелял их. Пятеро моряков были убиты, а двум удалось выбраться из каюты. Но оказать сопротивление они не могли: на атомной подлодке автомат выдают только дежурному, а все остальное оружие хранится в специальном сейфе.

Побродив по лодке, Кузьминых нашел прятавшихся от него моряков. Убивать сразу не стал - под прицелом автомата провел их через весь корабль в технический отсек, расположенный в носовой части, и расстрелял там. Оставшись в одиночестве, преступник забаррикадировался в торпедном отсеке. Когда через час в подлодку спустились офицеры из военной

комендатуры, Кузьминых по внутрикорабельной громкой связи заявил, что терять ему нечего: «Отсек набит торпедами. Если что, я их взорву».

К 11 утра в Скалистый прилетела группа захвата УФСБ по Мурманской области. Это подразделение неделю назад сумело обезвредить солдат-террористов, захвативших в заложники детей и учителей на Новой Земле. Но приказ о штурме им не дали. Вначале матроса попытались уговорить сдаться. С ним по громкой связи вели переговоры главком ВМФ Владимир Куроедов, командующий Северным флотом Олег Ерофеев, священник местной церкви отец Аввакум и мать Александра Римма Михайловна. Ее доставили в Североморск спецрейсом из Санкт-Петербурга.

Александр Кузьминых вырос в рабочей семье: отец - токарь завода *Ильич*, производящего станки с программным управлением, мать - уборщица. Он на пятерки окончил единственную в городе школу с углубленным изучением финского языка. Саша был примерным ребенком. Никаких друзей компаний, приводов в милицию. Другзей у него было немного, а единственным его увлечением были книги. Когда его призвали, Александр сам попросился в подводники. Как говорят соседи Кузьминых, он никогда бы первым не поднял на человека руку.

Переговоры успеха не принесли. Кузьминых не выдвигал никаких требований, но и выходить отказывался. «А если я сдамся, - спрашивал он, - кто даст гарантию, что меня не расстреляют на месте?» Адмиралы обещали, что с его головы не упадет ни один волос, все решит суд. Услышав, что его ждет тюрьма, Кузьминых снова начал угрожать взрывом.

Тем временем специалисты думали, как спасти подлодку, стоимость которой исчисляется миллионами долларов. Сначала заглушили реактор. Потом достали чертежи и схемы помещений, пытаясь найти лазейку, чтобы добраться до террориста. Но отсек за бронированным люком оказался неприступным. Взрывать его было опасно - могли сдетонировать торпеды. Резать шестисантиметровую стальную переборку долго - преступник успеет перестрелять всех сварщиков. (Торпедист захватил ядерную субмарину. *Коммерсант-Daily*. 12 сентября 1998, с.3.)

В течение дня представители ВМФ неоднократно заявляли об отсутствии угрозы ядерным зарядам 16 баллистических ракет, находящихся в ракетных шахтах. Неуравновешенный матрос вряд ли сможет навредить и атомной силовой установке, расположенной в центральной части субмарины. Однако преступник в состоянии вывести из строя аккумуляторные и регенеративные батареи, а это приведет к сильному взрыву и пожару, что само по себе чревато серьезными последствиями. При контакте с морской водой окислителя ракетного топлива - жидкого азота образуются ядовитый газ и кислота, представляющие смертельную угрозу для людей и пришвартованных в непосредственной близости десятков субмарин. (Сейфали Ахундов. Бойня в подводной лодке. На ядерных субмаринах Северного флота служат душевнобольные матросы. *Русский Телеграф*. 12 сентября 1998, с.2.)

Сам факт, что на боевой подводной лодке случилось ЧП, говорит о серьезности процессов, которые сегодня происходят в армии. С каждым днем снижается дееспособность личного состава, более быстрыми темпами растет количество убийств и других преступлений. (Петр Полковников. Матрос захватил атомную подводную лодку. Как утверждают официальные власти, до ядерного инцидента дело не дойдет. *Независимая Газета*. 12 сентября 1998, с.1,2.)

Последним, кто говорил с преступником, был его брат, старший лейтенант Вооруженных сил. Но и его попытка оказалась безрезультатной - младший Кузьминых, который поначалу прислушался к советам родственника, неожиданно оборвал разговор на полуслове.

«Подобного ЧП никогда и нигде в мире не было, - говорит замначальника УФСБ по Мурманской области полковник Владимир Приходько, участвовавший в переговорах с террористом и руководивший операцией по его захвату. - Страна в течение суток находилась на грани ядерной катастрофы. Если бы террорист взорвал хранившийся в отсеке боезапас, а я убежден, что именно для этого он и забаррикадировался в торпедном хранилище, произошла бы катастрофа черновильского масштаба. Дальнейшие события развивались бы в такой последовательности: разрушение самой лодки

от взрыва торпед и гибель сотен людей, находившихся на корабле и рядом с ним. Разгерметизация ее реактора с последующим радиоактивным загрязнением не только акватории Баренцева моря и расположенного рядом Мурманска, но и всего северного побережья Норвегии. А это уже не только экологическая, но и политическая катастрофа, последствия которой оценить сейчас просто невозможно.

Я думаю, что Кузьминых мог переступить черту. Он производил впечатление здорового, трезво оценивающего обстановку человека. Кузьминых, убивший восемь человек, был абсолютно равнодушен к их гибели. «Рядом со мной лежат два трупа, - говорил он, - и мне все равно, сколько еще я унесу с собой в могилу. Чем больше, тем лучше. А в Бога я не верю, так что попа лучше уберите».

В мурманском УФСБ также не сомневаются, что террорист при желании мог взорвать подлодку. Кузьминых был профессиональным торпедистом-минером и наверняка знал, как это сделать. К счастью, в течение суток психологам спецслужб удавалось сдерживать его.

Существует несколько версий того, почему Кузьминых совершил убийство и захватил подлодку. По словам главы администрации поселка Скалистый, бывшего командира атомной подлодки Геннадия Цветко, виновата во всем стрессовая ситуация, в которой из-за кризиса оказалась вся страна. «Моряки-подводники ощутили ее особенно остро, - говорит он. - Раньше все мы служили отечеству, а теперь, когда страна на нас наплевала, у людей отказывают тормоза. В условиях замкнутого пространства и многомесячной оторванности от семьи и общества даже небольшой психологический срыв может привести к страшным последствиям. *Барс*, на котором произошло ЧП, как раз незадолго до этих трагических событий вернулся из дальнего похода».

Офицеры Северного флота винят в происшедшем не столько Кузьминых, сколько людей, допустивших его к службе на атомной подлодке. «У него явно было не все в порядке с головой, - рассказывают члены экипажа *Барса*. - Александр говорил нам, что с раннего детства находился под жестким прессингом отца. Он выбирал сыну, с кем ему дружить и как проводить свободное время. Именно он настоял на том, что Александр должен учиться в спецшколе, хотя сам был

простым рабочим. Саша рос замкнутым, малообщительным. Компании друзей он предпочитал просмотр боевиков, скорее всего отождествляя себя с их кровожадными героями». (Сергей Дюпин. Террорист-подводник держал в заложниках всю страну. *Коммерсант-Daily*. 15 сентября 1998, с.5.)

• Экспорт и экспортный контроль

Открыт первый блок АЭС Моховце (Словакия)

28 августа состоялось открытие первого блока АЭС *Моховце*. Генеральный директор ЗАО *Атомэнергоэкспорт* Виктор **Козлов** сообщил, что «в настоящее время в Словацкой Республике эксплуатируется АЭС *Богунце* - это четыре энергоблока по 440 МВт, в стадии монтажных и пусконаладочных работ находятся два энергоблока той же мощности АЭС *Моховце* и два блока - в состоянии консервации. Пуск первого блока АЭС *Моховце* был осуществлен 4 июля 1998 года. В настоящее время он выведен на 35-процентную мощность. Официальное открытие блока намечено на 28 августа. Работы по достройке второго блока станции продолжаются. Его пуск планируется в марте 1999 года. Сооружение второй словацкой атомной электростанции *Моховце* началось в середине восьмидесятых годов в соответствии с соглашением между правительством СССР и ЧССР от 27 ноября 1980 года.

В начале девяностых годов, в связи с политическими и экономическими изменениями в бывших СССР и ЧССР, странах Восточной Европы работы были приостановлены. Тогда готовность энергоблоков № 1 и № 2 в объеме существовавшего проекта составляла, по оценке словацких специалистов, соответственно более 90 и 80%. Представители ряда европейских стран, в первую очередь Германии, Франции и Австрии, подняли вопрос о проведении дополнительных работ по повышению надежности и ядерной безопасности этой атомной станции. Словацкими специалистами были разработаны соответствующие мероприятия с учетом рекомендаций МАГАТЭ и независимых консультационных фирм, которые были одобрены Комитетом ядерного надзора Словакии. К реализации этих мероприятий словаки привлекли АО *Шкода* (Чехия), АО *Сименс* (Германия) и *Фраматом* (Франция), объединившиеся в консорциум EUCOM, а также АО

Атомэнергоэкспорт (Россия). Экспертов удалось убедить в том, что все условия безопасности соблюдены».

«Достройка первой очереди АЭС, - продолжил далее г-н Козлов, - проводится как за счет собственных средств Словакии, так и за счет кредитов чешских, немецких и французских банков. Что касается участия российских организаций, то оно осуществляется на основе Межправительственного соглашения от 31 октября 1995 года, которым предусматривается выделение Россией для достройки первого и второго энергоблоков АЭС *Моховце* государственного кредита в размере 80 миллионов долларов: 50 миллионов - в виде *несвязанного* валютного кредита, а 30 миллионов - в виде товарного кредита на оплату поставок и услуг. Еще 70 миллионов долларов предоставляется Минатомом РФ в виде поставок свежего ядерного топлива для словацких АЭС в период с 1996 по 1999 год. Оплата этих поставок ведется в счет частичного погашения задолженности России перед Словакией. Словацкие партнеры в целом позитивно оценивают выполнение Россией принятых обязательств, включая реализацию кредита и вопросы топливного цикла. Со стороны российских организаций никаких задержек по контрактным обязательствам нет. Сейчас словацкая сторона проводит повторное обоснование экономической целесообразности достройки второй очереди АЭС, принимая во внимание опыт предыдущей работы на станции и ситуацию на мировых энергетических рынках. Ориентировочные сроки пуска блоков - соответственно 2002 и 2003 годы. По оценке посольства и торгпредства РФ, решение правительства Словакии о достройке второй очереди АЭС *Моховце* будет принято с учетом результатов работы первого энергоблока, а также итогов парламентских выборов в сентябре 1998 года, то есть не ранее четвертого квартала 1998 года. Объем работ, если учесть степень готовности блоков, должен быть значительно больше, чем на первой очереди АЭС. По предварительной оценке, этот объем может составить 120-130 миллионов долларов. Причем словацкая сторона намерена и впредь осуществлять финансирование наших поставок и услуг в счет российского государственного кредита». (Мирное топливо российско-словацкой дружбы. *Атом-пресса*. №30. 28 августа 1998, с.1.)

Россия поможет Индии осваивать космос

23 сентября в Индию спецрейсом доставлен первый летный экземпляр криогенного разгонного блока 12КРБ, созданного ГКНПЦ им. Хруничева для новой индийской ракеты-носителя GSLV. Эта ракета предназначена для вывода спутников на геостационарную орбиту высотой 36 000 км. Соглашение, подписанное Главкосмосом и Индийским космическим агентством ISRO еще в январе 1991 года, предусматривало изготовление и поставку четырех разгонных блоков и передачу технологии для изготовления их в Индии. В 1993 году американское вето на передачу криогенных технологий поставило выполнение контракта на грань срыва. По новому соглашению с ISRO ГКНПЦ взамен передачи технологии обязался дополнительно выпустить три блока. Пуск первой ракеты-носителя GSLV с разгонным блоком 12КРБ должен состояться во втором квартале 1999 года. (Иван Сафронов. Россия поможет Индии осваивать космос. *Коммерсант-Daily*. 24 сентября 1998, с.3.) См. также статью Геннадия Хромова в разделе *Полемика настоящего номера*.

Задержаны контрабандисты

В Стамбуле задержаны контрабандисты, пытавшиеся сбыть четыре с половиной килограмма ураносодержащего вещества. По данным следствия, радиоактивные материалы поступили из России.

Влиятельная газета *Джумхуриет* не стала делать из этого сенсацию: такие происшествия, как правило, фиксируются в Турции раз в два-три месяца. В июле 1998 года на юго-востоке Турции полиция арестовала шесть контрабандистов, при которых находились стеклянные колбы с веществом, по составу схожим с расщепляющимися ядерными материалами.

Источники в Анкаре сообщили, что контрабандисты не представляют собой серьезных преступников, во время следствия выяснилось: за секретные материалы они рассчитывали получить по тысяче долларов за комплект. На этот раз преступники запросили миллион долларов. Среди арестованных в Стамбуле российских граждан не оказалось; трое предъявили казахстанские паспорта, один проживает в Азербайджане, остальные турки. Их задержали сотрудники местной контрразведки, выступившие в роли покупателей. При обыске у контрабандистов обнаружены контейнеры, в которых

содержалось четыре с половиной килограмма урановых материалов. По мнению экспертов, материалы могут быть использованы в производстве компонентов для ядерного оружия. Сейчас для проведения экспертизы уран находится в исследовательском центре Турецкого общества по ядерной энергии.

Представитель ФСБ отказался прокомментировать напечатанную в турецкой прессе информацию об очередных ядерных контрабандистах, лишь заметили что спецслужбы в Москве и Анкаре «активно сотрудничают в борьбе с организованной преступностью и незаконным оборотом ядерных материалов».

Представители российских компетентных органов считают, что никто в мире сегодня Турцию не считает государством, которое стремится к приобретению ядерных технологий или созданию собственного ядерного оружия. Анкара приостановила реализацию проекта по строительству на границе с Сирией, в районе города Мерсин, атомной электростанции.

Что касается обвинений в адрес России о ее причастности к незаконной торговле ядерными материалами, то, как заявили в ФСБ, на сегодня не существует ни одного факта нарушения Москвой своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия. (Геннадий Чародеев. Москву обвинили в ядерной контрабанде. *Известия*. 10 сентября 1998, с.3.)

ФБР желает доказать, что ядерные боеприпасы охраняются в России небрежно

Окружной суд города Майами (штат Флорида, США) поставил точку в шпионской интриге двухлетней давности, инспирированной американскими спецслужбами с целью дискредитировать российскую систему хранения ядерных боеприпасов. Так и не дождавшись от двух литовских граждан обещанных нескольких российских ядерных боеголовок, агенты ФБР, выдававшие себя за членов колумбийской наркомафии, вынуждены были в конце концов арестовать их и передать в руки правосудия.

На суде обвиняемые показали, что идею насчет экспорта ядерных зарядов выдвинули не они, а американский бизнесмен, который в действительности оказался агентом ФБР. Они

будто бы лишь подыграли ему, пообещав воспользоваться своими связями в министерстве обороны Литвы в том, чтобы обеспечить вывоз боеголовок. Осталось невыясненным: кто же все-таки первым заговорил о боеголовках - литовцы или секретный сотрудник ФБР. (Сергей Путилов. ФБР ловит собственный хвост. И желает доказать, что ядерные боеприпасы охраняются в России небрежно. *Независимое Военное Обозрение*. №36. 25 сентября - 1 октября 1998, с.7.)

• Ядерная безопасность

Введена в эксплуатацию система обнаружения радиоактивных веществ

2 августа в международном терминале аэропорта *Шереметьево-1* была введена в эксплуатацию система обнаружения радиоактивных веществ *Янтарь*. Необходимое оборудование было разработано по заказу Государственного таможенного комитета в подмосковной Дубне, после чего оно прошло сертификацию в Лос-Аламосской национальной лаборатории США. Удостоверившись в высоком качестве отечественных приборов, американцы решили выделить деньги на оснащение российских таможенных пунктов стойками спецконтроля.

Присутствовавший на торжественной церемонии открытия министр энергетики США Уильям **Ричардсон** продемонстрировал аппаратуру в действии. Под рев сирены он попытался пронести через стойку дипломат с изотопом. Г-н Ричардсон заявил, что запуск системы в Москве - только первый шаг реализации российско-американской программы «Вторая линия защиты» (*первая линия* проходит на самих ядерных объектах), направленной на пресечение вывоза из России радиоактивных материалов. В перспективе же все таможенные пункты РФ будут оснащены аналогичным оборудованием. (Василий Гулин. В Москве американцы закрыли границу на замок. *Известия*. 03 сентября 1998, с.2.)

Иск Алексея Яблокова к *Независимой Газете* удовлетворен

6 июля 1998 года в Басманном муниципальном суде города Москвы завершилось дьящееся с января 1998 года судебное разбирательство по иску председателя Совета Центра экологической политики России Алексея Яблокова к *Независимой Газете*, пресс-секретарю

министерства России по атомной энергии Георгию Каурову и журналисту Андрею Ваганову в связи с публикацией ими в *Независимой Газете* 22 ноября 1997 года статьи, где говорилось: «Скандал с ядерными чемоданчиками, инициированный Лебедем и раздуваемый Яблоковым, - это блеф. Для достижения личных целей некоторые известные в прошлом персонажи готовы пожертвовать репутацией родного государства».

Суд под председательством судьи Н.В. Лысак после тщательного рассмотрения иска в трех судебных заседаниях установил, что в статье приведены не соответствующие действительности сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию г-на Яблокова, причинившие ему значительный моральный вред. Так, утверждение авторов статьи о том, что г-н Яблоков использовал свое служебное положение для сбора с целью ознакомления «своих единомышленников и в России и за рубежом» «с конфиденциальной и секретной информацией о нашей стране и ее оборонных возможностях», не основано на фактах и является неправомерным. Суд установил также необоснованность утверждения авторов статьи, что Алексей Яблоков, выступая в Конгрессе США 2 октября 1997 года по проблемам ядерной безопасности, «воспользовался возможностью для публичной клеветы на свою страну».

Суд обязал *Независимую Газету* опубликовать соответствующее опровержение (на том же месте, то есть в центре первой страницы, и тем же шрифтом) до 7 сентября 1998 года. За причиненный моральный вред суд постановил взыскать в пользу Алексея Яблокова по 2500 рублей с г-на Ваганова и г-на Каурова, а 25 000 рублей - с *Независимой Газеты*.

Суд принял во внимание заявления ответчиков, что, говоря об «амбициозно настроенных ученых, не сумевших достичь сколько-нибудь значимых результатов в ранее выбранных областях науки и техники», якобы пришедших к руководству экологическим движением России, и их побудительных мотивах, «вряд ли имеющих что-то общее с истинной заботой о глобальной безопасности», они имели в виду уехавших на Запад разработчиков советского химического оружия В. Мирзоянова и В. Уголева и не хотели нанести ущерб репутации А. Яблокова.

В качестве представителей общественности в защиту Алексея Яблокова в суде выступили Д.Н. Кавтарадзе (от Центра экологической политики России), Л.А. Федоров (от Социально-экологического союза) и Ю.И. Шведова (от Московского общества защиты животных). Позиция Алексея Яблокова в суде была поддержана Институтом биологии развития им. Н.К. Кольцова Российской академии наук.

Настоящее судебное дело является третьим, выигранным экологами, выступающими против публичных клеветнических нападок на них со стороны сотрудников Минатома России. Два первых были выиграны в 1997-1998 годах председателем комитета по экологии Государственной Думы России Тамарой Злотниковой (против газеты *Атомпресса* в суде города Электросталь Московской области в сентябре 1997 года и против газеты *Век* в Савеловском межмуниципальном народном суде города Москвы в мае 1998 года). Два других аналогичных судебных иска г-жи Злотниковой находятся на рассмотрении в судах города Москвы.

• ЗАТО

Угрозу представляют обслуживающие спецобъект солдаты

Два солдата срочной службы погибли и один ранен в результате инцидента, произошедшего в части внутренних войск, охраняющей спецобъект в городе Озерске Челябинской области. Днем **20 сентября** помощник начальника караула старший сержант Виталий Пряхин в караульном помещении открыл беспорядочную стрельбу из автомата по военнослужащим, также находившимся в карауле. В результате младший сержант Михаил Мишарин и ефрейтор Алексей Неклюдов погибли, ефрейтор Фейруз Галимов получил касательное ранение грудной клетки. Он находится в городской больнице, и жизнь его вне опасности. Сам Пряхин, имея при себе автомат и боеприпасы, скрылся. Руководство его поиска было возложено на командующего Уральским округом внутренних войск. О происшествии проинформированы Озерский городской ОВД и отделы ФСБ Озерска и Челябинска.

Озерск некоторое время назад назывался Челябинск-65, а спецобъект, который охраняет часть внутренних войск, - производственное объединение *Маяк*,

которое занимается производством и хранением компонентов ядерных боезарядов, содержащих высокообогащенный уран и плутоний. В хранилище, расположенном в Озерске, находится около 30 т радиоактивных материалов, извлеченных из демонтированных ядерных боезарядов.

Упадок системы комплектования силовых ведомств военнослужащими срочной службы привел к тому, что озерское происшествие стало третьим за неполный месяц инцидентом на отечественных ядерных объектах. Виновниками этих и последнего озерского инцидента были именно солдаты-срочники. (Илья Кедров. Серийные происшествия на ядерных спецобъектах. Угрозу представляют обслуживающие их солдаты. *Независимая Газета*. 22 сентября 1998, с.2.)

- **Международная помощь**

Великобритания окажет помощь в укреплении ядерной безопасности России
«Правительство Великобритании продолжает оказывать помощь странам Центральной и Восточной Европы, а также странам СНГ в решении проблем безопасности, связанных с использованием ядерной энергии», - заявил министр энергетики Великобритании Джон Бэттл. Предоставленные компаниями проекты предполагают, что навыки и опыт британских специалистов могут внести существенный вклад в усовершенствование ядерной безопасности в этих странах, в контроль за использованием радиоактивных веществ и учет их на основных ядерных объектах топливного цикла в России. Господин Бэттл подчеркнул: «Мой департамент предоставит 2,7 млн. фунтов на финансирование этой международной программы в течение 1998-1999 годов». Так, например, контракт, который будет выполнять компания *W.S. Atkins Ltd*, поможет персоналу атомных электростанций и органам власти этих стран, контролирующим ядерные объекты, получить более подробную информацию об *ошибке двухтысячного года*. (Ядерная безопасность и *ошибка 2000*. *НГ-Наука*. №8. Сентябрь 1998, с.9.)

Совместные атомные проекты США и России

На проходящей в Вене генеральной конференции МАГАТЭ министр по атомной энергии Евгений Адамов и министр энергетики США Билл Ричардсон подписали межправительственное соглашение об осуществлении инициативы «Атомные

города». Планируется, что в рамках подписанного документа США будут инвестировать около 30 млн. долл. в работы над коммерческими проектами в российских закрытых *ядерных* городах с целью избежания утечки специалистов в такие страны, как Иран и Северная Корея. Соглашение, которое будет действовать в течение пяти лет, также предусматривает участие американских специалистов в конверсии оборонных предприятий, расположенных в *атомных* городах. С российской стороны проект будет финансироваться внебюджетными фондами Минатома.

Подписанный документ касается десяти закрытых *ядерных* городов России с общим населением около 600 тыс. человек, в число которых входят Арзамас-16 в Нижегородской области, Челябинск-70 на Урале и Красноярск-26 в Сибири. По словам прессекретаря главы Минатома Юрия Беспалько, в условиях сокращения ядерных комплексов в *атомных* городах образовался *избыточный людской и материальный потенциал*, который требует приложения. Предполагается, что в рамках соглашения будут осуществлены новые проекты в области электроники и микрохирургии. Толчком для разработки соглашения стало постановление кабинета министров РФ «О реструктуризации и конверсии предприятий атомной промышленности (ядерно-оружейного комплекса) в 1998-2000 годах», которое было подписано в июне 1998 года. А в начале сентября на российско-американской встрече это решение российского правительства было подкреплено подписанием главами энергетических ведомств США и РФ совместного заявления, в котором говорится о полной решимости обеих стран конвертировать российскую атомную промышленность. (Екатерина Графчикова. Русских ученых отвращают от Ирана и Северной Кореи. США инвестируют 30 миллионов долларов на совместные с Россией атомные проекты. *Независимая Газета*. 24 сентября 1998, с.2.) *О положении в закрытых городах см. также в настоящем номере* Страницу редактора.

- **Мирная ядерная деятельность**

О программе работ по продлению сроков эксплуатации

В период с декабря 2001 года по 2005 год заканчивается проектный срок эксплуатации блоков №№ 3, 4 Нововоронежской АЭС (834

МВт), блоков №№ 1, 2 Кольской АЭС (880 МВт), блоков №№ 1, 2 Ленинградской АЭС (2000 МВт), блоков №№ 1, 2 Билибинской АЭС (24 МВт). К 2010 году закончится проектный срок эксплуатации блоков №№ 1, 2 Курской АЭС (2000 МВт), блока № 3 Ленинградской АЭС (1000 МВт), блоков №№ 3, 4 Билибинской АЭС (24 МВт), блока № 3 Белоярской АЭС (600 МВт).

Доля электроэнергии, производимой на Нововоронежской и Курской АЭС для восьми областей Центрально-Черноземного района, достигает 80%, на Ленинградской и Кольской АЭС в Северо-Западном регионе - 40%, на Билибинской АЭС на Чукотке - 80%. Вывод из эксплуатации энергоблоков первого поколения серьезно ухудшит обеспечение этих регионов электроэнергией. Сложившиеся трудности в экономике не позволяют обеспечить строительство новых замещающих АЭС для замены этих блоков в необходимые сроки.

Единственной альтернативой решению этой проблемы является продление срока эксплуатации действующих энергоблоков АЭС. Поэтому, до ввода новых замещающих мощностей на АЭС, «Программой развития атомной энергетики Российской Федерации на 1998 - 2005 годы и на период до 2010 года» предусмотрено проведение работ по продлению срока эксплуатации энергоблоков действующих АЭС.

Техническая возможность продления срока эксплуатации энергоблоков, основанная на оценке фактического остаточного ресурса основного оборудования и опыта эксплуатации, имеется. Надежность энергоблоков в течение пяти последних лет существенно повышена. За период с 1992 по 1997 год количество учетных нарушений в работе АЭС уменьшилось с 197 до 79, то есть в два с половиной раза, количество срабатываний АЗ из критического состояния на один блок уменьшилось за данный период с 1,5 до 0,34, то есть в 4,4 раза.

Подготовка энергоблоков АЭС к продлению срока эксплуатации проводится по следующим основным направлениям: повышение уровня безопасности энергоблоков за счет выполнения технических мероприятий, модернизации и техпервооружения; определение и обоснование остаточного ресурса, переназначение ресурсных характеристик оборудования АЭС; замена оборудования и

элементов энергоблоков, отработавших свой ресурс в ходе модернизации и техпервооружения АЭС; оценка уровня безопасности и подготовка комплекта материалов, обосновывающих безопасность, для получения лицензии на эксплуатацию энергоблоков АЭС сверх проектного срока.

Эксплуатирующими организациями ведется работа по подготовке действующих АЭС к продлению проектного срока службы. Так, в 1997 - 1998 годах на АЭС с энергоблоками первого поколения:

- реализовываются утвержденные руководством Минатома России «Программа подготовки энергоблоков №№ 3, 4 Нововоронежской АЭС к продлению срока службы» и «Программа подготовки энергоблоков №№ 1, 2 Ленинградской АЭС к продлению срока службы», «Концепция продления срока службы энергоблоков №№ 1 - 4 Ленинградской АЭС с реакторами РБМК-1000»;
- завершается оформление «Программы подготовки энергоблоков №№ 1, 2 Кольской АЭС к продлению срока службы» и «Программы подготовки энергоблоков №№ 1, 2 Курской АЭС к продлению срока службы»;
- проводится комплексное обследование оборудования и элементов систем энергоблоков №№ 3, 4 Нововоронежской АЭС и блоков №№ 1, 2 Ленинградской АЭС;
- разрабатываются концепции продления срока эксплуатации энергоблоков АЭС;
- начата разработка совместно с Госатомнадзором России нормативных документов по продлению срока эксплуатации энергоблоков АЭС;
- разрабатываются методики оценки остаточного ресурса оборудования;
- разрабатываются обоснования инвестиций для реконструкции АЭС с целью продления проектного срока эксплуатации;
- выполнены и переданы в Госатомнадзор России аналитический отчет по безопасности энергоблоков №№ 3, 4 Нововоронежской АЭС, специальный отчет по углубленной оценке безопасности энергоблоков №№ 1, 2 Кольской АЭС;
- разработана «Программа работ по обоснованию возможности продления срока службы корпусов реакторов ВВЭР-440 блоков №№ 4 и 5 НВ АЭС»;
- разработан график и выполняются работы по углубленной оценке безопасности энергоблока № 1 Курской АЭС;
- выполняется Рабочая программа проведения работ по углубленной оценке безопасности

энергоблоков первой очереди Ленинградской АЭС;

- ведутся работы по реконструкции, техпервооружению и модернизации АЭС.

Однако в решении этой важнейшей государственной задачи имеются следующие недостатки:

- не решены вопросы финансирования работ по продлению срока эксплуатации энергоблоков АЭС;

- отсутствует оформленная в установленном порядке концепция продления срока эксплуатации АЭС с реакторами ВВЭР, ЭГП, БН;

- отсутствует оформленная в установленном порядке программа продления срока эксплуатации АЭС;

- не разработана программа техпервооружения и модернизации энергоблоков АЭС с учетом продления срока эксплуатации АЭС;

- совместные с Госатомнадзором России работы по созданию нормативных документов по продлению срока эксплуатации АЭС ведутся с недостаточной интенсивностью;

- не завершена разработка методических документов по продлению срока эксплуатации энергоблоков АЭС;

- недостаточно концентрируются средства для решения вопросов по повышению безопасности АЭС и проведению их техпервооружения и модернизации;

- недостаточная координация работ по углубленной оценке безопасности энергоблоков первого поколения. (Срок работы российских АЭС может и должен быть продлен. *Атом-пресса. №31. 02 сентября 1998, с.1.*)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

Москвич производил химическое оружие в собственной квартире

Мосгорсуд вынес приговор по делу 40-летнего Валерия Борзова, обвиненного в изготовлении и сбыте химического оружия массового уничтожения. В домашних условиях Борзову удалось синтезировать азотистый иприт, относящийся к группе боевых отравляющих веществ, а также другие яды, мизерной дозы которых достаточно для гибели сотен людей. Суд признал химика невменяемым и отправил его на принудительное лечение в психбольницу.

Валерий Борзов в 1992 году закончил вечернее отделение Московского института тонкой химической технологии, после чего устроился работать в НИИ реактивов. Больше всего молодого химика интересовали ОВ. Когда его уволили по сокращению штатов, Борзов стал самостоятельно заниматься получением ядов. Он оборудовал лабораторию в своей однокомнатной квартире на Дербеневской улице.

В конце мая 1997 года Борзов изготовил первые образцы ядовитых и отравляющих веществ. Все этапы своей работы он заносил в специальную тетрадь, где также указывал способ применения и описывал поражающее действие вещества. В домашних условиях ему удалось изготовить азотистый иприт, мгновенно убивающий человека.

Иприт (горчичный газ) является отравляющим веществом, входящим в арсенал всех вооруженных сил мира. Впервые был применен в 1917 году немцами против французов. Поражает глаза, верхние дыхательные пути, легкие, обладает кожно-нервным действием. Смертельная доза - 70 мг на килограмм веса.

Борзов получил также сильнодействующие яды замедленного действия - уксусноокислый диэтилбутиламин, п-толиудин и пиперидин. Если какое-либо из этих веществ рассыпать в количестве 1 мг в помещении среднего размера, то смерть человека наступит через несколько недель или месяцев. При этом причину гибели установить будет практически невозможно.

Летом 1997 года химик стал искать покупателей на товар. Уже через неделю на него вышли члены сразу нескольких организованных преступных группировок. Среди прочих был некий респектабельный господин, который, как сказали Борзову, представлял интересы одной из наиболее авторитетных московских ОПГ. Из всех покупателей Борзов выбрал именно его: клиент предложил полторы тысячи долларов за несколько миллиграммов яда, а самое главное - долгосрочный контракт. Борзов уверял, что его товар намного качественнее того, что использовался в токийском метро сектой *Аум синрике*. Клиент согласился взять партию и настоял на том, чтобы химик не рассматривал предложения остальных покупателей.

6 августа 1997 года Борзов был задержан сотрудниками РУОП. Борзов некоторое время пытался убедить оперативников в том, что его химикаты всего лишь «раздражающее вещество для ухудшения здоровья». Судебно-психиатрическая экспертиза нашла у Борзова признаки глубокой психопатии и признала его невменяемым. Несколько лет химик проведет в психиатрической лечебнице. (Олег Кутасов. Химическое оружие домашнего производства. Химик получил иприт у себя дома. И продал его РУОПу. *Коммерсант-Daily*. 11 сентября 1998, с.5.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ОБЫЧНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ

С Россией продолжают серьезно считаться на мировом рынке торговли оружием

«И после окончания *холодной войны* Россия остается влиятельным игроком в сложном мире торговли оружием», - сообщил американский журнал *Defense Business*. Другое влиятельное издание - британский *Jane's Defence Weekly* посвятил перспективам российского оружейного экспорта целую статью. Пристальное внимание зарубежных специалистов к военно-техническому сотрудничеству (ВТС) России с другими странами убеждает: с нами продолжают серьезно считаться на этом рынке.

В 1997 году отечественный оружейный экспорт составил два с половиной миллиарда долларов, уступая только поставкам США, Великобритании и Франции. В последние четыре года наблюдается рост объемов продаж на мировом рынке оружия: в 1997 году общий объем торговли превысил 25 млрд. долларов против 22,54 млрд. долларов в 1996 году.

Портфель экспортных заказов ГК *Росвооружение* практически стабилизировался на 8,3 млрд. долларов. *Jane's Defence Weekly* вполне серьезно относится к намерению основного российского экспортера встретить новый год с объемом продаж в четыре миллиарда долларов. Россия вполне может не только наращивать сотрудничество с известными потребителями нашей военной техники - Китаем, Индией и Сирией, но и выходить, как пишут британцы, на «нетрадиционные для российского оружейного экспорта рынки» - такие, как Греция и Сербия. (Андрей Галиев. Ожидается рост российского оружейного экспорта. *Эксперт*. № 31. 24 августа 1998, с.7.)

О переносе сроков развертывания на Кипре С-300

Дипломатические источники на Кипре подтвердили: власти приняли решение перенести размещение ракетных комплексов на острове *примерно на весну 1999 года*. В то же время никто не пересматривал условия контракта с Россией. Любые сообщения на эту тему *не имеют ничего общего с истинным положением вещей*. Правительство Кипра остается верным своему решению. Перенос сроков связан прежде всего с предстоящими переговорами о вступлении Кипра в ЕС и намеченной на конец 1998 года встречей между лидерами греческой и турецкой общин. Власти в Никосии побаиваются, что С-300 могут стать *палкой в колесе большой политики*.

Выступая в ООН, президент Кипра Глафкос **Клиридис** подтвердил право республики на закупку вооружений за рубежом, в том числе и комплексов С-300. Относительно возможности отказа от их размещения на острове он, в частности, сказал: «Это произойдет лишь при условии выполнения резолюций Совета безопасности ООН, требующих от обеих киприотских общин демилитаризации и сокращения присутствия иностранных войск, что может стать предметом переговоров, когда они возобновятся».

Западные производители оружия всеми способами пытаются помешать Кипру приобрести российские зенитно-ракетные комплексы. Американские и турецкие военные эксперты в открытую утверждают, что С-300 могут быть при желании переоборудованы в ракеты класса *земля - земля* и таким образом станут угрозой для соседних государств. В то же время Запад спокойно смотрит на военные поставки Кипру ракет *Экзосет*, которые в действительности способны изменить ситуацию в Восточном Средиземноморье. (Геннадий Чародеев. Размещение ракет на Кипре откладывается до весны. *Известия*. 07 октября 1998, с.3.)

Сеул может купить С-300

Южная Корея рассматривает возможность закупки американских *Patriot* либо российской системы ПВО С-300 в 2000 году, заявил министр обороны страны Чхон **Ён Тэк**. Планы развертывания южнокорейцами системы ПВО, включая противоракетную защиту, наблюдатели связывают с запуском КНДР спутника с использованием достаточно

эффективной двухступенчатой ракеты-носителя. Система на базе *Patriot* обойдется Южной Корее более чем в один миллиард долларов США, российские же С-300 будут,

по подсчетам, дешевле. (Сеул может купить С-300. *Независимое Военное Обозрение*. №36, со ссылкой на *Итар-Тасс*. 25 сентября-01 октября 1998, с.1.)

В МИРЕ

• Белоруссия

Александр Лукашенко: «Вывод ядерного оружия был ошибкой»

23 сентября при посещении одной из войсковых частей ПВО белорусский президент Александр **Лукашенко** сделал сенсационное заявление, назвав *грубейшей ошибкой, если не преступлением* решение бывшего руководства республики о выводе с территории страны ядерного оружия. Белорусский президент попытался противопоставить нынешнее руководство России российским же военным. «С политическим руководством восточной соседки найти взаимопонимание по всем вопросам сейчас сложно, - отметил он. - Однако российские военные делают в области оборонного сотрудничества с Белоруссией максимум возможного». И добавил: «Думаю, у россиян придет когда-нибудь понимание необходимости крепить обороноспособность страны». (Борис Волконский. Лукашенко отворачивается от Кремля и оплакивает утрату ядерного потенциала. *Коммерсант-Daily*. 25 сентября 1998, с.2.)

• Израиль

«После 16 лет заключения на свободу отпущен самый опасный за всю историю Израиля советский шпион»

Так расценила израильская пресса сообщение об освобождении из тюрьмы в городе Ашкелоне 80-летнего ученого Маркуса **Клингберга**, долгие годы сотрудничавшего с КГБ. Российская Служба внешней разведки уточняет что-либо о Клингберге отказалась.

Однако достоверные источники в Тель-Авиве рассказали: этот человек родился в Польше, в Минске закончил медицинский факультет. Во время войны служил в санитарных частях Советской Армии. В конце сороковых годов Клингберг сменил профессию - стал профессиональным разведчиком, и вскоре его забросили в Израиль, где он успешно сделал себе карьеру в Центре химических и биологических исследований в Нес-Ционе, занимая должность заместителя директора.

По данным израильской прессы, секретную информацию о программе разработки химического и бактериологического оружия он передавал в Москву исключительно по идеологическим соображениям, не получая за это гонораров.

На суде в 1982 году следователи показали, что Маркус Клингберг давно находился *под колпаком* у израильской контрразведки. Материалы дела свидетельствовали о том, что до 1967 года разведчик передавал секретные сведения через советское посольство в Тель-Авиве. Однако позже из-за закрытия посольства в Израиле Клингберг выходил на связь с КГБ только во время заграничных командировок. Суд приговорил ученого к 20 годам строгого тюремного заключения.

Досрочное освобождение Клингберга явилось результатом активной работы адвокатов, которые смогли убедить суд, что их клиент не представляет угрозы для национальной безопасности Израиля. Кроме того, во внимание было принято плохое здоровье заключенного. В последние месяцы Маркус Клингберг перенес два тяжелых инфаркта. Израильская служба внутренней безопасности в принципе согласилась на досрочное освобождение Клингберга из тюрьмы еще 10 лет назад. Но тогда помешал скандал с арестом 47-летнего инженера Анатолия Гендлера, якобы передававшего в Москву секретную информацию об израильских ВВС.

Бывший руководитель контрразведслужбы КГБ генерал Олег **Калугин** еще в 1996 году в интервью газете *Гаарец* утверждал, что в семидесятых годах в Израиль под видом иммигрантов были засланы сотни агентов КГБ. Бывший чекист признал, что некоторые из них выдали себя израильской контрразведке *Шабак*. Однако он считает, что «большое число агентов русской разведки не выявлены и продолжают сотрудничать с Москвой». (Геннадий Чародеев. 16 лет за связь с Лубянкой. *Известия*. 23 сентября 1998, с.1.)

- **Индия - Пакистан**

Пакистан готов подписать ДВЗЯИ без предварительных условий

Кардинально изменившаяся позиция Исламабада по вопросу о подписании Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) доведена до сведения американской администрации. Ранее Пакистан неизменно заявлял, что присоединится к этому международному документу лишь в том случае, если Индия подпишет его хоть часом раньше. В Исламабаде надеются, что присоединение к указанному договору повлечет скорую отмену санкций. (Без предварительных условий. *Красная Звезда* со ссылкой на *Итар-Тасс*. 29 августа 1998, с.2.)

Индия испытала *Акаш*

1 сентября Индия произвела очередное успешное испытание ракеты ПВО *Акаш*, говорится в сообщении министерства обороны страны. Ракета способна нести боеголовку весом до 55 кг и поражать одновременно несколько воздушных целей на расстоянии до 25 километров. В сообщении министерства обороны отмечается также, что нынешнее испытание ракеты *Акаш* было первым из осуществленных в темное время суток. Индия в настоящее время разрабатывает пять различных систем боевых ракет, некоторые из них предназначены для доставки к целям ядерных боеголовок. Главным элементом ракетной программы страны являются начавшиеся испытания баллистической ракеты *Агни*, которая может нести как обычные, так и ядерные боеголовки. Первый вариант этой ракеты был рассчитан на радиус действия в пределах 2000 километров, однако в настоящее время разрабатывается новая модификация с радиусом действия до 3000 километров. Именно эта ракета, по мнению индийского руководства, способна наряду с прошедшими испытания ядерными зарядами обеспечить стране *надежное ядерное сдерживание*. (Индия испытала *Акаш*. *Красная Звезда* со ссылкой на *Итар-Тасс*. 03 сентября 1998, с. 3.)

Исламабад и Дели о ДВЗЯИ

Премьер-министр Пакистана Наваз Шариф объявил с трибуны Генеральной ассамблеи ООН, что его страна готова присоединиться к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. За два года после одобрения договора на 50-й сессии Генеральной ассамблеи его подписали 150 государств. В 21 из них документ был

ратифицирован высшим законодательным органом. Для вступления в силу необходима ратификация в 44 странах, которые либо принадлежат к ядерному клубу, либо располагают высокими технологиями для самостоятельного изготовления военного атома. В том случае если Пакистан сдержит слово, то останутся всего два государства, идущие наперекор сообществу наций, - Индия и Северная Корея.

Хотя есть основания предположить, что Индия также подпишет Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, притом уже в ближайшее время. В Дели неоднократно подчеркивали, что в 1963 году Индия приняла на себя обязательства по *частичному* запрету ядерных испытаний, предполагавшему отказ от проведения пробных взрывов в трех сферах. В последние месяцы Дели ведет интенсивные переговоры, чтобы оговорить для себя лучшие условия присоединения к международным обязательствам, сдерживающим усовершенствование ядерного оружия.

Исламабад оставляет за собой право возобновить ядерные программы, если Дели продолжит совершенствовать и испытывать свое ядерное оружие. Аналогичные оговорки выдвигает и Дели: Индия также откажется от обязательств по договору, «если произойдут экстраординарные события, которые поставят под угрозу ее высшие национальные интересы». Правда, Наваз Шариф пообещал, что после отказа от ядерных испытаний, какие бы шаги ни предприняла Индия, Пакистан «будет руководствоваться высшими интересами, предусмотренными договором». (Владимир Михеев. Исламабад и Дели соревнуются в миролюбии. *Известия*. 25 сентября 1998, с.3.)

- **Северная Корея**

Северокорейская ракета сбилась с курса

Северная Корея имеет на вооружении баллистические ракеты Р-17 (западное обозначение - *Scud*) советской разработки, выпускаемые на корейских предприятиях (две различные модификации с максимальной дальностью стрельбы около 300 и 500 км и массой головной части соответственно 100 и 500 кг). По данным западных экспертов, разрабатываются более мощные ракеты *Нодон*, *Нодон-2*, *Тэпходон-1*, *Тэпходон-2* с головной частью массой 1000 кг и максимальной дальностью стрельбы соответственно 1000, 1500, 2000 и 4000 - 6000 км.

После пятилетней паузы Северная Корея возобновила испытания баллистических ракет. **31 августа** ракета, запущенная с побережья КНДР, упала в 300 км к юго-востоку от Владивостока. Возможно, это событие так и осталось бы не замеченным мировыми агентствами, если бы не траектория полета - вместо заданных и заранее объявленных координат корейский снаряд отклонился на несколько сот километров, приводившись в экономической зоне России.

Свою *крайнюю озабоченность* случившимся оперативно выразили только японцы. Что касается России, то в течение всего дня дипломатические каналы «изучали информацию, полученную от командования РВСН, и проводили оценку ситуации». По мнению главкома РВСН Владимира **Яковлева**, «произошел аварийный пуск ракеты, которая изменила траекторию и не вошла в зону слежения российскими средствами контроля». То есть речь идет не о провокации или каком-то другом злом умысла, а об *элементарном техническом сбое*, что подтвердил военный источник в штабе РВСН.

Владимир Яковлев заявил, что российская сторона заблаговременно была проинформирована Северной Кореей о намеченном старте баллистической ракеты. Но в зону слежения она не вошла и, значит, в воздушном пространстве над экономической зоной РФ какое-то время летела бесконтрольно. Если такой, *не замеченный* системами слежения РВСН, полет чужой ракеты в принципе возможен, пусть и над нейтральными водами, но в относительной близости от российских берегов, то следует признать дальневосточную воздушную границу РФ отнюдь не *на замке*. Стартовавшую с территории Северной Кореи баллистическую ракету Россия должна была обнаружить практически сразу же с помощью расположенной вблизи озера Байкал радиолокационной станции национальной системы предупреждения о ракетном нападении.

Происшествие с ракетой напомнило о проблемах поддержания в работоспособном состоянии российской системы предупреждения о ракетном нападении

(СПРН). (Сергей Голотюк, Владимир Ермолин. Северокорейская ракета сбилась с курса. *Русский Телеграф*. 01 сентября 1998, с.2.)

В одном информационном сообщении, переданном *Итаp-Тасс*, было сказано, что «корейская сторона не оповещала Россию о готовящемся пуске. Соответственно российской системе предупреждения о ракетном нападении задача по контролю северокорейского сектора не ставилась». В другом сообщении, со ссылкой на главкома РВСН генерал-полковника Владимира Яковлева, говорилось, что «Пхеньян предупреждал Россию о пуске». Но из-за аварии на старте «ракета изменила траекторию и не вошла в зону слежения российских средств контроля».

Ответственность за ракетную программу Северной Кореи вместе с Россией должны разделить и США, так как дальнейшая модификация *Нодон-1* ставит под реальную угрозу базы США в Йокосуке, Йокоте и на Окинаве. (Виктор Литовкин. Северная Корея демонстрирует уязвимость нашей обороны. *Известия*. 02 сентября 1998, с.3.)

• Соединенные Штаты

Министерство обороны США учредило новое ведомство для наблюдения за странами и террористическими организациями, которые могут угрожать безопасности США с применением оружия массового поражения. Министр обороны США Уильям **Коэн** заявил, что новое агентство будет пытаться предотвратить попадание ядерных, биологических и химических вооружений в *государства-изгои* и в руки террористов, а также займется защитой американцев от атак с применением оружия массового поражения. «Нельзя игнорировать реальность сегодняшнего дня: по меньшей мере 25 государств имеют или находятся в процессе разработки ядерного, биологического или химического оружия, а также средств их доставки, - заявил Коэн. - Мы должны справиться с этой угрозой до того, как она достигнет наших берегов». (Новое ведомство в США. *Красная Звезда*. 03 октября 1998, с.3.)

Документы**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ»**

Принят Государственной Думой 3 июля 1998 года

Одобен Советом Федерации 9 июля 1998 года

Настоящий Федеральный закон определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественных объединений и организаций независимо от форм собственности, должностных лиц и отдельных граждан, а также права, обязанности и гарантии граждан в связи с осуществлением борьбы с терроризмом.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ**Статья 1. Правовые основы борьбы с терроризмом**

Правовую основу борьбы с терроризмом составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти.

Статья 2. Основные принципы борьбы с терроризмом

Борьба с терроризмом в Российской Федерации основывается на следующих принципах:

- 1) законность;
- 2) приоритет мер предупреждения терроризма;
- 3) неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;
- 4) сочетание гласных и негласных методов борьбы с терроризмом;
- 5) комплексное использование профилактических правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер;

6) приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции;

7) минимальные уступки террористу;

8) единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;

9) минимальная огласка технических приемов и тактики проведения контртеррористических операций, а также состава участников указанных операций.

Статья 3. Основные понятия

Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

терроризм - насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений;

террористическая деятельность - деятельность, включающая в себя:

- 1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции;
- 2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях;

3) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции;

4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

5) финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им;

международная террористическая деятельность - террористическая деятельность, осуществляемая:

1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства;

2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;

3) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств;

террористическая акция - непосредственное совершение преступления террористического характера в форме взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посяательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий;

преступления террористического характера - преступления, предусмотренные статьями, 205-208, 277 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. К преступлениям террористического характера могут быть

отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях. Ответственность за совершение таких преступлений наступает в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации;

террорист - лицо, участвующее в осуществлении террористической деятельности в любой форме;

террористическая группа - группа лиц, объединившихся в целях осуществления террористической деятельности;

террористическая организация - организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации;

борьба с терроризмом - деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий террористической деятельности;

контртеррористическая операция - специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также на минимизацию последствий террористической акции;

зона проведения контртеррористической операции - отдельные участки местности или акватории, транспортное средство, здание, строение, сооружение, помещение и прилегающие к ним территории или акватории, в пределах которых проводится указанная операция;

заложник - физическое лицо, захваченное и (или) удерживаемое в целях понуждения государства, организации или отдельных лиц совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения удерживаемого лица.

Статья 4. Международное сотрудничество Российской Федерации в области борьбы с терроризмом

1. Российская Федерация в соответствии с международными договорами сотрудничает в области борьбы с терроризмом с иностранными государствами, их правоохранными органами и специальными службами, а также с международными организациями, осуществляющими борьбу с терроризмом.

2. Российская Федерация, руководствуясь интересами обеспечения безопасности личности, общества и государства, преследует на своей территории лиц, причастных к террористической деятельности, в том числе в случаях, когда террористические акции планировались либо проводились вне пределов Российской Федерации, однако наносят ущерб Российской Федерации, и в других случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации.

ГЛАВА II. ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Статья 5. Цели борьбы с терроризмом

Борьба с терроризмом в Российской Федерации осуществляется в целях:

- 1) защиты личности, общества и государства от терроризма;
- 2) предупреждения, выявления, пресечения террористической деятельности и минимизации ее последствий;
- 3) выявления и устранения причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности.

Статья 6. Субъекты, осуществляющие борьбу с терроризмом

1. Основным субъектом руководства борьбой с терроризмом и обеспечения ее необходимыми силами, средствами и ресурсами является Правительство Российской Федерации.

2. Федеральные органы исполнительной власти участвуют в борьбе с терроризмом в пределах своей компетенции, установленной федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

3. Субъектами, непосредственно осуществляющими борьбу с терроризмом в пределах своей компетенции, являются: Федеральная служба безопасности Российской Федерации;

Министерство внутренних дел Российской Федерации;
Служба внешней разведки Российской Федерации;
Федеральная служба охраны Российской Федерации;
Министерство обороны Российской Федерации;
Федеральная пограничная служба Российской Федерации.

4. Субъектами, участвующими в предупреждении, выявлении и пресечении террористической деятельности в пределах своей компетенции, являются и другие федеральные органы исполнительной власти, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации.

5. В случае ликвидации, реорганизации или переименования перечисленных в настоящей статье федеральных органов исполнительной власти их функции в области борьбы с терроризмом переходят к их правопреемникам.

6. Для координации деятельности субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом, в соответствии с решениями Президента Российской Федерации или решениями Правительства Российской Федерации могут создаваться антитеррористические комиссии на федеральном и региональном уровне.

Федеральная антитеррористическая комиссия решает следующие основные задачи:

- вырабатывает основы государственной политики в области борьбы с терроризмом в Российской Федерации и рекомендации, направленные на повышение эффективности работы по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению терроризма и осуществлению террористической деятельности;
- осуществляет сбор и анализ информации о состоянии и тенденциях терроризма на территории Российской Федерации;
- координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих борьбу с терроризмом, в целях достижения согласованности их действий по предупреждению, выявлению и пресечению террористических акций, а также выявлению и устранению причин и условий, способствующих подготовке и реализации террористических акций;
- принимает участие в подготовке международных договоров в Российской Федерации в области борьбы с терроризмом;

- вырабатывает предложения о совершенствовании законодательства Российской Федерации в области борьбы с терроризмом.

Статья 7. Компетенция субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом

1. Субъекты, осуществляющие борьбу с терроризмом, руководствуются в своей деятельности настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, а также изданными на их основе нормативными правовыми актами (в том числе и межведомственными), регламентирующими эту деятельность.

2. Федеральная служба безопасности Российской Федерации и ее территориальные органы в субъектах Российской Федерации осуществляют борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, в том числе преступлений, преследующих политические цели, а также посредством предупреждения, выявления и пресечения международной террористической деятельности, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством проводят предварительное расследование по уголовным делам о таких преступлениях.

3. Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, преследующих корыстные цели.

4. Служба внешней разведки Российской Федерации и другие органы внешней разведки Российской Федерации осуществляют борьбу с терроризмом посредством обеспечения безопасности учреждений Российской Федерации, находящихся за пределами территории Российской Федерации, их сотрудников и членов семей указанных сотрудников, а также осуществляют сбор информации о деятельности иностранных и международных террористических организаций.

5. Федеральная служба охраны Российской Федерации осуществляет борьбу с терроризмом посредством обеспечения безопасности объектов государственной охраны и защиты охраняемых объектов.

6. Министерство обороны Российской Федерации обеспечивает защиту находящихся на вооружении оружия массового поражения, ракетного и стрелкового оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, защиту военных объектов, а также принимает участие в обеспечении безопасности национального морского судоходства, воздушного пространства Российской Федерации, в проведении контртеррористических операций.

7. Федеральная пограничная служба Российской Федерации осуществляет борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения попыток пересечения террористами Государственной границы Российской Федерации, а также незаконного перемещения через Государственную границу Российской Федерации оружия, взрывчатых, отравляющих, радиоактивных веществ и иных предметов, которые могут быть использованы в качестве средств совершения преступлений террористического характера, участвует в обеспечении безопасности национального морского судоходства в пределах территориальных вод, исключительной экономической зоны Российской Федерации и в проведении контртеррористических операций.

Статья 8. Основные функции субъектов, привлекаемых к борьбе с терроризмом

Федеральные органы исполнительной власти, перечисленные в статье 6 настоящего Федерального закона, и их территориальные органы в субъектах Российской Федерации участвуют в борьбе с терроризмом в пределах своей компетенции посредством разработки и реализации профилактических, режимных, организационных, воспитательных и иных мер предупреждения, выявления и пресечения террористической деятельности; создания и поддержания в необходимой готовности ведомственных систем противодействия совершению преступлений террористического характера; предоставления материально-технических и финансовых средств, информации, транспортных средств и средств связи, медицинского оборудования и медикаментов, а также в иных формах исходя из потребностей в области борьбы с терроризмом. Порядок предоставления материально-технических и финансовых средств, информации, транспортных средств и средств связи, медицинского оборудования и медикаментов устанавливается Правительством Российской Федерации.

Статья 9. Содействие органам, осуществляющим борьбу с терроризмом

1. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации независимо от форм собственности, должностные лица должны оказывать содействие органам, осуществляющим борьбу с терроризмом.

2. Сообщение граждан правоохранительным органам о ставших известными им сведениях о террористической деятельности и о любых других обстоятельствах, информация о которых может способствовать предупреждению, выявлению и пресечению террористической деятельности, а также минимизации ее последствий, является гражданским долгом каждого.

ГЛАВА III. ПРОВЕДЕНИЕ КОНТРТЕРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Статья 10. Управление контртеррористической операцией

1. Для непосредственного управления контртеррористической операцией в соответствии с решением Правительства Российской Федерации создается оперативный штаб, возглавляемый представителем Федеральной службы безопасности Российской Федерации или Министерства внутренних дел Российской Федерации в зависимости от того, компетенция какого федерального органа исполнительной власти будет преобладающей в проведении конкретной контртеррористической операции.

2. В субъектах Российской Федерации и регионах Российской Федерации могут создаваться оперативные штабы, количество и состав которых зависят от специфики местных условий и характера возможных террористических акций на территориях субъектов (регионов) Российской Федерации.

3. Оперативный штаб по управлению контртеррористическими операциями в субъекте (регионе) Российской Федерации возглавляет руководитель территориального органа (подразделения) того ведомства, компетенция которого будет преобладающей в проведении конкретной контртеррористической операции. В случае изменения характера террористической акции руководитель контртеррористической операции может быть заменен в соответствии с решением председателя соответствующей межведомственной антитеррористической комиссии.

4. Порядок деятельности оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией определяется положением, утверждаемым председателем соответствующей межведомственной антитеррористической комиссии. Положение об оперативном штабе по управлению контртеррористической операцией разрабатывается на основании типового положения, утвержденного федеральной антитеррористической комиссией.

Статья 11. Силы и средства для проведения контртеррористической операции

Для проведения контртеррористической операции оперативный штаб по управлению контртеррористической операцией имеет право привлекать необходимые силы и средства тех федеральных органов исполнительной власти, которые принимают участие в борьбе с терроризмом в соответствии со статьей 6 настоящего Федерального закона. Федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации выделяют необходимые для проведения контртеррористической операции оружие и специальные средства, транспортные средства и средства связи, иные материально-технические средства.

Статья 12. Руководство контртеррористической операцией

1. Все военнослужащие, сотрудники и специалисты, привлекаемые к проведению контртеррористической операции, с момента начала указанной операции подчиняются руководителю оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией.

2. В зависимости от масштаба и степени общественной опасности, от ожидаемых негативных последствий террористической акции руководителем контртеррористической операции может быть назначен представитель федеральной антитеррористической комиссии. В соответствии с решением Президента Российской Федерации руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией может быть назначен руководитель федерального органа исполнительной власти.

3. Руководитель оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией определяет границы зоны проведения контртеррористической операции, принимает решение об использовании

привлекаемых для проведения указанной операции сил и средств.

Вмешательство любого другого лица независимо от занимаемой должности в оперативное руководство контртеррористической операцией не допускается.

Статья 13. Правовой режим в зоне проведения контртеррористической операции

1. В зоне проведения контртеррористической операции лица, проводящие указанную операцию, имеют право:

- 1) принимать при необходимости меры по временному ограничению или запрещению движения транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, по недопущению транспортных средств, в том числе транспортных средств дипломатических представительств и консульских учреждений, и граждан на отдельные участки местности и объекты либо по удалению граждан с отдельных участков местности и объектов, а также по отбуксировке транспортных средств;
- 2) проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие их личность, а в случае отсутствия таких документов задерживать указанных лиц для установления личности;
- 3) задерживать и доставлять в органы внутренних дел Российской Федерации лиц, совершивших или совершающих правонарушения либо иные действия, направленные на воспрепятствование законным требованиям лиц, проводящих контртеррористическую операцию, а также действия, связанные с несанкционированным проникновением или попыткой проникновения в зону проведения контртеррористической операции;
- 4) беспрепятственно входить (проникать) в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности, в транспортные средства при пресечении террористической акции, при преследовании лиц, подозреваемых в совершении террористической акции, если промедление может создать реальную угрозу жизни и здоровью людей;
- 5) производить при проходе (проезде) в зону проведения контртеррористической операции и при выходе (выезде) из указанной зоны личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, досмотр

транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств;

б) использовать в служебных целях средства связи, включая специальные, принадлежащие гражданам и организациям независимо от форм собственности;

7) использовать в служебных целях транспортные средства, принадлежащие организациям независимо от форм собственности, за исключением транспортных средств дипломатических, консульских и иных представительств иностранных государств и международных организаций, а в неотложных случаях и гражданам, для предотвращения террористической акции, для преследования и задержания лиц, совершивших террористическую акцию, или для доставления лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи, в лечебное учреждение, а также для проезда к месту происшествия.

2. В зоне проведения контртеррористической операции деятельность работников средств массовой информации регулируется руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Статья 14. Ведение переговоров с террористами

1. При проведении контртеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей, материальных ценностей, а также изучения возможности пресечения террористической акции без применения силы допускается ведение переговоров с террористами.

К ведению переговоров с террористами допускаются только лица, специально уполномоченные на то руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией.

2. При ведении переговоров с террористами в качестве условия прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопрос о выполнении политических требований террористов.

3. Ведение переговоров с террористами не может служить основанием или условием их

освобождения от ответственности за совершенные деяния.

Статья 15. Информирование общественности о террористической акции

1. При проведении контртеррористической операции информирование общественности о террористической акции осуществляется в формах и объеме, определяемых руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией или представителем указанного штаба, ответственным за поддержание связи с общественностью.

2. Не допускается распространение информации:

- 1) раскрывающей специальные технические приемы и тактику проведения контртеррористической операции;
- 2) способной затруднить проведение контртеррористической операции и создать угрозу жизни и здоровью людей, оказавшихся в зоне проведения контртеррористической операции или находящихся за пределами указанной зоны;
- 3) служащей пропаганде или оправданию терроризма и экстремизма;
- 4) о сотрудниках специальных подразделений, членах оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией при ее проведении, а также о лицах, оказывающих содействие в проведении указанной операции.

Статья 16. Окончание контртеррористической операции

1. Контртеррористическая операция считается оконченной, когда террористическая акция пресечена (прекращена) и ликвидирована угроза жизни и здоровью людей, находящихся в зоне проведения контртеррористической операции.

2. Решение об объявлении контртеррористической операции оконченной принимает руководитель оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией.

ГЛАВА IV. ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКЦИИ, И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКЦИИ

Статья 17. Возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции

1. Возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции,

производится за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории которого совершена эта террористическая акция, с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда в порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством.

2. Возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции, совершенной на территориях нескольких субъектов Российской Федерации, а также возмещение ущерба, причиненного одному субъекту Российской Федерации и превышающего возможности компенсации из бюджета данного субъекта Российской Федерации, производится за счет средств федерального бюджета с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда в порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством.

3. Возмещение вреда, причиненного иностранным гражданам в результате террористической акции, совершенной на территории Российской Федерации, производится за счет средств федерального бюджета с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда.

4. Возмещение вреда, причиненного организации в результате террористической акции, производится в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

Статья 18. Социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористической акции

1. Социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористической акции, проводится в целях их возвращения к нормальной жизни, включает в себя правовую помощь указанным лицам, их психологическую, медицинскую, профессиональную реабилитацию, трудоустройство вплоть до восстановления на работе, предоставление им жилья.

2. Социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористической акции, а также лиц, перечисленных в статье 19 настоящего Федерального закона, производится за счет средств федерального бюджета и средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории

которого совершена эта террористическая акция.

3. Порядок осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших от террористической акции, определяется Правительством Российской Федерации.

ГЛАВА V. ПРАВОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Статья 19. Лица, участвующие в борьбе с терроризмом, подлежащие правовой и социальной защите

1. Лица, участвующие в борьбе с терроризмом, находятся под защитой государства. Правовой и социальной защите подлежат:

- 1) военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, непосредственно участвующие (участвовавшие) в борьбе с терроризмом;
- 2) лица, содействующие на постоянной или временной основе государственным органам, осуществляющим борьбу с преступностью, в предупреждении, выявлении, пресечении террористической деятельности и минимизации ее последствий;
- 3) члены семей лиц, перечисленных в подпунктах 1 и 2 пункта 1 настоящей статьи, если необходимость в обеспечении их защиты вызвана участием перечисленных лиц в борьбе с терроризмом.

2. Социальная защита лиц, привлекаемых к борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации.

Статья 20. Возмещение вреда лицам, участвующим в борьбе с терроризмом

1. Вред, причиненный здоровью или имуществу лиц, перечисленных в статье 19 настоящего Федерального закона, в связи с их участием в борьбе с терроризмом, возмещается в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации.

2. В случае гибели лица, принимавшего участие в борьбе с терроризмом, при проведении контртеррористической операции членам семьи погибшего и лицам, находящимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в

размере тысячи минимальных размеров оплаты труда, назначается пенсия по случаю потери кормильца, а также сохраняются льготы на получение жилья, оплату жилищно-коммунальных услуг, если такие льготы имелись у погибшего.

3. В случае, если лицо, принимавшее участие в борьбе с терроризмом, при проведении контртеррористической операции получило увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, этому лицу за счет средств федерального бюджета выплачивается единовременное пособие в размере пятисот минимальных размеров оплаты труда и назначается пенсия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

4. В случае, если лицо, принимавшее участие в борьбе с терроризмом, при проведении контртеррористической операции получило ранение, не повлекшее за собой наступление инвалидности, этому лицу выплачивается единовременное пособие в размере ста минимальных размеров оплаты труда.

Статья 21. Освобождение от ответственности за причинение вреда

При проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное причинение вреда жизни, здоровью и имуществу террористов, а также иным правоохраняемым интересам. При этом военнослужащие, специалисты и другие лица, участвующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 22. Льготное исчисление выслуги лет

Военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, проходящим (проходившим) службу в подразделениях, непосредственно осуществляющих (осуществлявших) борьбу с терроризмом, в выслугу лет для назначения пенсий засчитывается один день службы за полтора дня, а во время участия в проведении контртеррористической операции - один день службы за три дня (если законодательством Российской Федерации не предусматривается более льготное исчисление выслуги лет).

ГЛАВА VI. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УЧАСТИЕ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья 23. Ответственность за участие в террористической деятельности

Лица, виновные в террористической деятельности, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Статья 24. Особенности уголовного и гражданского судопроизводства по делам о террористической деятельности

Дела о преступлениях террористического характера, а также дела о возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции, по решению суда могут рассматриваться в закрытых судебных заседаниях с соблюдением всех правил судопроизводства.

Статья 25. Ответственность организации за террористическую деятельность

1. Организация признается террористической и подлежит ликвидации на основании решения суда.

При ликвидации организации, признанной террористической, принадлежащее ей имущество конфискуется и обращается в доход государства.

2. В случае признания судом Российской Федерации международной организации (ее отделения, филиала, представительства), зарегистрированной за пределами Российской Федерации, террористической запрещается деятельность данной организации на территории Российской Федерации, ее российское отделение (филиал, представительство) ликвидируется, а принадлежащее ему имущество и имущество указанной международной организации, находящиеся на территории Российской Федерации, конфискуются и обращаются в доход государства.

3. Заявление о привлечении организации к ответственности за террористическую деятельность направляется в суд Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненными ему прокурорами.

ГЛАВА VII. КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Статья 26. Контроль за осуществлением борьбы с терроризмом

Контроль за осуществлением борьбы с терроризмом в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации.

Статья 27. Надзор за законностью осуществления борьбы с терроризмом

1. Надзор за исполнением законов при осуществлении борьбы с терроризмом осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры.

2. Прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции также осуществляет мероприятия по предупреждению террористической деятельности, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации проводит предварительное расследование, осуществляет надзор за расследованием уголовных дел, связанных с террористической деятельностью, поддерживает в судах государственное обвинение по таким делам, а также принимает иные меры в соответствии с законодательством Российской Федерации.

ГЛАВА VIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 28. Приведение нормативных правовых актов в соответствие с настоящим Федеральным законом

Федеральные законы и иные нормативные правовые акты подлежат приведению в соответствие с настоящим Федеральным законом в трехмесячный срок со дня вступления его в силу.

Статья 29. Вступление настоящего Федерального закона в силу

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации
Б.Ельцин

Москва, Кремль, 25 июля 1998 года, № 130-ФЗ

Источник: Федеральный закон «О борьбе с терроризмом». Российская Газета. 04 августа 1998, с.4.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПРАВИЛ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА И КОНТРОЛЯ
ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ»**

Во исполнение статьи 22 Федерального закона «Об использовании атомной энергии» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемые Правила организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов.
2. Определить Министерство Российской Федерации по атомной энергии заказчиком работ, связанных с созданием и функционированием системы государственного учета и контроля ядерных материалов.
3. Министерству Российской Федерации по атомной энергии совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, Российской академией наук и государственным научным центром Российской Федерации - Российским научным центром «Курчатовский институт» разработать и в IV квартале 1998 г. представить в Правительство Российской Федерации проект положения о государственном учете и контроле ядерных материалов.
4. Федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Российской академии наук, осуществляющим в рамках своих полномочий соответственно государственное управление использованием атомной энергии и государственное регулирование безопасности при использовании атомной энергии, координирующим и контролирующим деятельность в области производства, использования, переработки, хранения, транспортировки и перемещения через таможенную границу Российской Федерации при экспорте и импорте ядерных материалов, а также организациям, осуществляющим указанную деятельность, принять меры, обеспечивающие создание до 1 января 2001 г. и функционирование системы государственного учета и контроля ядерных материалов в соответствии с Правилами, утвержденными настоящим постановлением.

Председатель Правительства Российской Федерации С. Кириенко
Москва 10 июля 1998 года № 746

Правила организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов

1. Настоящие Правила, разработанные в соответствии с Федеральным законом «Об использовании атомной энергии» и другими нормативными правовыми актами в области обращения с ядерными материалами, определяют порядок организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов, обязательный для выполнения всеми юридическими лицами независимо от организационно-правовой формы, осуществляющими деятельность по производству, использованию, переработке, хранению, транспортировке и перемещению через таможенную границу Российской Федерации ядерных материалов, а также федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Российской академией наук, осуществляющими в пределах своих полномочий соответственно государственное управление использованием атомной энергии и государственное регулирование безопасности при использовании атомной энергии, координирующими и контролирующими указанную деятельность.

Все ядерные материалы находятся в федеральной собственности.

Допускается передавать ядерные материалы, находящиеся в федеральной собственности, в пользование только юридическим лицам, имеющим разрешения (лицензии), выданные Федеральным надзором России по ядерной и радиационной безопасности, на право ведения работ в области использования атомной энергии, и на основании договоров, заключаемых специально уполномоченным на то государственным органом.

Деятельность, связанная с учетом и контролем ядерных материалов, используемых в ядерном оружии и ядерных энергетических установках военного назначения, определяется иными нормативными правовыми актами.

2. Понятия, используемые в настоящих Правилах, означают следующее:

ядерные материалы - материалы, содержащие или способные воспроизвести делящиеся (расщепляющиеся) ядерные вещества;

специальные неядерные материалы - материалы, не содержащие или не способные воспроизвести ядерные материалы, но которые могут быть использованы в устройствах, предназначенных для осуществления взрывного выделения внутриядерной энергии (ядерного взрыва);

ядерные установки - сооружения и комплексы с ядерными реакторами, в том числе атомные станции, суда и другие плавсредства, космические и летательные аппараты, другие транспортные и транспортные средства; сооружения и комплексы с промышленными, экспериментальными и исследовательскими ядерными реакторами, критическими и подкритическими ядерными стендами; другие содержащие ядерные материалы сооружения, комплексы, установки для производства, использования, переработки, транспортировки ядерного топлива и ядерных материалов;

пункт хранения ядерных материалов - не относящиеся к ядерным установкам объект или сооружение, предназначенные для хранения ядерных материалов;

эксплуатирующая организация - организация, созданная в соответствии с законодательством Российской Федерации и признанная в установленном порядке пригодной эксплуатировать ядерную установку или пункт хранения ядерных материалов;

учет ядерных материалов - определение фактического количества ядерных материалов, составление, регистрация и ведение учетных и отчетных документов;

контроль ядерных материалов - административный контроль за наличием и перемещением ядерных материалов с целью предотвращения их несанкционированного использования;

надзор за системой государственного учета и контроля ядерных материалов - проверка соблюдения норм и правил уполномоченными федеральными органами исполнительной власти при осуществлении государственного учета и контроля ядерных материалов;

зона баланса материалов - территориально и административно установленная в пределах ядерной установки или пункта хранения ядерных материалов зона для учета и контроля ядерных материалов, в которой на основании измерений определяется количество ядерных материалов при каждом их перемещении в зону и из нее и подводится баланс ядерных материалов за установленный период времени.

3. Государственный учет и контроль ядерных материалов входит в компетенцию федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих в установленном порядке государственное управление использованием атомной энергии, и предусматривает систематизацию соответствующих сведений на федеральном и ведомственном уровнях.

4. Система государственного учета и контроля ядерных материалов предназначена для осуществления учета и контроля ядерных материалов на федеральном и ведомственном уровнях в целях предотвращения их потерь, несанкционированного использования и хищений, обеспечения контроля за соблюдением международных обязательств Российской Федерации в области нераспространения ядерного оружия, а также в целях предоставления органам государственной власти Российской Федерации, органам государственного управления использованием атомной энергии, органам государственного регулирования ядерной, радиационной, технической и пожарной безопасности при использовании атомной энергии и другим заинтересованным федеральным органам исполнительной власти соответствующей информации, необходимой для выполнения ими своих полномочий.

5. При создании системы государственного учета и контроля ядерных материалов необходимо:

- 1) учитывать производственные особенности организаций, осуществляющих деятельность по производству, использованию, переработке, хранению и транспортировке ядерных материалов, использовать существующие механизмы учета и контроля, а также методы и технические средства для измерений характеристик ядерных материалов;
- 2) предусмотреть такой режим работы системы государственного учета и контроля ядерных материалов, при котором отказ какого-либо ее элемента не приводил бы к нарушению работы этой системы в целом;
- 3) предусмотреть ограничительный порядок доступа к носителям информации в области

государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном и ведомственном уровнях, в эксплуатирующих организациях, на ядерных установках, в пунктах хранения ядерных материалов и зонах баланса материалов;

4) обеспечить разработку и использование современных научно-технических методов для определения характеристик ядерных материалов;

5) осуществить меры по оснащению информационно-аналитических организаций и центров сбора, обработки и передачи информации, обеспечивающих функционирование системы государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном и ведомственном уровнях, вычислительной техникой на базе современных компьютерных технологий и соответствующим программно-математическим обеспечением;

6) предусмотреть создание учебно-методических центров для подготовки специалистов по учету и контролю ядерных материалов;

7) обеспечить проведение на ядерных установках и в пунктах хранения ядерных материалов первичной физической инвентаризации;

8) предусмотреть возможность осуществления сотрудничества в рамках международных соглашений и программ (проектов).

6. Система государственного учета и контроля ядерных материалов вводится в действие поэтапно, начиная с наиболее потенциально опасных ядерных материалов, подлежащих учету и контролю.

7. Система государственного учета и контроля ядерных материалов включает в себя органы управления, обеспечивающие ее функционирование на федеральном и ведомственном уровнях, информационно-аналитические организации и центры сбора, обработки и передачи информации, деятельность которых регламентируется нормативными правовыми актами, а также инженерно-технические средства.

Надзор за системой государственного учета и контроля ядерных материалов осуществляет Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности.

8. Органами управления системы государственного учета и контроля ядерных материалов являются:

на федеральном уровне - Министерство Российской Федерации по атомной энергии; на ведомственном уровне - федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие государственное управление использованием атомной энергии, и Российская академия наук, имеющие подведомственные организации, деятельность которых связана с производством, использованием, переработкой, хранением и транспортировкой ядерных материалов.

В эксплуатирующей организации учет и контроль ядерных материалов обеспечивает администрация этой организации.

9. Порядок ведения государственного учета и контроля ядерных материалов регламентируется положением о государственном учете и контроле ядерных материалов, утверждаемым в установленном порядке.

10. Учету и контролю в Российской Федерации подлежат ядерные и специальные неядерные материалы по перечню согласно приложению.

Перечень ядерных и специальных неядерных материалов, подлежащих учету и контролю в Российской Федерации, определяется, дополняется и изменяется Правительством Российской Федерации.

Минимальное количество ядерных материалов, начиная с которого они подлежат государственному учету и контролю, устанавливается федеральными нормами и правилами в области учета и контроля ядерных материалов.

11. Государственный учет и контроль ядерных материалов, находящихся на территории Российской Федерации, осуществляется на федеральном и ведомственном уровнях в соответствии с федеральными и ведомственными нормами и правилами.

На федеральном уровне систематизируются сведения по Российской Федерации в целом, а также по федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим государственное управление использованием атомной энергии, Российской академии наук, государственному научному центру Российской Федерации - Российскому научному центру «Курчатовский институт» и эксплуатирующим организациям, не входящим в их ведение.

На ведомственном уровне систематизируются сведения по конкретным федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим государственное управление использованием атомной энергии, и Российской академии наук, а также по подведомственным им эксплуатирующим организациям и по зонам баланса материалов этих организаций.

Учет и контроль ядерных материалов в эксплуатирующих организациях и в зонах баланса материалов этих организаций проводятся в соответствии с федеральными и ведомственными нормами и правилами, а также нормативными актами эксплуатирующих организаций.

Порядок организации и проведения физической инвентаризации с целью определения фактического количества ядерных материалов, имеющих в наличии в зонах баланса материалов, периодичность ее проведения и объем устанавливаются федеральными нормами и правилами в области учета и контроля ядерных материалов.

12. Министерство Российской Федерации по атомной энергии в пределах своих полномочий обеспечивает:

- 1) государственный учет и контроль ядерных материалов на федеральном уровне;
- 2) государственный учет и контроль ядерных материалов на ведомственном уровне в отношении подведомственных организаций, осуществляющих деятельность по производству, использованию, переработке, хранению и транспортировке ядерных материалов;
- 3) разработку в порядке, определенном Правительством Российской Федерации, проектов федеральных норм и правил учета и контроля ядерных материалов, а также разработку и утверждение ведомственных нормативных правовых актов по вопросам учета и контроля ядерных материалов;
- 4) разработку совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, Российской академией наук и государственным научным центром Российской Федерации - Российским научным центром «Курчатовский институт» и утверждение общего технического проекта системы государственного учета и контроля ядерных материалов;
- 5) проведение работ, связанных с созданием, функционированием, методическим обеспечением и совершенствованием системы государственного учета и контроля ядерных

материалов, а также создание при необходимости межведомственных советов (комиссий) для координации деятельности в этой области;

- 6) организацию и координацию работ по государственному учету и контролю ядерных материалов на федеральном и ведомственном уровнях;
- 7) ведение государственного регистра ядерных материалов;
- 8) представление органам государственной власти Российской Федерации, федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим государственное управление использованием атомной энергии, государственное регулирование безопасности при использовании атомной энергии, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Министерству иностранных дел Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации, другим заинтересованным федеральным органам исполнительной власти соответствующей информации, необходимой для выполнения ими своих полномочий;
- 9) сбор и анализ информации в области государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном уровне;
- 10) создание федеральной автоматизированной информационной системы государственного учета и контроля ядерных материалов;
- 11) проведение научных, методических и технических разработок в области создания, функционирования и совершенствования системы государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном и ведомственном уровнях, а также в эксплуатирующих организациях;
- 12) координацию работы федеральных органов исполнительной власти по подготовке нормативных правовых актов по вопросам обеспечения государственного учета и контроля ядерных материалов;
- 13) деятельность информационно-аналитических организаций и центров сбора, обработки и передачи информации, обеспечивающих функционирование системы государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном уровне;
- 14) разработку и утверждение в установленном порядке типовых форм документации, необходимой для организации государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном и ведомственном уровнях, а также в эксплуатирующих организациях;
- 15) подготовку совместно с заинтересованными федеральными органами

исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации специалистов по учету и контролю ядерных материалов.

13. Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности в пределах своих полномочий обеспечивает:

- 1) государственное регулирование ядерной и радиационной безопасности при осуществлении государственного учета и контроля ядерных материалов;
- 2) разработку, утверждение и введение в действие в порядке, определенном Правительством Российской Федерации, федеральных норм и правил по вопросам учета и контроля ядерных материалов;
- 3) организацию и осуществление надзора за системой государственного учета и контроля ядерных материалов, включая проведение инспекций для проверки состояния учета и контроля ядерных материалов и их наличия на территории Российской Федерации;
- 4) подготовку специалистов по надзору за системой государственного учета и контроля ядерных материалов.

Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности участвует в проведении научных, методических и технических разработок в области создания, функционирования и совершенствования системы государственного учета и контроля ядерных материалов.

14. Федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие государственное управление использованием атомной энергии, и Российская академия наук, имеющие подведомственные организации, деятельность которых связана с производством, использованием, переработкой, хранением и транспортировкой ядерных материалов, в пределах своих полномочий обеспечивают:

- 1) государственный учет и контроль ядерных материалов на ведомственном уровне;
- 2) разработку в порядке, определенном Правительством Российской Федерации, проектов федеральных норм и правил учета и контроля ядерных материалов, а также разработку и утверждение ведомственных нормативных правовых актов по вопросам учета и контроля ядерных материалов;
- 3) деятельность информационно-аналитических организаций и центров сбора, обработки и передачи информации, обеспечивающих функционирование системы государственного учета и контроля ядерных материалов на ведомственном уровне;

- 4) представление информации о государственном учете и контроле ядерных материалов на ведомственном уровне в информационно-аналитические организации и центры сбора, обработки и передачи информации, обеспечивающие функционирование системы государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном уровне;
- 5) проведение научных, методических и технических разработок в области создания, функционирования и совершенствования системы государственного учета и контроля ядерных материалов;
- 6) подготовку совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации специалистов по учету и контролю ядерных материалов.

15. Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральная служба безопасности Российской Федерации в пределах своих полномочий проводят соответствующую деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию незаконных действий в отношении ядерных материалов.

16. Государственный таможенный комитет Российской Федерации в пределах своих полномочий обеспечивает:

- 1) осуществление таможенного оформления и таможенного контроля ядерных материалов при перемещении их через таможенную границу Российской Федерации;
- 2) разработку и реализацию системы мер по пресечению незаконного перемещения ядерных материалов через таможенную границу Российской Федерации;
- 3) учет и контроль ядерных материалов, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации;
- 4) представление информации о ядерных материалах, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации, в информационно-аналитические организации и центры сбора, обработки и передачи информации, обеспечивающие функционирование системы государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном уровне.

17. Министерство иностранных дел Российской Федерации в пределах своих полномочий совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти обеспечивает выполнение международных обязательств Российской Федерации.

Федерации в области нераспространения ядерного оружия.

18. Государственный научный центр Российской Федерации - Российский научный центр «Курчатовский институт» и эксплуатирующие организации независимо от организационно-правовой формы обеспечивают:

- 1) учет и контроль ядерных материалов по зонам баланса материалов;
- 2) разработку соответствующих инструкций по осуществлению учета и контроля ядерных материалов;
- 3) соблюдение федеральных и ведомственных норм и правил учета и контроля ядерных материалов;
- 4) представление информации об учете и контроле ядерных материалов в информационно-аналитические организации и центры сбора, обработки и передачи информации, обеспечивающие функционирование системы государственного учета и контроля ядерных материалов на федеральном и ведомственном (при ведомственном подчинении организации) уровнях;
- 5) оснащение техническими средствами и оборудованием для проведения измерений характеристик ядерных материалов.

19. Объем и порядок предоставления сведений в области учета и контроля ядерных материалов, не составляющих государственную тайну, организациям, в том числе общественным организациям, и гражданам определяются законодательством Российской Федерации.

Перечень ядерных и специальных неядерных материалов, подлежащих учету и контролю в Российской Федерации

Ядерные материалы:

плутоний; уран (за исключением урана, содержащегося в руде); торий (за исключением тория, содержащегося в руде)

Нуклиды:

нептуний-237; америций-241; америций-243; калифорний-252

Специальные неядерные материалы:

дейтерий; тритий; нуклид литий-6

Примечание. Материалы, указанные в настоящем перечне, подлежат государственному учету и контролю независимо от химического соединения, в которое они входят, и их физического состояния.

Источник: Российская Газета. 26 августа 1998, с.5.

Полемика**ВЗГЛЯД НА ПОЛИТИКУ ИНДИИ В ОБЛАСТИ РАКЕТНОГО И ЯДЕРНОГО
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ****Геннадий Хромов****Член Экспертно-консультативного совета****ПИР-Центра политических исследований**

Индия нам известна как страна с одной из самых древних цивилизаций на нашей планете, как огромное государство, в котором проживает шестая часть всего человечества и которое сегодня развивается семимильными шагами по всем направлениям.

Во внешней политике страны много совершенно самобытных явлений, не подпадающих под шаблоны *стандартных* представлений о международных отношениях, и вместе с тем вызывающих стремление понять эти явления и часто, в конечном итоге, заставляющих еще больше уважать эту страну. Совершенно особое место Индия занимает в вопросах нераспространения. И если по вопросам нераспространения химического и бактериологического оружия Индия выступает практически в русле политики подавляющего большинства стран мирового сообщества, то в отношении ракетного и ядерного нераспространения у нее сугубо своя позиция, и здесь прослеживается определенная логика, которая проистекает прежде всего из условий, в которых живет Индия.

Сегодня Индия - самостоятельное государство, с развитой промышленностью, по уровню выпуска промышленной продукции она входит в первую десятку государств мира. В начале 1997 года в стране сформирована программа развития индийской оборонной промышленности до 2005 года, основной целью которой является создание эффективного производства вооружений и военной техники, в результате чего к указанному сроку будет удовлетворяться до 75 процентов потребности вооруженных сил (сейчас 40 процентов) и таким образом будет сделан серьезный шаг к полной самообеспеченности страны в данной сфере.

В то же время складывающаяся вокруг Индии международная обстановка далеко не всегда способствует нормальному развитию страны.

Единственный межгосударственный конфликт в Азии (все другие конфликты рассматриваются как внутригосударственные),

который по оценке Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) имел место в конце девяностых годов - это конфликт между Индией и Пакистаном, который на деле был *холодной войной*, периодически превращавшейся в *горячую*. Направленность политики Пакистана по-прежнему продолжает оставаться замкнутой на спор с Индией из-за Кашмира.

Очевидно, что неблагоприятный баланс в области обычных вооружений и вооруженных сил ставит под вопрос достижение Исламабадом своих целей путем развязывания вооруженного конфликта с Индией с применением обычных вооружений. Пакистанские вооруженные силы насчитывают на сегодня порядка 580 тыс. человек, что в два раза меньше, чем имеет Индия, примерно в два раза уступают по количеству танков и боевых самолетов вооруженным силам Индии и, наконец, Пакистан в четыре раза уступает Индии по военно-морским силам. Не говоря уже о том, что промышленный потенциал Пакистана не превышает одной восьмой промышленного потенциала Индии, а его валовой национальный продукт (ВНП) составляет только одну пятую индийского.

Естественно предположить, что опасения, связанные с катастрофическими последствиями крупномасштабной войны, проводимой обычными средствами, заставляют обе страны все более и более опираться на ядерное оружие, к обладанию которым они уже вплотную подошли. Дополнительные эмоции в отношении этой проблемы возникают в связи с испытательными запусками ракет как в Индии, так и в Пакистане.

В отношении другой страны - КНР, с которой у Индии также имеются неурегулированные территориальные проблемы, положение складывается несколько иначе. Пик обострения отношений между двумя этими странами относится к 1962 году, когда, по

мнению Индии, была предпринята вооруженная агрессия против нее. Положение усугублялось еще и тем, что КНР стала одним из крупнейших ядерных государств мира, а Индия, во всяком случае до последнего времени, не входила в *ядерный клуб*.

Визит председателя КНР в Дели в конце 1996 года наметил стремление обеих стран придать большую сбалансированность взаимоотношениям между ними и продемонстрировал готовность постепенно устранять препятствия на пути китайско-индийского политического и экономического сотрудничества.

Но говорить о налаживании полного партнерства между Индией и КНР пока еще рано, поскольку сохраняются противоречия принципиального характера. Дели проявляет недовольство продолжающимся тесным сотрудничеством Пекина и Исламабада в военной области, в том числе содействием КНР пакистанским ракетно-ядерным программам. Там по-прежнему не склонны преуменьшать потенциальную угрозу со стороны КНР, обладающей третьим в мире ядерным арсеналом, с известным подозрением относятся к намерениям обеспечить для КНР доминирующее положение в Бангладеш, Шри-Ланке, Непале и Мьянме. В письме, которое премьер-министр страны Атал Бихари Ваджайи направил Биллу Клинтону в связи с майскими ядерными взрывами, говорится: "Мы граничим с ядерным государством, предпринявшим в 1962 году вооруженную агрессию против Индии... В наших отношениях с Китаем сохраняется атмосфера недоверия, главным образом из-за нерешенной территориальной проблемы". Более того, в Дели со времен премьерства Индиры Ганди сохраняется своеобразный комплекс государственной неполноценности, оттеняемый опытом КНР, которая якобы только благодаря доступу к ядерному оружию вышла в мировые лидеры.

Политика Индии в области ракетного нераспространения

Оценивая положение дел с развитием индийского ракетного потенциала, следует указать на уникальность ситуации, сложившейся в стране в этой области. Если в других странах мира - СССР, США, КНР космические программы начали развиваться на базе обширных военных ракетных программ после того, как на вооружении в этих странах появились баллистические ракеты, включая межконтинентальные, то в

Индии имели место прямо противоположные события.

Космические программы начали реализовываться еще в шестидесятых годах: в это время стали проводиться запуски геофизических ракет, переделанных из предоставленных Соединенными Штатами. 19 апреля 1975 года был запущен первый индийский искусственный спутник с помощью иностранной ракеты-носителя, 10 августа 1979 года осуществлен первый пуск ракеты-носителя собственного производства. В то же время официально обнародованная комплексная программа создания боевого управляемого ракетного оружия IMGDP (Integrated Guided Missile Development Program) была принята только в 1983 году, то есть примерно через 20 лет после начала реализации космических программ, а первый запуск боевой баллистической ракеты (оперативно-тактическая ракета *Притхви*) был произведен лишь 25 февраля 1988 года. В программу IMGDP входят две программы разработки баллистических ракет (*Притхви* и *Агни*), две программы разработки зенитных ракет (*Акаш* и *Тришул*) и программа создания противотанковых управляемых ракет (*Наг*).

Индия, являясь государством с крупным военно-морским флотом, для обеспечения защиты своих кораблей вынуждена создавать и современные противокорабельные средства. Как известно, с участием России начата разработка противокорабельной крылатой ракеты (некоторые эксперты считают, что речь идет о проекте, называемом *Сагарика*). Указанная ракета не подпадает под категорию I РКРТ. Ожидать появления этой ракеты на вооружении ранее 2000 - 2002 года не следует.

Нестандартно выглядит и сам ход реализации программ создания индийского ракетного оружия. Располагая достаточным научно-техническим потенциалом и необходимой производственной инфраструктурой, Индия не спешит оснастить свою армию ракетным оружием. Отработка и развертывание ракет ведется с учетом оборонной целесообразности, хотя, безусловно, на развитие ракетных программ в существенной степени влияют и экономические факторы. Сегодня страна располагает возможностями собственного производства практически всех ключевых элементов баллистических ракет любой дальности стрельбы. Анализ состояния дел с реализацией космических и ракетных программ показывает, что Индия самостоятельно удовлетворяет свои

потребности в компонентах жидких и твердых ракетных топлив, в конструкционных и теплозащитных материалах, аппаратуре системы управления, знаниях в области аэродинамики и баллистики полета, конструирования многоступенчатых баллистических ракет и проведению их отработки.

Тем не менее Индия скорее всего заинтересована продолжать импортировать для реализации своих ракетных программ отдельные технологии и оборудование, имея в виду обеспечение следующих целей:

- получение экономической выгоды в тех областях ракетной техники, где покупка комплектующих элементов будет обходиться дешевле, чем их производство собственными силами. Такой подход применим прежде всего к элементам, в отношении которых индийские руководители уверены, что каналы их поступления никогда не будут перекрыты, поскольку элементы не подпадают под ограничения режимов нераспространения, хотя нет сомнения в том, что Индия в случае необходимости могла бы самостоятельно производить большую часть этих элементов (оборудования). Сюда прежде всего можно отнести изделия современной электронной техники, широко представленные на международном рынке. При этом следует отметить, что подобная позиция присуща не только Индии. Даже в США, где в законодательном порядке запрещено применение импортных комплектующих элементов в военной технике, становится известно все больше случаев закупки за рубежом сложных в производстве элементов вооружений;
- дальнейшее повышение эффективности созданной и создаваемой ракетной техники за счет использования некоторых самых современных технических решений, которых в Индии пока еще не имеется. Так, недостаточная эффективность обычных боеголовок из-за неудовлетворительной точности стрельбы на дальностях полета, соответствующих дальности ракеты *Агни*, естественно создает стремление приобрести технологии наведения боеголовок на конечном участке их полета;

- приобретение технологий крылатых ракет, где опыт индийских специалистов пока еще недостаточен для разработки и производства современных крылатых ракет и не может базироваться на достижениях индийской космической отрасли, как это имеет место в отношении баллистических ракет.

Реализацию подобных намерений Индия в значительной мере могла бы осуществить, не выходя за нормы РКРТ, через импорт соответствующих технологий либо через создание совместных предприятий с теми странами, которые уже обладают такими технологиями.

Все работы в стране по военным исследованиям и разработкам ведутся организацией ДРДО (*Defence Research and Development Organisation*) Минобороны Индии, а собственно реализация ракетных программ осуществляется подразделением ДРДО - лабораторией ДРДЛ (*Defence Research and Development Laboratory*), расположенной в Хайдарабаде.

Основу сегодняшнего ракетного потенциала страны составляют баллистические ракеты *Притхви* и *Агни*. Головным разработчиком ракет является государственная компания BDL (*Bharat Dynamic Limited*) в Хайдарабаде, сборку головных частей для этих ракет осуществляет завод в городе Кхамерия (штат Мадхья-Прадеш), а предприятия компании *Hindustan Aeronautics* выполняют работы по аппаратуре системы управления и двигателям ракеты. Летные испытания ракет на различных этапах их отработки производились на полигонах Шрихарикота и Чандипур. В настоящее время производство некоторых важных компонентов ракет открыто для частного сектора.

Ракета *Притхви* имеет максимальную дальность стрельбы от 150 км до 250 км в зависимости от веса головной части (от 500 до 1000 кг). Ракета одноступенчатая с жидкостным ракетным двигателем (многие специалисты считают, что в качестве прототипа этого двигателя использовался двигатель советской зенитной ракеты SA-2). Для пуска ракеты применяется мобильная пусковая установка с использованием большегрузного автомобильного шасси. Считается, что развертывание этой ракеты началось в 1995 году.

Программа работ по ракете *Агни* рассчитана на создание ракеты средней дальности стрельбы, обеспечивающей поражение целей, находящихся на расстоянии до 2500 км от точки старта. Вес боевой части около 500 кг. Ракета двухступенчатая: первая ступень твердотопливная, вторая - жидкостная. Тип старта - мобильный. Первый пуск ракеты осуществлен в мае 1995 года. Считается, что ракета в модификации с максимальной дальностью стрельбы в 1500 км доведена до стадии серийного производства.

Рассматривая военные ракетные программы Индии и вопросы ракетного нераспространения, нельзя не затронуть деятельность, связанную с освоением космического пространства.

Деятельность Индии в области освоения космоса

Здесь итоги работ научных и промышленных организаций Индии наиболее впечатляющи. В кооперации организаций, непосредственно обеспечивающих реализацию космических программ, принимает участие более 400 фирм, научно-исследовательских и испытательных центров, которые в своей работе базируются либо на результатах отечественных разработок, либо на уже полученных (и получаемых) от других стран лицензиях и поставках. Можно смело утверждать, что заложенный на сегодня фундамент практически обеспечивает выполнение индийских космических программ без дополнительной помощи других стран на многие годы вперед.

А началось все с запуска в 1963 году с индийской территории первой исследовательской ракеты, созданной на базе американской зенитной ракеты *Найк*. Затем появилась индийская ракета-носитель *SLV-3* для запуска легких спутников, которая, как считают, является полной копией американской ракеты *Скаут*. Передача документации на эти американские ракеты сопровождалась передачей базовых технологий производства ракет, включая производство зарядов твердого топлива. Первый запуск искусственного спутника Земли весом 40 кг с помощью ракеты-носителя *SLV-3* проведен в 1980 году.

Следующий, по времени, приток технологий в Индию осуществила Франция. В семидесятых годах была получена технология производства жидкостного ракетного двигателя *Викинг*, создававшегося для французских ракет-

носителей типа *Ариан*. Индийская модификация этого двигателя получила название *Викас* и использовалась в дальнейшем в ракете-носителе *PSLV*.

В существенной степени прогрессу в освоении космоса способствовали и германские фирмы. Считается, что к наиболее важным направлениям сотрудничества с ними относятся работы по композиционным материалам, приборостроению, аэродинамике. Германскими фирмами был сдан *под ключ* завод по производству жидкого водорода, используемого в качестве горючего в ракетах-носителях для запуска космических аппаратов.

Приобретенный Индией опыт позволил ей создать новую ракету-носитель *ASLV* (стартовый вес 41,7 тонны), обеспечившую в 1987 году вывод спутника весом в 150 кг на низкую околоземную орбиту.

В 1994 году Индия производит с полигона Шрихарикота первый запуск ракеты-носителя *PSLV* (стартовый вес 280 тонн), предназначенной для вывода спутников дистанционного зондирования Земли весом порядка 1000 кг на полярную орбиту. Появление подобной ракеты-носителя уже могло рассматриваться, как способность Индии решить задачу создания МБР, если бы появились такие намерения.

Сейчас ведутся активные работы по созданию принципиально нового носителя *GSLV* (стартовый вес около 530 тонн) для вывода на геостационарную орбиту спутников связи весом порядка 2500 кг. По планам Индийской организации космических исследований (ИСПО), опубликованным в начале 1998 года, первый пуск ракеты *GSLV* следует ожидать в начале 1999 года.

Индийское сотрудничество в области космоса с другими странами по воле правительств западных стран и прежде всего правительства США, а также с подачи средств массовой информации этих стран, представляется похожим на настоящую детективную историю. Достаточно остановиться на истории с криогенным разгонным блоком (КРБ), который планируется использовать в качестве третьей ступени в создаваемой ракете-носителе *GSLV*. Этот КРБ предусматривается создать с использованием кислородно-водородного жидкостного ракетного двигателя. По оценке экспертов, это будет

одна из самых совершенных в мире ракетных ступеней подобного типа.

История с КРБ началась еще в конце восьмидесятых годов, когда индийские специалисты заинтересовались возможной кооперацией в этой области с крупнейшими фирмами, имеющими соответствующий опыт. В числе предложивших свои услуги были *CNES/Ariane Space* (Франция), американская компания *Pratt and Whitney*, которая предлагала свой двигатель *RL-10*, а затем на первое место вышли более мощная американская компания *General Dynamics* (США) и кооперация советских организаций, которую возглавляла государственная организация *Главкосмос*. ИСРО (*ISRO - Indian Space Research Organisation*), выступавшая от имени государства в качестве головного заказчика этих работ, предпочла тогда советские разработки, исходя из экономических показателей и технического уровня предлагаемых решений, и в январе 1991 года заключила с организацией *Главкосмос* контракт на разработку, изготовление и поставку небольшой партии КРБ и передачу технологий их изготовления.

6 марта 1992 года Соединенные Штаты ввели санкции против организации *Главкосмос*, ссылаясь на то, что это сотрудничество с ИСРО, связанное с предоставлением ей КРБ и технологий их изготовления, подпадает под самые жесткие ограничения РКРТ (категория I). Причем упор делался на недопустимость передачи технологий. То, что Россия в 1992 году не была членом РКРТ и соответственно не имела юридических обязательств препятствовать таким поставкам, никого не интересовало.

У Российской Федерации было два пути решения возникшей проблемы.

Вариант первый - проигнорировать американские наскоки на Россию, в значительной степени несправедливые и необоснованные, не говоря уже о том, что введенные санкции в практическом плане ни к чему не вели, поскольку объем экспортно-импортных операций организации *Главкосмос* с американскими фирмами в то время был близок к нулю. Отнесение американских обвинений к несправедливым связано с тем, что запреты, предусмотренные категорией I ограничительного списка РКРТ, применяются только к автономно поставляемым жидкостным ракетным двигателям и это специально оговорено в документах РКРТ (в

данном же случае двигатель поставляется в качестве неразъемной части КРБ и не может быть использован в составе какой-либо другой ракеты - в соответствии с этим признаком рассматриваемый КРБ подпадает только под категорию II ограничительного списка РКРТ и ограничения на экспорт в этом случае при выполнении определенных условий просто не должно было быть), да и сами криогенные блоки по эксплуатационным соображениям не используются в современных боевых ракетах. Достаточно, например, отметить, что особенности подготовки к пуску ракеты *GSLV* с КРБ требуют трехмесячной подготовки ракеты на стартовой позиции, что заведомо неприемлемо для боевой ракеты.

Все эти проблемы, как представляется, могли бы быть разрешены путем проведения международной экспертизы, практика которой существует в рамках РКРТ, однако сделано этого не было из-за противодействия Соединенных Штатов.

Проигнорировать американские претензии в отношении российско-индийского сотрудничества можно было и в связи с тем, что американцы в значительной степени были заинтересованы в то время в привлечении России к сотрудничеству в области создания международной пилотируемой космической станции и в связи с этим не пошли бы на обострение отношений дальше определенного предела. Более того, в то время положение можно было оценивать следующим образом: либо будет иметь место участие России всем своим потенциалом в этом проекте, либо проект международной космической станции *Альфа* скорее всего *умрет* в связи с недостаточным финансированием и срывом первоначально намеченных сроков создания станции.

Вариант второй - учесть притязания американцев и скорректировать российско-индийский контракт, исключив из него передачу технологий КРБ, хотя серьезных оснований, как уже отмечалось выше, для этого не было. При этом следовало учитывать, что американская сторона ухитрилась сделать пересмотр российско-индийского контракта условием принятия нашей страны в РКРТ.

Пассивность МИД России позволила американцам увязать эту проблему и с квотированием услуг по коммерческим запускам искусственных спутников Земли, принадлежащих другим странам, с помощью российских ракет-носителей. Все эти *уступки*

руководство тогдашнего российского МИДа обосновывало ожиданием получения 24-х миллиардного льготного кредита от США.

Россия – как мы считаем, необоснованно - предпочла двигаться по второму варианту, имея в виду полностью принять требования Соединенных Штатов, а ведь даже ближайшие союзники Вашингтона - Франция, Израиль, Великобритания и Канада не всегда занимают позиции, совпадающие с американскими и, как правило, не принимают решений в ущерб своим национальным интересам.

Пути решения всех отмеченных проблем были зафиксированы в российско-американском меморандуме от 2 сентября 1993 года, согласно которому Российская Федерация приняла на себя, в том числе и все обязательства по режиму контроля за ракетными технологиями, не получив никаких прав, поскольку еще не являлась тогда членом этого режима (в РКРТ Россия была официально принята только через два года, испытав за этот период много дополнительных унижений). Обязалась она и скорректировать контракт по КРБ, исключив из него передачу технологий. Абсурдность сложившегося положения заключалась еще и в том, что к моменту корректировки контракта российские организации уже передали Индии 85 процентов всей технологической документации на КРБ (такое положение дел было доведено до сведения американской стороны), то есть сама корректировка контракта уже не имела практического смысла.

Индия в этом *обсуждении* не принимала участия и официально узнала о нем только после того, как все решения по итогам российско-американского торгового были практически уже приняты. Первая ее реакция на эти события прозвучала в обращении МИДа Индии от 19 июля 1993 года, в котором *обращалось* внимание на неспособность Российской Федерации выполнить обязательства по контракту, заключенному в 1991 году, несмотря на то, что Индия подтвердила все свои обязательства по ракетному нераспространению, вытекающие из норм РКРТ. Вопрос был предметом неоднократного обсуждения в индийском парламенте и в правительстве страны. Решения, принятые российской стороной, далеко не приветствовались руководством Индии и не способствовали укреплению авторитета нашей страны. Многие в Индии считали и продолжают считать, что действия

американской администрации, фактически направленные против их страны, являются не чем иным, как наказанием за отказ подписать контракт на поставку криогенных двигателей с американскими фирмами. Выражающая точку зрения индийского правительства газета *National Herald* считает, что цель политики США обеспечить им и их западным союзникам монополию в области ракетной технологии: “Попытки закрепить это преимущество путем создания препятствий на пути прогресса других стран в этой области можно сравнить с действиями разъяренного быка”.

Тем не менее, контракт между *ИСПО* и *Главкосмосом* в 1993 году был скорректирован. Индийцы были поставлены в безвыходное положение, кроме того, они были вынуждены считаться и с уже понесенными значительными расходами.

В долгосрочном плане корректировка контракта навредила и России, подорвав ее имидж надежного партнера, особенно в части сотрудничества в области высоких технологий.

Американские эксперты и представители администрации, самым внимательным образом наблюдавшие за российско-индийским космическим сотрудничеством в части работ по КРБ, в конечном итоге перестали высказывать какие-либо озабоченности по откорректированному контракту. Его реализация была продолжена, хотя и в скорректированном виде (передача технологии изготовления КРБ была прекращена). В марте 1994 года истек установленный законом срок действия санкций против организации *Главкосмос* и они *автоматически* были сняты. У США исчезли и формальные основания препятствовать принятию России в члены РКРТ, хотя американские дипломаты еще более года находили разного рода зацепки для того, чтобы противодействовать принятию нашей страны в этот международный режим.

Индия тем временем продолжила движение вперед в деле самообеспечения решения задач по мирному освоению космоса, используя в том числе и случившееся в качестве стимула для такого движения.

Были завершены работы по модернизации ракеты-носителя *PSLV*, что позволило отказаться от запланированного использования в конце 1997 года российской

ракеты-носителя *Молния* для вывода на полярную орбиту спутника дистанционного зондирования Земли *ИРС-1Д* (кстати, по мнению большинства, в том числе и американских, специалистов этот спутник является одним из лучших в мире спутников подобного типа), хотя до этого времени запуски таких спутников (весом около 1000 кг) Индии были не по силам.

Для того чтобы подстраховаться в связи с непрогнозируемым поведением России, Индия приняла меры по форсированию разработок собственного кислородно-водородного ракетного двигателя. В феврале 1998 года впервые была испытана полноразмерная камера сгорания такого двигателя, правда, без турбонасосного агрегата и на неполную тягу. Вместе с тем, как заявил в начале 1998 года председатель ИСРО, индийский КРБ выйдет на *серьезные* испытания не ранее, чем через два - три года, а для запусков первых ракет-носителей *GSLV* в первую очередь будут использоваться семь КРБ, запланированных к поставке из России.

До конца текущего века Индия планирует завершить создание ракеты-носителя *GSLV*, способной выводить на геостационарную орбиту спутники весом в 2,5 тонны, и начать запуски спутников связи *GCAT-1* и *GCAT-2*.

Индия и РКРТ

Режим контроля за ракетными технологиями, введенный в действие семью наиболее развитыми странами (США, Великобритания, Япония, ФРГ, Канада, Франция и Италия) 16 апреля 1987 года, предусматривает запрет на экспорт ракет, начиная с определенной дальности и веса полезной нагрузки (300 км и 500 кг соответственно), включая основные компоненты таких ракет и технологии их производства - категория I; и разрешает экспорт при определенных условиях (гарантии использования только по прямому назначению, отказ от реэкспорта, запрет на копирование и прочие) комплектующих элементов, материалов, производственного и испытательного оборудования, а также самих ракет с более низкими параметрами, чем указано выше. В РКРТ декларируется также, что режим не препятствует сотрудничеству государств в мирном освоении космоса.

Интересно отметить, что с самого начала РКРТ создавался как клуб избранных стран, поставки между которыми любой ракетной техники практически не ограничивались. Не ограничиваются они и сейчас. Так, США

ничего зазорного не видят в продаже Великобритании баллистических ракет для подводных лодок *Трайидент-2* и крылатых ракет *Томагавк*, которые подпадают под категорию I РКРТ и экспорт которых в соответствии с нормами этого режима строжайше запрещен.

На начало 1998 года число стран-членов РКРТ увеличилось до 29, хотя никто, кроме России, из стран, обладающих значимым научно-техническим и производственным потенциалом, в этот режим дополнительно не был включен. За бортом РКРТ сегодня находятся такие *ракетные* государства, как КНР, Украина и Индия, что не способствует высокой эффективности режима контроля за ракетами и ракетными технологиями.

Индия высказывает критическое отношение к этому режиму, как наносящему политический и экономический ущерб развивающимся странам. В одном из официальных заявлений правительства Индии отмечается: "Развитые страны часто пытаются остановить всякий приток технологий в нашу страну, прикрываясь интересами экономически и политически мотивируемых режимов, таких как РКРТ". Вместе с тем, Индия де-факто соблюдает его правила. Более того, руководители ракетно-космических программ страны, давая оценку своей деятельности, отмечают, что Индия осуществляет экспортную политику в большем соответствии с нормами РКРТ, чем это делают некоторые страны-члены режима. Вся публиковавшаяся информация об угрожающем экспорте ракетных технологий из этой страны, не говоря уже об экспорте индийских боевых ракет, носит характер предположений и в настоящее время не подтверждается какими-либо фактическими данными.

Одним из объективных факторов, объясняющих отсутствие стремления Индии к экспорту боевых ракет, является тот факт, что потребителями, заинтересованными в их получении, являются прежде всего мусульманские страны, в оснащении которых современными вооружениями Индия не заинтересована.

Если же в конкретном плане говорить об экспортном потенциале Индии в ракетно-космической области, то единственным направлением, где к настоящему времени проявились ее экспортные намерения, явились предложения по предоставлению услуг, связанных с космической деятельностью.

Согласно официальным заявлениям руководства ИСРО, Индия уже в настоящее время предлагает свои услуги по испытаниям спутников, предоставлению данных дистанционного зондирования Земли по более низким, чем на Западе, ценам, оборудованию наземных станций управления искусственными спутниками Земли (ИСЗ) и осуществлению запусков иностранных спутников на низкие околоземные орбиты. Кстати, услугами, предоставляемыми Индией, широко пользуются Соединенные Штаты, заинтересованные в получении информации со спутников серии *ИРС*. В этих целях США строят специальные приемные станции.

Сегодня появилось много критиков имеющейся в Индии системы экспортного контроля, а некоторые даже утверждают, что такой системы вообще нет.

На самом деле все обстоит несколько по-иному. Несмотря на то, что страна официально не является членом международных режимов нераспространения, экспорт критически важной продукции и технологий полностью находится под контролем государства. Наличие такого контроля, как представляется, выгодно самой Индии. Для обеспечения экспорта в современных условиях индийскому товаропроизводителю необходимо получить согласие трех ведомств: МИДа (головное ведомство), министерства торговли и министерства обороны. Задачи контроля государства за экспортом облегчаются тем, что подавляющее большинство предприятий, выпускающих военную продукцию, являются государственными. Заслуживают внимания примеры конкретного сотрудничества официальных индийских организаций со странами-членами РКРТ (когда эти страны обращаются к Индии) в решении отдельных текущих вопросов, связанных с экспортным контролем и ракетным нераспространением.

У стран-членов РКРТ сегодня нет претензий к Индии, как к экспортеру ракетных технологий, и в настоящее время Индия отсутствует в традиционно составляемом перечне потенциальных распространителей ракетных технологий, в котором (скорее всего необоснованно) она была раньше.

Безусловно, участие Индии в РКРТ на правах равноправного члена только укрепило бы этот режим, так же как и участие некоторых других стран (например, КНР), обладающих значительным ракетным потенциалом и

соответствующей научной и производственной инфраструктурой.

Возможности Индии в ядерной области

Начало развитию работ по использованию атомной энергии в мирных целях относится еще к 1948 году. Если первоначально ядерная программа Индии зависела от иностранной помощи, то к настоящему времени она стала практически автономной.

Индия испытала свое первое ядерное взрывное устройство еще в 1974 году и с тех пор, как считают многие западные аналитики, активно реализует свою военную ядерную программу, что подтверждается пятью подземными ядерными взрывами, проведенными 11 и 13 мая 1998 года на ядерном полигоне Покхран в штате Раджастан. По некоторым оценкам, уже к 1995 году у Индии было 400 кг плутония и она могла производить до шестнадцати атомных бомб в год. Однако в целом оценки политики Индии в ядерной области противоречивы.

Сложность таких оценок усугублялась тем, что в последние годы страна доказала, что может вести политику в двух направлениях: развивать ядерную технологию для использования ее в мирных целях (что весьма важно при нехватке в стране электроэнергии) и в то же время сохранять способность опираться на ядерное оружие в критической для своей безопасности ситуации. Тем не менее, как заявляют индийские руководители, основной упор в стране делается на реализацию программы мирного использования ядерной энергии. Анализ бюджетной и военно-технической политики государства в основном подтверждает правдивость таких заявлений.

Развитие ядерной программы на ранней ее стадии Индия обеспечила за счет импорта из Канады тяжеловодных реакторов и из Германии заводов по производству тяжелой воды, что уже тогда позволило добиться автономности разработок. В то же время Индия развивала и свои возможности по обогащению урана на базе использования собственных запасов урановой руды.

В настоящее время Индия располагает развитой ядерной инфраструктурой. У Индии имеется шесть действующих исследовательских реакторов, два пилотных объекта по обогащению урана, три действующих завода по выделению плутония (еще два строится), восемь заводов по

производству тяжелой воды. Все эти объекты, за исключением двух промышленных реакторов, не подпадают под гарантии МАГАТЭ, что дает Индии не только широкие возможности по развитию военной ядерной программы, но и по проведению этих работ с высокой степенью скрытности. Кроме развернутых и строящихся промышленных ядерных реакторов, планируется построить еще пять.

Основой для критики как самой индийской политики в ядерной области, так и российско-индийского сотрудничества в этой области (во всяком случае до 11 мая 1998 года) был избран проект контракта по продаже двух российских атомных реакторов Индии. Сделка на сумму в 2,6 млрд. долларов предусматривает строительство двух 1000-мегаваттных реакторов на легкой воде на атомной электростанции в Куданкуламе, на юге Индии. Эти реакторы относятся к тому же типу, что и поставляемые Россией в Иран (такой же тип реакторов США, Япония и Республика Корея планируют поставить в КНДР).

Контракт этот первоначально был подписан еще в 1988 году премьер-министром Индии Радживом Ганди и президентом СССР Михаилом Горбачевым. С момента распада Советского Союза возникли трудности финансирования этих работ и создание электростанции было заморожено до лучших времен.

3 апреля 1992 году Россия и другие страны-члены Группы ядерных поставщиков (ГЯП) договорились не продавать ядерные технологии государствам, владеющим необъявленным ядерным оружием, которые не поставили под гарантии МАГАТЭ все свои ядерные объекты. Индия, как известно, относится именно к таким государствам.

Американская администрация выразила свои опасения по поводу рассматриваемой сделки, утверждая, что она идет вразрез с духом соглашения от 3 апреля 1992 года между странами-членами ГЯП, однако Россия вправе считать сделку по поставке двух реакторов законной, поскольку сделка была заключена еще 20 ноября 1988 года, то есть предшествовала соглашению 1992 года, а одно из условий этого соглашения состоит в том, что выполнение контрактов, заключенных ранее, может быть продолжено. Как отмечается в официальном заявлении МИД России от 9 июля 1997 года, все поставки по этим контрактам будут осуществляться под

контролем МАГАТЭ. На сегодня суть американских претензий сводится только к тому, что сделка в 1988 года была, мол, *неполноценной*.

Россия, как это следует из ее официальных заявлений, не планирует увязывать вопрос о развитии контактов с Индией в ядерной области с отношением Дели к Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Здесь для политики Индии имеет место вторая *болевая точка*, которая заслуживает особого внимания.

ДВЗЯИ, ДНЯО и Индия

24 сентября 1996 года в торжественной обстановке в Нью-Йорке были поставлены первые подписи под Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и на сегодня его подписали более полутора сотен государств, в том числе 41 из 44 стран, присоединение которых к ДВЗЯИ является необходимым условием вступления договора в силу (в соответствии со статьей XIV договор не имеет законной силы, если его не подпишет хотя бы одно из 44-х государств, обладающих действующими ядерными реакторами).

Дата готовности ДВЗЯИ к вынесению на подписание фактически определялась тем, что два ядерных государства - КНР и Франция *еще не закончили запланированную серию* ядерных испытаний. И только после завершения этих испытаний в первой половине 1996 года эти два государства *дозрели* до парафирования договора.

К государствам из числа 44-х, не подписавшим договор, на сегодня относятся Индия, Пакистан и КНДР. Пакистан открыто заявлял о том, что он присоединится к договору после того, как это сделает Индия, а КНДР увязывает свою позицию в этом вопросе с реализацией американо-корейско-японского проекта оказания содействия в замене имеющихся ядерных реакторов. Наиболее принципиальную позицию неприятия договора до сих пор занимала Индия.

Считается, что любые разговоры о том, чтобы обойти статью XIV ДВЗЯИ, например, путем решения о так называемом *временном* вступлении в силу договора, ведут лишь к ослаблению давления со стороны международного сообщества на те государства, которые пока остаются вне договора. Так что Индия со своим *особым*

мнением, очевидно, еще долго будет оставаться в центре внимания.

Многие считают, что Индия, не подписав ДВЗЯИ, обрекла себя на международную изоляцию. Так ли это и насколько обоснована критика индийской позиции в этой области?

Цели и задачи Договора в целом благородные:

- ограничить развитие и качественное улучшение ядерного оружия
- исключить возможность появления новых типов такого оружия
- способствовать предотвращению распространения ядерного оружия.

Договор призван также способствовать процессу ядерного разоружения, укреплению международного мира и безопасности. И вот с этим последним тезисом не согласна Индия. И не столько с самой сутью этого положения Договора, сколько с тем, что имеет место полная неясность, в каких условиях и в какой обстановке будет выполняться ядерными государствами процесс ядерного разоружения.

Индия, как представляется, справедливо отмечает, что Статья VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) накладывает на ядерные государства обязательства избавиться от их ядерных арсеналов. Невыполнение этого обязательства до настоящего времени и полная неясность на перспективу, по мнению Индии, лишает ядерные государства права требовать от неядерных государств присоединиться к ДВЗЯИ.

Оснований считать, что предусмотренные Статьей VI ДНЯО обязательства не выполняются, вполне достаточно. На сегодня ядерными государствами даже приблизительно не определены конкретные сроки полной ликвидации ядерного оружия. А в меморандуме НАТО эта цель вообще отрицается: “Ядерное оружие будет существовать бессрочно, чтобы выполнять свою жизненно важную роль в генеральной стратегии блока, так как только обычные вооружения не могут гарантировать предотвращение войны”. Ирония здесь заключается еще и в том, что те неядерные государства Западной Европы, которые позволяют размещать американские ядерные вооружения на своей территории, находятся в числе наиболее громогласных сторонников бессрочного и безусловного продления ДНЯО и наиболее яркими критиками позиции Индии.

В документе, представленном правительством Индии 27 мая 1998 года по поводу этого договора, говорится, что “неограниченное и безусловное присоединение к ДНЯО увековечивает наличие ядерного оружия у пяти стран, которые также являются постоянными членами Совета безопасности ООН. Некоторые из этих стран уже обладают доктринами, разрешающими использовать первыми ядерное оружие, эти страны также наращивают свои программы по модернизации своих ядерных арсеналов”.

Серьезную обеспокоенность Индии вызывает и то, что ДВЗЯИ не ставит надежный заслон исследовательской деятельности ядерной *пятерки*, в первую очередь США, по совершенствованию и разработке новых видов ядерного оружия. Рассчитывать же на то, что страны ядерной *пятерки* поделятся с Индией статистикой по лабораторным ядерным экспериментам (компьютерному моделированию) вряд ли реально.

Позиция Индии вызывает раздражение Соединенных Штатов. В то же время представители многих государств в контактах с индийскими руководителями уведомили их, что разногласия по Договору не отразятся на развитии их двусторонних связей с Индией. К этим государствам относится и Россия. Кроме того, следует отметить, что Индия не нарушала никаких международных обязательств. По этому поводу представитель МАГАТЭ заявил: “Индию нельзя обвинить в нарушении каких-либо обязательств не проводить такие испытания, поскольку республика их никогда не давала”.

Известная Канберрская комиссия со своей стороны обратила внимание на то, что попытки некоторых ядерных государств изолировать Индию не убедят ее подписать ДВЗЯИ и исключить возможность проведения ядерных испытаний. Здесь могли бы помочь, как отмечается в материалах Комиссии:

- твердое обязательство главного недруга - Пакистана - не развертывать (на основах взаимности) ракеты, угрожающие Индии;
- принятие ядерными государствами обязательств не применять первыми ядерного оружия;
- внедрение более совершенных методов контроля МАГАТЭ.

Трудно будет требовать от Индии изменения ее позиции в условиях, когда Россия и США - ведущие ядерные государства - по сути не

определили: какова же будет роль ядерного фактора в миропорядке следующего столетия. И на сегодня мировое сообщество в целом не представляет конкретные направления движения к безъядерному миру и как скоро человечество сможет подойти к этой заветной цели. Японская газета *Asahi* отмечает: “Нельзя отрицать того, что проведенные Индией ядерные испытания являются в какой-то степени расплатой за политику ядерных государств, которые, воздерживаясь от широкомасштабного ядерного разоружения, продолжают опираться на силу ядерного сдерживания”.

Некоторым критикам позиции Индии было бы не вредно вспомнить ситуацию, сложившуюся в свое время вокруг так называемого *плана Баруха*, и обратить внимание на определенное сходство той ситуации с сегодняшним днем. В 1946 году, являясь тогда монополистом в области использования атомной энергии, США внесли в один из комитетов ООН предложения, преследующие цель закрепить за США монопольное обладание атомным оружием, лишить другие страны, и в первую очередь СССР, их прав и возможностей использовать атомную энергию по своему усмотрению. План не предусматривал запрещение атомного оружия, которое тогда было только у Соединенных Штатов, и вместе с тем, через всеобъемлющую систему контроля за всеми предприятиями по добыче атомного сырья и производству атомных материалов и атомной энергии, создавались бы препятствия для деятельности других государств в рассматриваемой области. СССР был готов пойти на внедрение такого контроля при условии полного запрета ядерного оружия (в 1949 году *план Баруха* фактически был снят с повестки дня ООН).

В докладе Национальной академии наук США “Будущее США. Политика в области ядерных вооружений”, опубликованном летом 1997 года (как известно, этот доклад не был поддержан администрацией Соединенных Штатов, хотя и подписан крупнейшими американскими специалистами), отмечается, что ядерные государства не должны рассчитывать на то, что будет иметь место бессрочное поддержание режима ДНЯО в условиях, когда они объявляют ядерные вооружения необходимыми для обеспечения своей безопасности, одновременно отрицая право всех остальных государств на обладание ими.

При всей неоднозначности высказанных суждений аргументы в пользу ДВЗЯИ перевешивают те сомнения, которые имеются в отношении его целесообразности. Вот почему проведенные Индией в мае 1998 года ядерные испытания вызвали всеобщее осуждение, хотя степень критики была совершенно разной: от введения жестких экономических санкций со стороны США до относительно спокойных, с объяснением сути претензий, критических замечаний со стороны России. Более того, в официальном заявлении правительства Соединенных Штатов отмечается, что теперь Вашингтон будет пересматривать каждый аспект взаимоотношений с Индией.

Вопрос этот будет восприниматься проще, если не забывать, что запрет на ядерные взрывы не является конечным этапом в усилиях международного сообщества в области ограничения ядерных вооружений, а лишь назревшим и важным вкладом в укрепление мира и безопасности на глобальном уровне. Движение по этому пути должно быть и будет продолжено. Вместе с тем, вряд ли продуктивны требования одним скачком достичь безъядерного мира.

После проведения последней серии индийских ядерных испытаний положение, как представляется, изменилось: Индия уже подала сигнал о готовности *вернуться за стол переговоров*. В заявлении правительства страны по итогам проведения ядерных испытаний указывается: “Мы убедились в надежности национального потенциала создания ядерных систем сдерживания внешней угрозы для Индии. Путь для мобилизации общественного мнения в республике в пользу подписания ДВЗЯИ открыт”. Далее в этом заявлении отмечается: “Мы категорически заявляем, что будем осуществлять самый тщательный контроль за экспортом важнейших технологий, оборудования и материалов, особенно тех, которые используются при создании оружия массового уничтожения”.

Если вопрос собственно о присоединении к ДВЗЯИ, по мнению Индии, больше технический: страна заявляет о своих возможностях контролировать и даже совершенствовать ядерное оружие без ядерных испытаний (за счет проведения компьютерного моделирования и докритических экспериментов), то вопрос о присоединении к ДНЯО - политический. Здесь Индия будет поднимать вопрос о своем новом

статусе - статусе ядерного государства, и *основателям* ядерного клуба, если они захотят решить этот вопрос, придется искать компромисс, каким бы болезненным он ни был.

Индия стала ядерной державой - это реальность, которую нельзя отрицать. В августе 1998 года индийский парламент рассматривал предложения правительства страны по доктрине ядерного сдерживания. В этих предложениях предусматривается прежде всего готовность Индии отказаться от ядерного оружия в рамках всеобщего и полного ядерного разоружения. Индия гарантирует неприменение первой ядерного оружия, что в свою очередь исключает ядерную угрозу со стороны Индии для неядерных государств.

В том же 1998 году Индия объявила о готовности участвовать в переговорах на Конференции по разоружению в Женеве по выработке Договора о прекращении производства ядерных материалов, основная цель которого - запретить производство таких материалов для ядерного оружия.

Таким образом, позиция Индии в вопросах ядерного нераспространения полностью прояснилась не только на словах, но и на деле.

Выводы

Рассматривать Индию, как страну-парию, угрожающую глобальной стабильности в мире, нет оснований. Политика этой страны подтверждает приверженность всем принятым ею международным обязательствам.

В целом позиции Индии в области нераспространения и обеспечения национальной безопасности заслуживают самого внимательного изучения и не должны игнорироваться мировым сообществом. Без учета этих позиций трудно будет рассчитывать на решение задач ядерного и ракетного нераспространения. Проблемы нераспространения и контроля за вооружениями остаются в повестке дня на XXI век, но этот важный вопрос не должен выродиться в политику диктата высокоразвитых стран, не должен допускать дискриминационного подхода.

Список использованных источников и литературы

1. Ежегодник СИПРИ 1997. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Русское издание. М., Наука, 1997

2. МАГАТЭ *Бюллетень*, том 38, № 4, 1996, Вена, Австрия

3. *Ядерный Контроль* № 20-21, Август-Сентябрь 1994

4. *Ядерное Распространение*, выпуск 18, 1997

5. Россия: в поисках стратегии безопасности. Проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчества. РАН, Институт мировой экономики и международных отношений. М., Наука, 1996

6. *The RISK Report*, vol.1, № 1, January-February 1995

7. Заявление премьер-министра в парламенте Индии 27 мая 1998

8. *The Hindustan Times*, 5 August 1998

ОТ РЕДАКЦИИ

Индийский прецедент в сфере ядерного распространения представляется достойным того, чтобы оценить его более подробно. Это связано прежде всего с тем, что в долгосрочном плане развитие успешная военно-политическая реализация индийской ядерной программы является поводом не столько к каким-то действиям в отношении этого государства и тем более к каким-то угрозам, которые, будучи нереализованными, подорвут доверие к действенности системы нераспространения ОМУ и ядерного оружия, в частности, сколько к извлечению уроков. Ибо на примере индийской ядерной программы были в полной мере продемонстрированы пределы возможностей существующих договоренностей в сфере нераспространения ОМУ и пределы эффективности созданной в период *холодной войны* и несколько модифицированной после ее окончания системы экспортного контроля.

Говоря об Индии как о примере государства, осуществляющего активную политику по разработке собственного потенциала различных видов вооружения, в том числе и ядерного, надо иметь в виду три характерных момента:

Во-первых, ключевым фактором, обусловившим столь целенаправленную и многолетнюю политику Индии в сфере создания собственного ядерного оружия являлись, видимо, факторы, связанные с геополитическими уязвимостями этого государства. Фактор наличия многоуровневой и выраженной в военно-политической форме напряженности в Южно-азиатском регионе. В таких условиях, особенно учитывая, что в качестве активных игроков в данном военно-политическом балансе присутствует и ряд ядерных государств, и прежде всего - Китай,

индийское политическое руководство имело морально-политическое право рассматривать *ядерный выбор* в качестве легитимного варианта решения проблем безопасности. Задача мирового сообщества, однако, должна была заключаться в создании определенных условий, при которых *ядерный выбор* в качестве инструмента обеспечения безопасности был бы нецелесообразен и с политической, и с экономической, и с моральной точек зрения. Было крайне недальновидно надеяться на то, что прекращение и даже реверсирование индийской ядерной программы может быть достигнуто только попытками давления через механизмы, так или иначе связанные с обеспечением эффективности Договора о нераспространении ядерного оружия.

К тому же очевидно, что такого рода давление с точки зрения внешнеполитической практики является нелегитимным, поскольку ни одно государство не может быть принуждено вопреки собственным интересам, каким бы ущербным не было их понимание, вступать в какие-либо международные соглашения. Очевидно, что попытки *денуклеаризовать* ситуацию в Южной Азии были бессмысленны без существенных подвижек не только в индо-пакистанских отношениях, но и с точки зрения вовлечения Китая в процесс создания системы региональной безопасности и стабильности. Это демонстрирует еще и сложность решения проблем безопасности.

Во-вторых, программа Индии в сфере создания собственного ядерного оружия является примером возникновения и долголетнего существования политического консенсуса основных элитных и общественно-политических сил. Действительно, несмотря на то, что за последние тридцать лет, в течении которых Индия осуществляла уже на достаточно продвинутой фазе НИОКР в сфере создания собственного ядерного оружия, в стране сменилось несколько правительств, придерживавшихся различной ориентации, как во внутренней, так и во внешней политике. Значение *индийского прецедента* заключается в том, что в нынешний период, характеризующийся активным формированием *силовой многополярности* в глобальном масштабе, подобное единство настроений, которое проистекает из наличия некоего общественного консенсуса относительно основных направлений решения национальных проблем в сфере безопасности может стать довольно частым. И решить возникающие в этой связи проблемы, хотя

форсированная реализация военных ядерных программ все же представляется достаточно маловероятным явлением, только базируясь на формальных документах и имеющихся международных организациях - нельзя.

Наконец, **в-третьих**, нельзя не отметить, что активная политика Индии в сфере оборонных отраслей промышленности и в том числе даже ядерной программы дала определенный толчок ее развитию в целом как промышленной и технологически развитой державы. В этом смысле пример Индии демонстрирует существенную политико-экономическую дилемму: в то время как следование международным соглашениям в области качественного ограничения распространения различных видов вооружения приносит существенные политические дивиденды, практическая их реализация пока что - несмотря на формальные заявления развитых государств о том, что они готовы обеспечить развивающимся странам *равный доступ* к техническим и технологическим достижениям - консервирует второразрядный статус большинства второразрядных стран.

В то же время *нарушители* такого рода договоренностей, при том, что формально они не могут считаться таковыми, получают возможность, используя свою деятельность в сфере разработок ОМУ и развития собственной военной промышленности, осуществлять достаточно успешное и устойчивое технологическое строительство. К тому же, несмотря на обещание *есть траву* ради создания собственного ядерного оружия, пример Индии, Пакистана, а в еще большей степени - Израиля, показывает, что при правильной и долгосрочной постановке государственной политики в сфере разработок ядерного оружия и тем более менее политически чувствительных видов оружия, экономические последствия реализации таких программ не являются абсолютно разрушительными.

Надо также отметить, что Дели, пойдя на испытания ядерного оружия, фактически смог решить многие свои геополитические проблемы:

Во-первых, в индийско-китайских военно-политических отношениях появилась категория неприемлемого ущерба для Китая, которая раньше отсутствовала.

Во-вторых, в индийско-пакистанском военном балансе возникла ситуация начальной фазы ядерного сдерживания, которая во многом - при условии подкрепления ее некими военно-техническими мерами, например, созданием системы раннего предупреждения - которая качественно ограничила пределы эскалации военного конфликта, при том, что психологически важное количественное преимущество осталось все же за Дели.

В-третьих, был решен целый ряд внутривосточных проблем, в частности, индийское руководство смогло обеспечить повышение авторитета в целом политической сферы, которая последние годы пребывала в состоянии откровенного кризиса.

В-четвертых, при всей негативной реакции на проведение Индией ядерных испытаний, она смогла де-факто обеспечить восприятие себя в качестве абсолютно равного партнера со стороны великих держав, о чем, в частности, свидетельствует отсутствие каких-то практических шагов в наказание за проведение испытаний.

Пример международной реакции на ядерную программу Индии является во многом примером геополитической наивности. По сути дела мировое сообщество - если

рассматривать ситуацию с индийской ядерной программой в долгосрочном плане - не имело полноценной повестки дня для того, чтобы заставить Дели соблюдать ограничения ДНЯО. Не имеет мировое сообщество такой повестки дня и сейчас. Представляется, что было бы попросту наивно в ходе дальнейшей геополитической торговли пытаться заставить Индию отказаться от ядерного оружия, тем более, что с технической и технологической точки зрения - при условии сохранения Индией производственных возможностей в ядерном комплексе - это не будет иметь принципиального значения.

Речь должна скорее вестись о создании системы договоренностей многостороннего и двустороннего характера, при котором ядерное оружие Индии, Пакистана и Китая как бы выводилось за скобки существующего военно-политического баланса и оказалось бы лишено *потребительской стоимости*. Только после этого можно было бы начать продумывать различные, но обязательно политически мягкие и протяженные по времени варианты *денуклеаризации* региона. ■

Дмитрий Евстафьев
 Редактор-консультант
 журнала *Ядерный Контроль*

В августе - октябре вышли в свет и рассылаются подписчикам следующие периодические издания ПИР-Центра:

- *Научные Записки №8*. Иван Сафранчук. Иран: военно-технический потенциал и программы в области ОМУ. Российско-иранское сотрудничество и экспортный контроль (под ред. Дмитрия Евстафьева). Октябрь 1998. Цена 150 руб.
- *Химическое Оружие и Проблемы его Уничтожения №5*. Зима - Весна 1998. Цена 150 руб.
- *Ядерный Контроль №4*. Август - Сентябрь 1998. Цена 600 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей № 36*. Август 1998. В номере: «Перспективы Виктора Черномырдина и его правительства», «Сможет ли кредит МВФ спасти экономику России». Цена 400 руб. (включая доставку экспресс-почтой в любую точку мира или отправку по электронной почте)
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей № 37*. Сентябрь 1998. В номере: «Правительство Примакова: почему именно такой кабинет приходит к власти», «Какие изменения произойдут в банковской системе России». Цена 750 руб. (включая доставку экспресс-почтой в любую точку мира или отправку по электронной почте)
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей № 38*. Сентябрь 1998. В номере: «Как будет осуществляться военное планирование после кадровых перестановок», «Можно ли взять под контроль кризис в Дагестане и на Северном Кавказе в целом». Цена 750 руб. (включая доставку экспресс-почтой в любую точку мира или отправку по электронной почте)

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь - Октябрь 1998

Страницы истории**К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ КОНТРОЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ДНЯО
(ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)****Роланд Тимербаев****Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации (в отставке)**

Переговорам по контрольной статье Договора о нераспространении ядерного оружия (статья III), проходившим в 1966-1968 годах, предшествовала длительная проработка сложной проблемы контроля в ходе предварительных дискуссий об основных параметрах будущего договора.

В проекте договора о нераспространении ядерного оружия, внесенном США в августе 1965 года на рассмотрение Женевского комитета 18-ти государств по разоружению, не предусматривалось обязательного контроля. В проекте лишь предлагалось, чтобы участники договора обязались *“сотрудничать в содействии* (выделено мной - **Авт.**) применению контроля и гарантий Международного агентства по атомной энергии или *другого равноценного* (также выделено мной - **Авт.**) контроля и гарантий в отношении всей деятельности в области мирного использования атомной энергии”¹. При этом не уточнялось, будет ли применяться контроль к ядерным или только к неядерным государствам. Внесенные США в марте 1966 года поправки к своему проекту договора не касались статьи о контроле, которая сохранялась в первоначальном виде.

Необязательные гарантии были включены американцами в текст ввиду настойчивых пожеланий союзников США по НАТО, в частности Англии и Италии, но это вызвало резкие возражения со стороны Комиссии США по атомной энергии, которая настаивала на обязательных гарантиях². Позиция КАЭ была поддержана и в американском конгрессе. Председатель Объединенного комитета конгресса по атомной энергии сенатор Джон Пасторе, касаясь статьи III американского проекта, заявил, что *он не примет необязывающую формулировку*³.

Первоначальный советский проект договора от 24 сентября 1965 года вообще не содержал положений о контроле, хотя к этому времени Советский Союз уже поддерживал систему гарантий МАГАТЭ и принимал активное участие в ее разработке и усовершенствовании. Система гарантий

Агентства INFCIRC/66 была окончательно единодушно при полной поддержке СССР принята Генеральной Конференцией МАГАТЭ в Токио в 1965 году.

Но в марте 1966 года Советский Союз выступил в поддержку использования гарантий Агентства для контроля за соблюдением договора о нераспространении неядерными государствами. 3 марта представитель СССР С.К. Царапкин заявил в Комитете 18-ти: “Некоторые представители неприсоединившихся государств [...] ставили вопрос о том, что, возможно, целесообразно было бы, чтобы для выполнения неядерными государствами договора о нераспространении ядерного оружия использовались контрольные меры (гарантии), разработанные Международным агентством по атомной энергии. В связи с этим вопросом мы хотели бы заявить, что Советский Союз был бы готов рассмотреть эту проблему [...]. Если бы мы смогли договориться в ближайшее время по [...] главным принципиальным вопросам (имелись в виду статьи I и II - **Авт.**), то, на наш взгляд, не представило бы особых трудностей урегулировать все другие проблемы”⁴.

Только 28 июля 1966 года заместитель Фостера Адриан Фишер объявил в комитете, что США выступают за то, чтобы государства, не обладающие ядерным оружием, *обязались* принять гарантии МАГАТЭ или *равноценные* гарантии. Спустя месяц Фостер информировал Раска, что позиция США поддерживается американскими союзниками по НАТО, представленными в Комитете 18-ти⁵. Однако США так и не внесли соответствующего изменения в свой проект договора. Не сделал этого тогда и Советский Союз.

В процессе дальнейшего развития вопроса о контроле в связи с договором о нераспространении в сентябре 1966 года между Гленном Сиборгом и руководителем делегации СССР на сессии Генеральной Конференции МАГАТЭ И.Д. Мороховым (зам. министра среднего машиностроения) состоялась беседа, в ходе которой, как следует

из дневниковых записей Сиборга, Морохов заявил, что “главной озабоченностью СССР является Западная Германия и что, если Соединенные Штаты смогут убедить Западную Германию поставить свои энергетические реакторы под гарантии МАГАТЭ, то тогда Советский Союз обеспечит, чтобы восточноевропейские страны поступили таким же образом [...]”. Морохов далее сказал, что “предотвращение распространения потребует более жестких гарантий, чем те, которые МАГАТЭ имеет сейчас”. В декабре 1966 года Сиборг информировал Раска, что у него сложилось “твердое впечатление, что Советы примут обязательные гарантии (по ДНЯО), если не потребуются применения гарантий в отношении какой-либо деятельности в пределах СССР и если (в договоре) не останется положение о гарантиях *Евратома* в качестве равноценных гарантиям МАГАТЭ”⁶.

После того, как обе державы приняли принцип обязательности гарантий МАГАТЭ для неядерных государств, основным камнем преткновения на переговорах стало требование США и стран *Евратома* о применении для контроля за соблюдением договора на территории этих стран только гарантий *Евратома*.

При создании этой региональной организации по Римскому договору 1957 года страны-члены *Евратома* (тогда их было шесть - Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ) установили, что контроль за ядерной деятельностью будет осуществляться на замкнутой основе, без привлечения иностранных инспекторов, дабы избежать промышленного и иного шпионажа. Они высказывались против гарантий МАГАТЭ. Как свидетельствует Сиборг, верховный комиссар Франции по атомной энергии Франсис Перрен в разговоре с ним в ноябре 1964 года прямо сказал, что французы возражают против гарантий МАГАТЭ главным образом по той причине, что могут появиться инспекторы из *такой страны, как Россия*⁷.

До 1957 года, когда вступило в силу соглашение о *Евратома*, США осуществляли гарантии в Западной Европе на двусторонней основе. К этому времени было создано Международное агентство по атомной энергии, которое приступило к разработке своей международной системы гарантий. Страны *Евратома* настояли, однако, на применении у себя своей собственной системы

гарантий, и в 1958 году между США и *Евратома* было заключено соглашение о поставках обогащенного урана для западноевропейской атомной энергетики без привлечения гарантий МАГАТЭ. В соглашении США/*Евратома* 1958 года о сотрудничестве, вступившем в силу в 1959 году, содержалась весьма слабая формулировка о том, что *Евратома* “готов консультироваться и обмениваться опытом с Международным агентством по атомной энергии с целью создания системы гарантий и контроля, разумно совместимой с системой Международного агентства по атомной энергии” (статья XII этого соглашения).

КАЭ США и Объединенный комитет Конгресса по атомной энергии, пишет Сиборг, с *неудовольствием* согласилась на это, опасаясь *подрыва* МАГАТЭ, где Соединенные Штаты имели преобладающее влияние, но уступили настояниям госдепартамента, заботившегося больше всего об *интересах европейского единства*⁸. В пользу гарантий Агентства были также англичане (тогда еще не входившие в *Евратома*) и канадцы. Но, как отмечал американский участник переговоров по ДНЯО Джордж Банн, “администрация Эйзенхауэра предпочитала образование западноевропейского регионального ядерного агентства - *Евратома* созданию МАГАТЭ”. *Евратома* представлял бы собой краеугольный камень грандиозного плана Эйзенхауэра по созданию Соединенных Штатов Европы⁹.

Именно на этом основании Соединенные Штаты с самого начала переговоров о нераспространении ядерного оружия уже в своем первом проекте договора от 17 августа 1965 года предлагали, чтобы для контроля за его выполнением применялись гарантии Агентства *или равноценные (equivalent) международные гарантии* (читай - гарантии *Евратома*).

Следует напомнить, что практически с самого начала переговоров о создании *Евратома* советское руководство развернуло широкую политико-дипломатическую кампанию против образования этой узкой группировки, усматривая в ней опасность для интересов Советского Союза в Европе.

Уже 12 июля 1956 года Советское правительство выступило с Заявлением об общеевропейском сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, в котором, в частности, говорилось:

“[...] В последнее время в некоторых западноевропейских государствах делаются определенные попытки использовать понятные стремления народов к развитию международного сотрудничества в области применения атомной энергии для создания и в этой области замкнутой группировки нескольких государств, что не может не помешать широкому сотрудничеству в этой области на общеевропейской основе. Именно такая группировка предусматривается планами создания так называемого *Евратома*, атомного объединения шести западноевропейских стран - Франции, Федеративной Республики Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга [...].

Нельзя не видеть, что создание такой организации в условиях, когда ряд государств Западной Европы входит в состав замкнутых военных блоков, противостоящих другим европейским государствам, повело бы к тому, что деятельность *Евратома* была бы подчинена военно-стратегическим целям этих блоков [...]. Следует также отметить и то обстоятельство, что создание *Евратома* привело бы на деле к снятию всяких ограничений в области производства атомной энергии, которые предусматриваются в настоящее время в отношении Западной Германии¹⁰. Это позволило бы реваншистским западногерманским кругам организовать у себя производство атомного оружия, что создало бы серьезную угрозу для дела мира в Европе”.

Советский Союз предложил созвать конференцию стран Европы для обсуждения вопроса о создании “общеевропейской региональной организации по мирному использованию атомной энергии”. Текст заявления был направлен всем европейским государствам и США¹¹. Положительного отклика оно, однако, не получило.

В 1957 году Советский Союз предпринимает еще один демарш в отношении *Евратома*. 16 марта было обнародовано Заявление министерства иностранных дел СССР о планах создания *Евратома* и *Общего рынка*, в котором утверждалось, что “вся деятельность *Евратома* и *Общего рынка* будет подчинена целям НАТО, агрессивный характер которых хорошо известен”. И далее: “[...] Не приходится сомневаться в том, что реваншистские круги Западной Германии не преминут использовать *Евратом* для накопления атомных материалов и сырья с тем, чтобы побыстрее приступить к

изготовлению собственного ядерного оружия [...]. В этой связи необходимо, однако, вновь напомнить, что оснащение западногерманской армии ядерным оружием будет чревато серьезными последствиями прежде всего для населения самой Западной Германии, которое может оказаться объектом ответного атомного удара”.

Для того чтобы упредить опасную перспективу образования узкой западноевропейской атомной организации с лидерством в ней ФРГ, Советским Союзом было сделано предложение о создании научно-исследовательского института или институтов по атомной энергии на общеевропейской основе и о сотрудничестве в создании предприятий по производству атомной энергии в промышленных и научно-исследовательских целях, включая вопросы, связанные с обеспечением этих предприятий сырьем¹². В Москве сознавали, что это предложение не имеет больших шансов на успех, но все же стремились сделать все возможное, чтобы не допустить создание *Евратома*. Западные страны тем не менее форсировали образование своей атомной организации, и 25 марта 1957 года Римский договор о *Евратоме* был подписан, а 1 января 1958 года вступил в силу.

В ходе двусторонних советско-американских переговоров по ДНЯО, начавшихся в Нью-Йорке осенью 1966 года, в центре внимания были статьи I и II, в которых содержатся основные обязательства ядерных и неядерных государств по нераспространению. Но уже тогда представители США вновь затронули свое предложение о применении *равноценных* гарантий. Представители СССР квалифицировали это как попытку применить принцип *самоконтроля* к германским атомным реакторам, как и к реакторам других стран *Евратома*.

К концу нью-йоркского раунда двусторонних переговоров стороны обменялись текстами основных положений об обязательствах по контролю для включения в статью III. Советская сторона предложила 17 ноября 1966 года следующий текст: “Каждое из государств-участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии Международного агентства по атомной энергии в отношении всей своей деятельности по мирному использованию атомной энергии”¹³.

Американцы, со своей стороны, предложили следующий вариант: “Каждое из государств-участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять эффективные международные гарантии в отношении всей своей деятельности по мирному использованию ядерной энергии”¹⁴.

Хотя обе стороны, таким образом, согласовали принцип обязательности контроля, уже их первоначальные проекты выявили серьезные разногласия между ними, поскольку Соединенные Штаты продолжали вести дело к тому, чтобы для контроля не обязательно использовались гарантии МАГАТЭ.

Между тем, в своем докладе президенту от 29 декабря 1966 года Фостер сообщил, что его личное мнение состоит в том, что соблюдение договора должно инспектироваться МАГАТЭ. “Такова цель США, продолжал Фостер, о которой публично заявил председатель КАЭ Сиборг и которая имеет сильную поддержку в сенате. Процедуры гарантий *Евратома*, хотя, по нашему мнению, и являются надежными, неприемлемы для Советов, поскольку они в сущности представляли бы собой инспекцию наших союзников самими нашими союзниками. Я считаю, что мы должны приложить решительные усилия, чтобы убедить союзников принять гарантии МАГАТЭ и, если добьемся успеха, то это было бы приемлемо для Советского Союза, и я считаю, что такой исход получил бы сильную поддержку в сенате”¹⁵.

Из-за проблемы МАГАТЭ/*Евратом* согласование статьи III заняло свыше одного года.

Как сопредседатели Комитета 18-ти государств по разоружению, делегации СССР и США продолжили переговоры по этой статье после возобновления комитетом своих заседаний в Женеве в феврале 1967 года. В советскую группу входили представитель СССР в комитете А.А. Роцин, а также Р.М. Тимербаев, В.В. Шустов, М.В. Антясов и другие сотрудники делегации, в американскую - представитель США Уильям Фостер, а также Джордж Банн и Калвер Глайстин.

Нужно заметить, что в связи с возникшим тупиком по статье III американцы сами стали, причем даже публично, высказывать озабоченность сложившейся ситуацией, и 10 февраля 1967 года госсекретарь Дин Раск, отвечая на вопрос по поводу контроля, заявил

в телевизионном интервью: “Это трудный вопрос, потому что если договор о нераспространении станет всеобъемлющим и охватит весь мир, то многие государства, подписавшие его, возможно, будут не очень довольны тем, что станут применяться гарантии *Евратома*, принятые на внутренней основе. Более того, могут образоваться другие группировки государств в разных районах мира, которые могут пожелать образовать небольшие *семейные* группы стран, инспектирующие сами себя и отклоняющие попытки внешнего контроля на том основании, что каждая региональная группа вправе иметь свою собственную инспекцию [...]. Я никак не сомневаюсь в том, что гарантии *Евратома* обеспечат отсутствие злоупотреблений в отношении деятельности *Евратома*. У меня самого проблем в этом смысле не возникает. Проблема в том, как убедить в этом 120 других государств. Мы пока еще не нашли ответа на этот вопрос”¹⁶.

Одновременно Соединенные Штаты, как, во всяком случае, утверждали в Западной Европе, стали задерживать отгрузку ядерного топлива для западногерманских АЭС, без которого они просто могли бы остановиться.

Заявления и действия США вызвали явное неудовольствие стран *Евратома*, которые отреагировали в том духе, что американский подход представляет угрозу продвижению к европейскому единству и нарушает соглашение о сотрудничестве между США и европейским сообществом¹⁷.

В этой обстановке, столкнувшись и с возражениями *Евратома* во главе с ФРГ, и с твердой позицией СССР, и сам испытывая колебания, Вашингтон решил рекомендовать странам *Евратома* принять гарантии МАГАТЭ без положения о *равноценных* гарантиях, но пока не стал настаивать на обязательных гарантиях, чтобы не *перегрузить лодку*. Вместо этого была предложена формула о принятии членами *Евратома* гарантий МАГАТЭ *как можно скорее*, то есть без установления какого-либо конкретного срока¹⁸. В Западную Европу для продвижения предложений США зачастили американские, а также английские представители, в том числе вице-президент США Хуберт Хэмфри, Уильям Фостер, лорд Чалфонт.

Из бесед, которые велись советскими представителями в Женеве с находившимися там эмиссарами ФРГ, в частности с

Шниппенкеттером, складывалось впечатление, что дело не только в том, что немцы, как и некоторые другие западные страны, хотели утвердить приоритетную роль *Евратома* в области контроля, но и в том, что вопрос этот вообще использовался ими для противодействия заключению договора. Ведь, в конце концов, и в самом Международном агентстве по атомной энергии США и их союзники с самого начала играли ведущую роль.

Позиция ФРГ по контролю была следующим образом сформулирована Шниппенкеттером на заседании западногерманского межведомственного комитета в феврале 1967 года:

- Исключить статью о контроле.
- Если этого избежать нельзя, то контроль должен применяться повсеместно посредством (а) привязки его к фактической цели договора и (б) недопущения дискриминации между ядерными и неядерными государствами, то есть одинаковый контроль должен быть распространен на весь гражданский ядерный сектор.
- Перманентное обеспечение интересов *Евратома*.
- В том, что касается процедур контроля, то по возможности меньше инспекций; вместо них современные автоматические контрольные приборы в ключевых местах ядерного топливного цикла¹⁹.

Следует отметить, что тем временем в Комитете 18-ти, где продолжалось обсуждение проблемы нераспространения, многие представители, в частности Швеции (Альва Мюрдаль) и Египта (Халаф), подчеркивали важность обязательного и недискриминационного контроля. Так, Мюрдаль заявила, что наилучшим решением было бы “применение *единой* системы гарантий к (ядерной) деятельности во *всех* странах”, а Халаф сказал, что договор должен четко требовать *обязательных и единообразных* гарантий МАГАТЭ во всех неядерных странах и что контрольная система должна охватывать передачи ядерных материалов и “всю ядерную деятельность, прошлую и настоящую”. Советский представитель Рошин поддержал мнение Халафа, заявив, что оно заслуживает “самого серьезного внимания” и что это мнение вряд ли может быть оспорено.

Возражения против принципа *самоконтроля* в странах *Евратома* высказала и Япония, что - отмечал Сиборг - “усилило разногласия между союзниками”²⁰. Как указывал в меморандуме на имя помощника президента США по национальной безопасности Макджорджа Банди ответственный сотрудник *Белого Дома* Сперджен Кини, “Советы занимают сильную позицию, поскольку международный контроль *Евратомом* стран *Евратома* явно является самоконтролем. Более того, самоконтроль *Евратома* противоречил бы нашим собственным интересам, поскольку он бы подтолкнул к установлению подобных же процедур контроля для *Соватома*, *Арабатома* и т.д.”²¹ Между тем, не дожидаясь официального отклонения союзниками приведенного выше предложения США по статье III (которое не устраивало ни, с одной стороны, ФРГ, ни, с другой - влиятельные вашингтонские круги, в том числе в конгрессе), американцы подготовили еще один вариант.

24 марта в конфиденциальной беседе с Рошиным Фостер сказал, что “его весьма беспокоит вопрос о согласовании с союзниками США статьи о контроле [...] за соблюдением договора. Консультации, которые он провел в Бонне, Риме, Гааге и Брюсселе, показали, что правительства стран *Евратома* и сам аппарат *Евратома* упорно возражают против замены системы контроля *Евратома* за мирным использованием ядерной энергии системой контроля МАГАТЭ. К этим трудностям, продолжал он, прибавилось и то, что Советский Союз отклоняет предложение о переходном периоде от системы *Евратома* к системе МАГАТЭ. Все это, по мнению Фостера, может повлечь за собой затягивание согласования текста договора как между самими западными странами, так и между западными и социалистическими государствами”. Фостер передал советскому представителю новый вариант статьи III, в котором, в частности, предлагалось: “2. После вступления настоящего договора в силу каждое из государств-участников настоящего договора, не обладающих ядерным оружием, которое проводит деятельность, подпадающую под какую-либо из систем международных гарантий, помимо системы Международного агентства по атомной энергии, обязуется содействовать в проверке данным Агентством эффективности системы международных гарантий, применяемых к такой деятельности.

3. Как только это станет практически осуществимым, но не позднее чем через три года со времени вступления в силу настоящего договора, международными гарантиями по настоящей статье будут либо гарантии МАГАТЭ, либо такие другие международные гарантии, в целом соответствующие этому, какие приняты МАГАТЭ с процедурой проверки, взаимно согласованной властями МАГАТЭ и властями другой заинтересованной системы международных гарантий.

4. Во всяком случае, если соглашение о средствах проверки Международным агентством по атомной энергии другой системы международных гарантий, как это предусмотрено в настоящей статье, не достигнуто в течение трех лет со времени вступления в силу настоящего договора, применяются гарантии МАГАТЭ²².

31 марта 1967 года США предложили западноевропейцам такой вариант. Но и этот вариант был отклонен коалиционным правительством ФРГ, хотя министр иностранных дел Брандт и был настроен к нему благосклонно²³.

Отношение советской стороны к новому американскому предложению видно из аналитического материала, подготовленного в Отделе международных организаций МИД СССР в апреле 1967 года, в котором советская позиция суммировалась следующим образом:

“В вопросе о контроле советская делегация исходила из того, что такой контроль мог бы осуществляться МАГАТЭ и что такой контроль должен быть введен немедленно”²⁴.

В Москве с советской стороны делались представления посольству ФРГ относительно необходимости решения проблемы контроля на основе гарантий МАГАТЭ: 23 марта А.А.Громыко специально поднимал этот вопрос перед послом, 17 апреля зам. министра В.С. Семенов - перед германским советником-посланником.

Согласование статьи III затягивалось. Совет НАТО многократно рассматривал в апреле-мае положения о гарантиях, но безрезультатно. Без этой статьи ФРГ и Италия возражали против внесения на рассмотрение Комитета 18-ти, который практически простаивал с февраля месяца, уже согласованного между сопредседателями

текста других статей договора, включая статьи I и II.

Хотя переговоры *пробуксовывали*, между советской и американской делегациями установились неплохие рабочие контакты, в том числе на уровне заместителей и советников делегаций, в ходе которых они обменялись мнениями на основе *ad referendum*. В мае-июне Банн и Глайстин вместе с Тимербаевым и Шустовым неоднократно имели неофициальные рабочие беседы, стремясь найти выход из создавшегося тупика. Обе делегации вели напряженную внутреннюю проработку различных вариантов, естественно, постоянно советуясь со своими столицами и согласовывая с ними свои шаги.

В конце апреля на семидесятилетии Уильяма Фостера в женевском отеле *de Berg* Банн и другие сотрудники делегации США подарили ему морской фонарь, давая понять, что пора дать зеленый свет решению вопроса о контроле и что такое решение находится в пределах видимости. Фостер намекнул присутствовавшим советским представителям о возможности решения на такой основе, которая устраивала бы тех, кто настаивает на гарантиях МАГАТЭ, и в то же время давала бы какую-то сатисфакцию и странам *Евратома*. “Помогите нам найти взаимоприемлемую формулировку, которая могла бы удовлетворить и вас, и нас, и страны *Евратома*,” - обратился к советской делегации Фостер²⁵.

В советской делегации в ходе внутренних обсуждений различных вариантов Антясов высказал мысль о возможности использования прецедента договора Тлателолко о безъядерной зоне в Латинской Америке, 13-ая статья которого предусматривала заключение странами-участницами зоны *многостороннего или двустороннего соглашения* о применении гарантий МАГАТЭ. Эта статья латиноамериканского договора основывается на Уставе МАГАТЭ, в котором предусматривается применение гарантий как по односторонним, так и по многосторонним соглашениям (статья III.A.5) Возможность договоренности на этой основе казалась достижимой, и поэтому делегация решила испытать такой вариант для снятия проблемы *Евратома*.

Вскоре Банн и Глайстин с Тимербаевым и Шустовым совершили плавание на катамаране по Женевскому озеру, а также *прогулку в горах*

- поездку по зубчато-рельсовой дороге в горы из горного местечка Ко (Caux), что над Монтре, в Роше де Нэ (Roche de Naye). В вагончике поднимавшегося на скалистую вершину горы поезда обсуждались возможности выхода из тупика по статье III.

Предоставим теперь слово Джорджу Банну, который в своей монографии "Контроль над вооружениями. Согласование в комитетах" довольно точно описал состоявшийся разговор: "Тимербаев, конечно, знал, что Устав МАГАТЭ уполномочивает распространять, "по требованию сторон, применение гарантий на любые двусторонние или *многосторонние* соглашения" между государствами²⁶. Он понимал и то, что соглашение между МАГАТЭ и *Евратомом* может рассматриваться как многостороннее соглашение, и МАГАТЭ уполномочено применить гарантии к такому соглашению. Он видел смысл в том, чтобы отложить на время спор о том, сколь значительную ответственность МАГАТЭ будет нести в странах *Евратома*. Когда мы любовались окрестностями из окна вагончика зубчато-рельсовой дороги, он предложил, чтобы в договоре предусматривалось заключение *соглашения о соглашениях*, при условии, что нормы и персонал МАГАТЭ будут в достаточной степени использоваться на более поздней стадии. Он предложил, чтобы положение о гарантиях позволяло неядерным государствам вести переговоры с МАГАТЭ *либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами*. Если понимать формулу *с другими государствами*, как означающую страны *Евратома*, которые вели бы переговоры (с МАГАТЭ) через *Евратом*, то это в значительной мере удовлетворяло бы предложение, выдвинутое Соединенными Штатами.

Появилась благоприятная возможность, к которой мы стремились. Это была основа формулы, которая могла бы решить проблему гарантий и была бы приемлема для ФРГ и других стран *Евратома* [...]. Чувствуя, что есть база для сделки, я доложил о состоявшемся разговоре Фостеру и в Вашингтон²⁷.

К сказанному Банном следует добавить, что с советской стороны внимание американцев было обращено на то, что предлагаемое решение было бы основано на уже существующем прецеденте, при том исходящем как бы из нейтрального источника - из текста договора Тлателолко о безъядерной

зоне в Латинской Америке, разработанного латиноамериканскими странами и уже подписанного.

Советский Союз при работе над статьей III с самого начала исходил из того, что фундаментальной основой контроля может и должно быть использование международной системы гарантий Агентства - и только Агентства. Проблема состояла в том, как подключить к этой системе *Евратом*, сделав его гарантии как бы подотчетными, подчиненными гарантиям МАГАТЭ. И это оказалось возможным благодаря настойчивым усилиям советской дипломатии, а также совместным дипломатическим усилиям обеих договаривающихся сторон, включая США, которые тоже искали выход из тупика.

Следует отметить творческий дух, который царил в обеих делегациях. Руководители делегаций поощряли инициативы своих сотрудников, обе столицы внимательно и благосклонно следили за действиями делегаций. Советской делегации в Женеве было известно, что Громыко лично внимательно знакомился с шифртелеграммами из Женевы и вмешивался в процесс переговоров только в крайних случаях, чаще всего полагаясь на те предложения, которые поступали от делегации. Громыко придавал особое значение заключению ДНЯО. Позднее он говорил своему сыну Анатолию: "На фоне гонки вооружений с обеих сторон договор 1968 года (о нераспространении) был особенно важен. Он показал, что с США и Англией, двумя столпами НАТО, мы можем решить важную проблему. После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом. Очень был рад достижению этого соглашения Брежнев, да и все советское руководство"²⁸.

Следует отметить, что предложенная советской стороной идея заключения многостороннего соглашения между *Евратомом* и МАГАТЭ вызвала интерес у США не только потому, что она давала выход из тупика по контролю, но и потому, что такой подход имел важное практическое значение, поскольку *Евратом коллективно* владел ядерными материалами и имел ряд совместных атомных предприятий²⁹.

В итоге длительных переговоров по третьей статье окончательное решение было принято в полном соответствии с Уставом Агентства, предусматривающим применение гарантий и к

односторонним, и к многосторонним соглашениям. Немалую роль в достижении такой договоренности сыграли и неприсоединившиеся члены Комитета 18-ти, проводившие линию на установление единообразного и недискриминационного контроля, исключавшего создание привилегированного положения для отдельных участников договора и создания условий *самоконтроля* для них. В окончательном виде соответствующее положение статьи III гласило: “4. Государства-участники Договора, не обладающие ядерным оружием, заключают соглашения с Международным агентством по атомной энергии с целью выполнения требований настоящей статьи *либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами* (выделено мной - Авт.) в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии”.

Далее в этом пункте следовало изложение обязательств участников договора по срокам заключения соглашений с МАГАТЭ, причем эти сроки были сокращены с трех лет, как первоначально предлагали некоторые западные страны, до 18 месяцев.

Известная французская журналистка Женевьева Табуи так охарактеризовала суть и значение выработанной формулировки по статье III.4: “В политической битве, длившейся месяцы, верх одержал Советский Союз. Контроль будет осуществлять Международное агентство по атомной энергии в Вене. Единственная уступка Бонну, которая была сделана ради формы, заключается в том, что венское агентство сможет поручить, скажем, *Евратому*, провести ту или иную инспекцию, ответственность за которую, однако, будет нести оно само”³⁰.

Поскольку согласование этого и остальных пунктов статьи III затягивалось, обе стороны договорились представить 24 августа на рассмотрение Комитета 18-ти разработанный к тому времени проект договора без статьи о контроле - в виде отдельных, но идентичных текстов³¹.

Статья III не была включена в тексты от 24 августа, для нее было оставлено место с короткой припиской: *Международный контроль*. Рекомендация в пользу такого решения, то есть внесения проекта договора пока без статьи о контроле, была представлена Раском президенту Джонсону еще 16 мая. Правительство ФРГ возражало против этого,

считая, что может быть нанесен ущерб интересам *Евратома*, но в конце согласилось³². Джонсон предложил такое решение на встрече с А.Н. Косыгиным в Гласборо (шт. Нью-Джерси) 25 июня, мотивировав свое предложение тем, что проблема гарантий - это предмет спора не между СССР и США, а между странами *Евратома* и другими государствами³³.

После внесения 24 августа проекта договора в комитет 18-ти переговоры по содержанию статьи III продолжались на уровне советников *ad referendum* еще месяц и были доложены главам делегаций в сентябре. Они были по договоренности между делегациями направлены в столицы на утверждение как *проект Роцина* - в Вашингтон и как *проект Фостера* - в Москву.

Согласованный по инициативе советской стороны и на основе ее предложений проект статьи III в начале сентября был передан американским союзникам по НАТО в качестве *компромиссного проекта Роцина*. Фостер считал *крайне важным* соблюдать конфиденциальность в контактах с союзниками в отношении того, что делегация США участвовала в подготовке этого проекта³⁴.

Как свидетельствует Джордж Банн, при обсуждении этого проекта в НАТО некоторые союзники США не были в восторге от того, что гарантиям МАГАТЭ отводилось такое значительное место, в то время как ссылка на *другие* гарантии, то есть гарантии *Евратома*, отсутствовала. Они также высказали возражения против того, что проект предусматривал гарантии не только в отношении ядерных материалов, но и установок³⁵. Последовали интенсивные консультации на различных уровнях, в том числе и на высоком - Громько - Раск, Раск - Брандт. Западные немцы продолжали добиваться ослабления обязательств в отношении гарантий МАГАТЭ. Они считали, что *советский проект* является *значительным шагом назад*³⁶. Как сообщал госдепартаменту 2 ноября посол США в Бонне Макги, в Западной Германии усиливается оппозиция договору³⁷. Однако Англия, Канада, страны *Бенилюкс'а* выступали за более определенное признание приоритета гарантий Агентства перед гарантиями *Евратома*.

После консультаций с союзниками США предложили 2 ноября новый вариант статьи, в первом пункте которого было несколько

перефразировано его начало. Если ранее рассматривалась формулировка, в соответствии с которой неядерные участники договора принимают гарантии МАГАТЭ, как они будут изложены в соглашении, заключаемом с Агентством, то теперь предлагалось сказать, что неядерные страны принимают гарантии, о которых будут вестись переговоры и будет заключено соглашение с МАГАТЭ в соответствии с его Уставом и системой гарантий Агентства, то есть упор делался на проведение переговоров и заключение соглашений с МАГАТЭ. Тем самым несколько менялся акцент, хотя суть дела по большому счету оставалась прежней. Советская сторона заявила, что она предпочитает первоначальный вариант и в течение некоторого времени настаивала на его принятии с тем, чтобы побудить Соединенные Штаты проявлять большую настойчивость в их переговорах с ФРГ по контрольной статье договора.

Кроме того, новый американский текст не говорил о применении гарантий к ядерным установкам, но сохранялось их применение ко всей ядерной деятельности неядерных государств и к исходному или специальному расщепляющемуся материалу, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Формула в пункте 4 о заключении соглашений с Агентством в индивидуальном порядке или совместно с другими государствами также сохранялась. Советская делегация возражала против исключения из-под контроля атомных установок, но в конце концов, согласилась, поскольку на практике применение гарантий ко всей ядерной деятельности влекло бы за собой осуществлению контроля и на установках, на которых находятся ядерные материалы.

Переговоры по статье III и другим положениям договора продолжались непрерывно вплоть до Рождества 1967 года. В декабре американцы пустили в ход *тяжелую артиллерию* - президент Джонсон направил конфиденциальное послание канцлеру ФРГ Кизингеру с настойчивым призывом принять статью о контроле³⁸. Он также затронул вопрос о проекте договора в своем послании о положении страны 17 января 1968 года.

В конце концов статья III была окончательно согласована, и 18 января полный текст проекта

договора был внесен делегациями СССР и США на рассмотрение Комитета 18-ти³⁹.

В связи с внесением на рассмотрение комитета полного текста договора Линдон Джонсон 22 января передал А.Н. Косыгину через посла в Москве Луэллина Томпсона устное послание, в котором говорилось, что это “обнадеживающее свидетельство того, что мы можем преодолевать разногласия по вопросу, жизненно важному для сохранения мира”. Косыгин сказал послу, как докладывал Томпсон, что он также удовлетворен достигнутым прогрессом. Советская сторона делала все возможное для ускорения решения остающихся вопросов и считала, что договор о нераспространении должен быть подписан как можно скорее. Таким образом, добавил советский премьер, в этом вопросе взгляды США и СССР совпадают⁴⁰.

Хотя по многим положениям проекта договора еще предстояли длительные и трудные переговоры и с американскими союзниками по НАТО, и с неприсоединившимися странами-членами комитета и некоторые из статей подверглись изменениям и дополнениям, появились и новые статьи, но текст статьи III остался в изначальном виде, согласованном между Советским Союзом и США и внесенном 18 января. Первый ее пункт гласит:

“1. Каждое из государств-участников Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии, как они изложены в соглашении, о котором будут вестись переговоры и которое будет заключено с Международным агентством по атомной энергии в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии и системой гарантий Агентства, исключительно с целью проверки его обязательств, принятых в соответствии с настоящим Договором, с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Процедуры гарантий, требуемых настоящей статьей, осуществляются в отношении исходного или специального расщепляющегося материала, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Гарантии, требуемые настоящей статьей, применяются ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории

такого государства, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было.”

Смысл формулировки о *мирной* ядерной деятельности состоял в том, что неядерные государства по определению не должны были заниматься военной ядерной деятельностью, хотя договор, в отличие от Устава МАГАТЭ, не запрещает использование ядерной энергии для военных целей, не связанных с ядерными взрывами, например, для подводных лодок или надводных военных кораблей, приводимых в движение атомными реакторами. Впрочем, на практике после заключения ДНЯО таким правом ни одно неядерное государство пока не воспользовалось.

Второй пункт статьи о контроле имеет следующую формулировку:

“2. Каждое из государств-участников Договора обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей”.

Этот пункт, который в принципе был обговорен между советской и американской сторонами еще в Нью-Йорке в конце 1966 года, налагает обязательства на всех участников договора, ядерных и неядерных. При этом данный пункт относится к экспорту материалов и оборудования в *любую* неядерную страну, независимо от того, является она участником договора или нет. Как отмечал участник переговоров по статье III М.В. Антясов, “такое положение бесспорно правильно, иначе страны-неучастницы договора оказались бы в привилегированном положении. Требование, чтобы неядерные страны-импортеры приняли гарантии на поставляемый им материал, объективно способствует распространению гарантий МАГАТЭ даже и на те страны, которые не являются участниками договора [...]”⁴¹.

При практическом осуществлении пункта 2 статьи III важно иметь единообразное

понимание того, какое именно оборудование и ядерный материал следует рассматривать как требующие применения гарантий в стране-получателе. В договоре не раскрываются эти понятия, поскольку составление соответствующего списка материалов и оборудования могло бы надолго затянуть разработку и согласование всей статьи III, а следовательно, и заключение договора. Эта работа была выполнена позднее - в начале семидесятых годов в так называемом комитете Цангера⁴², который постоянно - и по сей день - проводит уточнение и расширение такого списка, известного как *Исходный список* (Trigger List), с учетом развития атомных технологий.

Следует заметить, что, по мнению ряда специалистов, пункт 2 статьи III страдает определенным упущением: предусматривая обязательство, согласно которому поставки неядерным странам-неучастникам ДНЯО материалов и оборудования осуществляются только при условии постановки их под соответствующий контроль, он не уточняет, однако, должна ли находиться под гарантиями МАГАТЭ *вся* ядерная деятельность в таких неядерных государствах или нет. Поначалу существовало довольно широко распространенное понимание, что полный контроль за ядерной деятельностью не требуется. И это позволяло поставлять ядерные материалы и оборудование в такие страны, как Индия, Пакистан, Израиль и другие государства, которые отказывались принять всеобъемлющие гарантии.

В дальнейшем появилась идея выработать международную договоренность о том, чтобы поставщики ядерных материалов, оборудования и технологий требовали применения так называемых полноохватных (full-scope) или всеобъемлющих (comprehensive) гарантий. Впервые это обсуждалось в Группе ядерных поставщиков (ГЯП) в Лондоне в 1975-1977 годах. Некоторые государства стали самостоятельно применять принцип полноохватных гарантий, не дожидаясь общей договоренности - например, США, начиная с 1978 года. Только в 1992-1993 годах в ГЯП был окончательно согласован этот принцип (к которому присоединилась и Россия), то есть обязательство поставщиков предоставлять предметы *исходного списка* лишь в те страны, которые приняли всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ. Однако не все ядерные поставщики (например, Китай) являются участниками этой договоренности.

Тем не менее и в своем первоначальном понимании согласование пункта 2 имело исключительно важное, принципиальное значение, ибо создавалась юридически обязательная международно-правовая основа для установления контроля за ядерным экспортом. На этом положении статьи III зиждется вся современная широко разветвленная система международного и национального экспортного контроля.

При разработке статьи III возник вопрос о том, должен ли договор допускать поставки неядерным государствам ядерного топлива или оборудования для военных судов с ядерными энергетическими установками. В этой связи делегация США в Комитете 18-ти 15 марта 1968 года передала советской делегации заявление, в котором, в частности, говорилось: “Договор запрещает государствам, не обладающим ядерным оружием, производство или приобретение ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Для целей договора подводная лодка с ядерной энергетической установкой сама по себе не является *оружием*. Договор не касается таких форм применения ядерной энергии, как ядерный двигатель, установленный на военных судах. Таким образом, ничто в договоре не запрещает предоставления ядерного топлива в этих целях, и такого рода деятельность не является предметом контроля, как он изложен в статье III проекта договора, который предусматривает применение контроля ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории любого государства, не обладающего ядерным оружием, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было. Исключительной целью такого контроля является не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства”⁴³.

Советская сторона согласилась с таким пониманием соответствующего положения статьи III. В дальнейшем, в 1970-1971 годах, при согласовании типового соглашения о гарантиях для неядерных стран-участниц ДНЯО было решено, что гарантии не будут применяться к ядерному материалу в *незапрещенной военной деятельности*, но он вновь будет поставлен под гарантии, как только такой материал снова будет возвращен в мирную ядерную деятельность (пункт 14

типового соглашения о гарантиях - INFCIRC/153).

Согласование статьи ДНЯО о гарантиях, в ходе которого Советский Союз проявлял большую настойчивость в отстаивании обязательности контроля МАГАТЭ для всех неядерных стран-участниц ДНЯО, следует считать результатом значительной эволюции Советского Союза в сторону принятия концепции международного контроля за мерами ограничения вооружений и разоружения, хотя в данном случае речь шла об инспекции и не на самой советской территории. До согласия на контроль на территории СССР еще оставалось несколько лет. Тем не менее преодоление застарелой, идущей еще со времен *плана Баруха* аллергии к какому-либо внешнему контролю следует считать решающим шагом вперед.

Советская позиция основывалась на принципе соразмерности контроля и разоружения: сколько разоружения, столько и контроля; объем контроля должен соответствовать масштабу мер разоружения; контроль и разоружение должны находиться в органическом взаимодействии. По настоянию советской стороны принцип соразмерности контроля и разоружения получил подтверждение в согласованных между СССР и США и одобренных Генеральной Ассамблеей ООН в 1961 году принципах для переговоров по разоружению, в которых говорилось, что “характер и размеры [...] контроля зависят от потребностей проверки мероприятий разоружения” (они известны как заявление Зорина - Макклоя)⁴⁴.

Важную роль в эволюции советского подхода к контролю сыграло то обстоятельство, что советское руководство проявляло большую озабоченность в отношении широкого развертывания ядерных программ в ряде промышленно развитых государств, прежде всего в ФРГ, и стремилось установить за ними строгий международный контроль. Настойчивость западных стран в продвижении так называемых *равноценных* гарантий *Евратома*, которые могли бы таким образом сохранить за собой привилегию на осуществление *самоконтроля*, тоже объективно подталкивала Советский Союз к действиям, направленным на установление международного контроля во всех неядерных странах по договору о нераспространении. МИД при поддержке министерства среднего машиностроения неоднократно обращал на это внимание Политбюро ЦК КПСС, и со

стороны тогдашнего высшего органа власти эти соображения получали полное одобрение. При внутренних обсуждениях на заседаниях Политбюро, упорство западных стран в отношении *Евратома* содействовало формированию позитивного отношения советских руководителей к международному контролю МАГАТЭ.

Как свидетельствует в своих мемуарах посол в Соединенных Штатах А.Ф. Добрынин, поворот Советского правительства лицом к установлению гарантий МАГАТЭ в первую очередь диктовался стремлением не допустить появления ядерного потенциала у Германии, что с очевидностью следует из внутренних документов Политбюро и МИДа. Так, в цитируемой Добрыниным записке А.А. Громько в ЦК КПСС о внешнеполитическом курсе СССР от 13 января 1967 года, которая была одобрена Политбюро, этот вопрос занимал центральное место в разделе разоружения:

“Разоружение: Мы должны занимать активную позицию по разоружению. Одновременно с дальнейшей борьбой за всеобщее и полное разоружение, что потребует длительного времени, мы должны уделять особое внимание некоторым ограниченным мерам, и прежде всего достижению соглашения о нераспространении ядерного оружия. Необходимо завершить наш диалог с Соединенными Штатами и добиваться заключения такого соглашения, чтобы воспрепятствовать допуску к ядерному оружию в любой форме ФРГ и других неядерных государств”⁴⁵.

Наряду с текстом самой статьи III, немаловажное значение, особенно для дальнейшей разработки процедур гарантий применительно к договору, имели относящиеся к гарантиям пункты преамбулы. В их продвижении существенную роль сыграла ФРГ, где в Национальном научном центре атомных исследований в Карлсруэ проводились работы по гарантиям, направленные в первую очередь на их *упрощение*⁴⁶. О них публично объявил министр иностранных дел Вилли Брандт в выступлении в германском бундестаге 27 апреля 1967 года:

“Мы исходим из предпосылки, что применение гарантий не помешает производственным процессам и не раскроет производственные секреты, а лишь устранил опасность переключения (ядерных материалов

на военные цели). Для этого будет достаточно применять гарантии к исходным или расщепляющимся материалам и к топливному циклу в некоторых ключевых местах, используя, насколько это возможно, автоматические приборы”⁴⁷.

Позиция ФРГ, естественно, поддерживалась странами *Евратома* и другими промышленно развитыми странами. Две ядерные державы в определенной мере пошли им навстречу и включили в преамбулу следующий пункт:

“Выражая свою поддержку усилиям по исследованию, усовершенствованию и другим усилиям, направленным на содействие применению в рамках системы гарантий Международного агентства по атомной энергии принципа эффективных гарантий в отношении движения исходных и специальных расщепляющихся материалов посредством использования приборов и других технических способов в определенных ключевых местах”⁴⁸.

В статью III по настоянию промышленно развитых стран - ФРГ, Японии, Италии, Швейцарии, выразивших опасения, что гарантии будут препятствовать мирному использованию атомной энергии, и высказывавших озабоченность по поводу возможного промышленного шпионажа, был также включен пункт 3:

“Гарантии, требуемые настоящей статьей, осуществляются таким образом, чтобы соответствовать статье IV настоящего Договора и избегать создания препятствий для экономического или технологического развития участников Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности, включая международный обмен ядерным материалом и оборудованием для обработки, использования или производства ядерного материала в мирных целях в соответствии с положениями настоящей *статьи и принципом применения гарантий, изложенным в преамбуле Договора*” (выделено мной - Авт.).

Пункт 4 статьи III определяет сроки заключения соглашений о гарантиях между неядерными странами-участницами ДНЯО и МАГАТЭ: они должны быть заключены и вступить в силу в течение 18 месяцев со дня присоединения к договору, при этом первоначальные участники ДНЯО должны начать переговоры не позднее шести месяцев со дня вступления в силу договора. Это

положение было принято по предложению Советского Союза, который руководствовался стремлением к тому, чтобы страны *Евратома*, включая ФРГ, как можно скорее заключили соглашение с МАГАТЭ. США называли более продолжительный срок - три года.

Согласование договорной статьи о международном контроле еще не означало, что вопрос о контроле за соблюдением ДНЯО полностью решен и закрыт. В ходе дальнейших переговоров о конкретных процедурах гарантий возникало немало проблем, особенно в связи с тем, что индустриально развитые страны - ФРГ, Япония и некоторые другие неядерные государства стремились ослабить эти процедуры. Однако постепенно, хотя и с большими задержками, эти проблемы так или иначе решались. Практически МАГАТЭ приступило к применению гарантий в странах *Евратома* только в 1978 году. Отголоски этих проблем ощущались и в последние годы при согласовании в Совете управляющих Агентства мер по повышению эффективности системы гарантий в неядерных странах, охваченными всеобъемлющими гарантиями (так называемая *программа 93+2*), которые были окончательно одобрены Советом Управляющих в 1997 году⁴⁹.

Еще в разгар переговоров в Женеве по статье III ДНЯО, имеющей самое непосредственное отношение к Агентству, и задолго до согласования текста самой статьи, которое было завершено, как указывалось выше, только в январе 1968 года, в Москве возникла идея о том, чтобы международное агентство высказало свое отношение к перспективе принятия на себя функций контроля за выполнением договора о нераспространении ядерного оружия.

19 апреля 1967 года представитель СССР при МАГАТЭ Г.П. Аркадьев в разговоре с американским представителем Люисом высказался за то, чтобы Советом управляющих Агентства был создан комитет по гарантиям, который занялся бы задачей повышения эффективности системы гарантий в порядке подготовки к осуществлению Агентством дополнительных функций в связи с договором о нераспространении. Комитет состоял бы из восьми членов (по три от Запада и Востока и два от развивающихся стран). Представитель США ограничился замечанием, что предложенная идея интересна, но он должен проконсультироваться с Вашингтоном. В своей телеграмме

госдепартаменту Люис дал осторожную оценку советского предложения, считая, что оно направлено на поддержку советской позиции на переговорах в Женеве по статье III⁵⁰.

В указаниях госдепартамента и КАЭ США Люису от 4 мая сообщалось, что хотя в дальнейшем и было бы желательно создать орган для рассмотрения и оценки функционирования гарантий МАГАТЭ, в настоящее время, когда "внимание всего мира приковано к гарантиям МАГАТЭ в контексте развития событий вокруг ДНЯО", было бы, "однако, преждевременным предпринимать открытое обследование адекватности гарантий". Американскому представителю было поручено сообщить Аркадьеву, что США "выражают надежду, что советская сторона отложит обсуждение своего предложения до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение по контрольным положениям договора о нераспространении"⁵¹.

В связи с тем, что американцы не поддержали предложение о создании комитета по гарантиям на июньской сессии Совета управляющих, советской стороной стала продвигаться идея принятия Генеральной конференцией на ее осенней сессии решения о готовности Агентства взять на себя функции контроля за договором о нераспространении. 5 июня Аркадьев затронул этот вопрос в беседе с представителем Чехословакии. В ходе беседы между ними рассматривалась возможность внесения на Генеральной конференции Агентства делегациями двух государств совместно с *некоторыми дружественными странами* проекта резолюции, в которой содержался бы призыв к Комитету 18-ти о скорейшем завершении переговоров по ДНЯО и выражалась уверенность, что МАГАТЭ эффективно выполнит те контрольные функции, которые могут быть возложены на Агентство договором о нераспространении⁵². Цель такой резолюции была очевидна - заранее, еще до окончательного согласования третьей статьи, зафиксировать, что контроль за выполнением договора будет осуществляться только с помощью гарантий МАГАТЭ.

14 сентября 1967 года Аркадьев поднял этот вопрос перед представителем США Люисом. Советский представитель предложил, чтобы Генеральная конференция приняла резолюцию примерно следующего содержания:

1. Просить Комитет 18-ти государств по разоружению продолжить свои усилия для скорейшего завершения переговоров о договоре о нераспространении, с тем чтобы к нему могли присоединиться все разделяющие цели договора государства.

2. Информировать Генеральную Ассамблею ООН и Комитет 18-ти, что МАГАТЭ будет стремиться должным образом обеспечить выполнение функций контроля в связи с указанным договором, если эта задача будет на него возложена.

В личном плане Люис высказал в общем положительное отношение к этой идее и сказал, что запросит Вашингтон⁵³. В тот же день Аркадьев поставил вопрос о принятии такой резолюции перед Генеральным директором Агентства Эклундом, который также реагировал положительно⁵⁴.

Взяв на себя инициативу в продвижении данного вопроса на сессии Генеральной конференции, Зигвард Эклунд заявил на заседании конференции 26 сентября 1967 года, что, «как он полагает, он выражает волю Агентства, заявляя, что оно готово выполнять контрольные функции, предусматриваемые проектом договора. Он уверен, что существующая система гарантий Агентства дает ему возможность осуществлять их и, как он полагает, Агентство может с полным основанием утверждать, что оно является организацией, наиболее подходящей для выполнения этой важной задачи»⁵⁵.

Делегация США получила, однако, указание возражать против принятия резолюции, о чем сообщила советской стороне, мотивировав свою позицию тем, что ее принятие осложнило бы завершение переговоров по третьей статье в Женеве. В результате нескольких встреч между двумя делегациями, в которых мне довелось участвовать, было согласовано, что на заключительном пленарном заседании Генеральной конференции председатель сессии Нойман (ЧССР) сделает от имени Конференции заявление о том, что «такая задача (применение гарантий Агентства для контроля за выполнением ДНЯО) будет полностью соответствовать целям Агентства. Он (председатель), соответственно, выражает уверенность в том, что Конференция хотела бы, чтобы он объявил о готовности Агентства взяться за выполнение этой задачи и осуществить такие приготовления, которые могут потребоваться для выполнения более

широких обязанностей, которые могут быть на Агентство возложены»⁵⁶.

Таким образом, Генконференция единогласно решила, хотя и не в форме резолюции, что Агентство берется за осуществление функций по контролю за договором о нераспространении. Уже после вступления ДНЯО в силу Совет управляющих в апреле 1970 года создал Комитет по гарантиям для подготовки типового соглашения для неядерных государств-участников договора, которое было разработано в 1970-1971 годах (INFCIRC/153).

Хотя договор о нераспространении не предусматривает создания специального контрольного органа для обеспечения соблюдения договора, можно считать, что Совет управляющих фактически таким органом является в силу того, что статья III ДНЯО устанавливает право Агентства выполнять контрольные функции по договору. Совет эти функции осуществляет на практике, утверждая соглашения о гарантиях с государствами-участниками договора, давая необходимые ориентиры секретариату по процедурам применения гарантий, постоянно работая над повышением эффективности системы гарантий, ежегодно заслушивая отчеты секретариата об осуществлении гарантий и принимая, в необходимых случаях, меры при несоблюдении соглашений о гарантиях, вплоть до представления докладов о несоблюдении Совету безопасности ООН, как это было в 1991 году в связи с Ираком и в 1993 году в связи с КНДР.

Для содействия получения согласия на принятие гарантий в отношении всей ядерной деятельности неядерных государств, особенно индустриально развитых, в ходе переговоров по статье III возникла необходимость в определенных встречах шагах со стороны ядерных держав. Некоторые неядерные страны (Индия, Бразилия, Швейцария, Швеция, Нигерия, Эфиопия) выступали с весьма радикальных позиций, предлагая, чтобы гарантии на *недискриминационной* основе применялись и в ядерных державах. Другие неядерные государства (ФРГ, Япония, Италия, Бельгия), не выдвигая столь далеко идущих требований, утверждали, что открывая свои реакторы и другие ядерные установки для инспекций международными контролерами, они тем самым оказываются в невыгодном с точки зрения промышленной и коммерческой конкуренции положении.

Во внутренних обсуждениях этих государств, писал Гленн Сиборг, «чаще всего в качестве конкурента назывался Советский Союз, но нам было ясно, что они на деле были более озабочены конкуренцией со стороны Соединенных Штатов, но дипломатично умалчивали об этом. Мы пытались ответить на их жалобы тем, что инспекторы МАГАТЭ будут иметь инструкции не вмешиваться в эксплуатацию реакторов. Однако убедительно подать этот аргумент было трудно [...].

Как мне представляется, аргументы относительно коммерческих невыгод, возможно, были несколько надуманными и на деле предназначались для того, чтобы закамуфлировать сопротивление основным положениям ДНЯО. В некоторых промышленных странах требование об их отказе от ядерного оружия на неопределенное время было серьезной внутренней политической проблемой. Однако для любой из них признать это было не вполне респектабельно. Но, с другой стороны, было совершенно респектабельно утверждать, что предлагаемые положения о гарантиях угрожают поставить законное развитие их промышленности в невыгодное положение»⁵⁷.

Директор АКВР Фостер предложил такой выход: США предоставят МАГАТЭ возможность применять гарантии ко всей американской *мирной* ядерной деятельности, но при условии, что 1) такое предложение будет сделано только после того, как станет ясно, что оно существенно облегчит принятие статьи III; и 2) оно будет реализовано только после вступления в силу ДНЯО, и что договор будет предусматривать обязательные гарантии в неядерных странах⁵⁸. Предложение АКВР было поддержано всеми основными американскими правительственными ведомствами и одобрено президентом Джонсоном в апреле 1967 года. По рекомендации Сиборга было решено обнародовать американскую инициативу 2 декабря 1967 года - в 25-ю годовщину пуска в Чикаго первого атомного реактора. Джонсон заявил на церемонии в этом городе:

«Мы теперь прилагаем большие усилия к тому, чтобы добиться такого договора (о нераспространении) в форме, приемлемой для всех стран [...].

Мы не считаем, что гарантии, которые мы предлагаем в этом договоре, будут мешать мирной деятельности любой страны.

И я хотел бы дать миру ясно понять, что мы в Соединенных Штатах не просим какую-либо страну принять гарантии, которые мы сами не хотели бы принять.

Поэтому я объявляю сегодня, что когда такие гарантии будут применяться согласно договору, то Соединенные Штаты разрешат Международному агентству по атомной энергии применять его гарантии ко всем видам ядерной деятельности в Соединенных Штатах, за исключением только тех, которые имеют непосредственное значение для национальной безопасности.

Согласно этому предложению Агентство сможет инспектировать широкую сферу деятельности в области ядерной энергии в Соединенных Штатах, как правительственной, так и частной, включая топливо в ядерных реакторах, принадлежащих предприятиям по выработке электроэнергии, и производство и химическую переработку такого топлива»⁵⁹.

5 декабря аналогичное заявление сделал в Комитете 18-ти представитель Англии И.Портер⁶⁰. С советской стороны каких-либо заявлений не делалось.

Раск в беседе с Громыко в Нью-Йорке еще 27 июня 1967 года высказался за то, чтобы как США, так и СССР поставили свои гражданские атомные установки под гарантии МАГАТЭ, что было бы *политически полезно*, учитывая *сильное сопротивление* гарантиям со стороны неядерных стран. Громыко, однако, высказался тогда против, заявив, что это не относится к предмету договора о нераспространении⁶¹.

Советский Союз довольно долго затягивал постановку под гарантии Агентства своих атомных установок на добровольной основе, при этом делались ссылки на то, что на некоторых атомных установках Агентство так или иначе осуществляло, хотя и неформально, некоторые виды фактической инспекторской деятельности - для подготовки и стажировки международных инспекторов, отработки процедур инспекций на реакторах советского типа и т.д. Кроме того, когда СССР дал такое согласие, то, в отличие от США и Англии, он согласился на принятие гарантий МАГАТЭ в отношении не всей своей гражданской ядерной деятельности, а только нескольких десятков ядерных установок, поскольку в СССР гражданский и военные секторы атомной отрасли исторически не были разделены, и в ряде случаев, например на

гражданских научно-исследовательских реакторах, проводились закрытые военные исследования.

Соответствующие соглашения с МАГАТЭ о гарантиях вступили в силу: с Англией - в 1978 году, с Соединенными Штатами - в 1980 году⁶². Соглашения о добровольной постановке под гарантии Агентства части мирной ядерной деятельности были заключены и вступили в силу с Францией - в 1981 году, с Советским Союзом - в 1985 году и с Китаем - в 1989 году⁶³.

Практически деятельность Агентства по применению гарантий в ядерных державах ограничивается очень небольшим количеством ядерных установок ввиду весьма скромных финансовых возможностей МАГАТЭ. Однако, во всяком случае, добровольные действия ядерных держав способствовали отклонению доводов некоторых неядерных государств, что ДНЯО носит дискриминационный характер и что гарантии будут применяться только к ядерной деятельности неядерных стран и поэтому эти страны будут находиться в невыгодном положении.

Материал подготовлен при поддержке фонда Макартуров ■

¹Док. ENDC/152. Приводится по сборнику основных документов по вопросу о разоружении. Издание МИД СССР (в дальнейшем: Сборник документов МИД СССР), Том VIII, сс. 161-164

²Glenn Seaborg. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. pp. 275-277

³ibid., p. 278

⁴Док. ENDC/PV.245. Приводится по сборнику документов МИД СССР, Том VIII, стр. 330-342

⁵Glenn Seaborg. Op.cit, p. 282

⁶ibid., pp. 283-284

⁷ibid., p. 274

⁸ibid., pp. 274-275

⁹George Bunn. Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. p. 86

¹⁰Здесь допущена явная передержка. Существовал запрет на производство Западной Германией на своей территории явного и других видов оружия массового уничтожения, но не на производство атомной энергии в гражданских целях, что договор о *Евратоме* по идее был призван обеспечить путем установления своей системы гарантий. Но та замкнутая система гарантий, естественно, не могла удовлетворить Советский Союз и другие страны, не входящие в Евратом.

Именно поэтому СССР добивался применения международной системы гарантий МАГАТЭ для контроля за ДНЯО.

¹¹*Правда*, 14 июля 1956

¹²*Правда*, 17 марта 1957

¹³Архив внешней политики РФ, Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 27, л. 18

¹⁴Там же

¹⁵LBJ Library. Papers of Lyndon Baines Johnson. Confidential File. Agency Reports. U.S. Arms Control and Disarmament Agency. Box 134

¹⁶US ACDA, "International Negotiations on the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear Weapons," p. 70

¹⁷Peter Clausen. Nonproliferation and the National Interest. p. 88

¹⁸Seaborg. Op.cit, pp. 287-288; Bunn. Op.cit, pp. 91-92

¹⁹Matthias Kuntzel. Bonn & the Bomb. German Politics and the Nuclear Option. pp. 83-84. Кюнцель ссылается на документы архива МИД ФРГ.

²⁰Seaborg. Op.cit, p. 291

²¹Memorandum for Mr. Bundy by Spurgeon Keeny of June 23, 1967, p. 3. LB Johnson Library. National Security File. Subject File. Box 26

²²АВП РФ, Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 28. лл. 63-66

²³Seaborg. Op.cit, p. 291; Bunn. Op.cit, p. 93

²⁴АВП РФ, Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 28. л. 19

²⁵Этот и последующий абзац основаны на воспоминаниях В.В. Шустова

²⁶Статья III.A.5

²⁷George Bunn. Op.cit, p. 95. Нужно также отметить немаловажную роль в поисках компромиссного решения советника делегации Бельгии Альбера Вийо (Albert Willot), который подготовил свой вариант соответствующей формулировки для статьи III, сходный с советским предложением: «индивидуально или в ассоциации с другими государствами». (Телеграмма Фостера госдепартаменту от 17 июня. U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967-1969. Political and Defense. Box 1635).

²⁸Анатолий Громыко. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. Москва, Изд-во ИПО Автор, 1997, с. 49

²⁹Телеграмма Раска Фостеру от 3 июля 1967 года. U.S. National Archives and Records Administration. General Records of the Department of State. General Foreign Policy Files, 1967-1969. Political and Defense. Box 1634

³⁰Журнал *За рубежом*, в котором помещались переводы из иностранной периодики, 1968, № 5, с. 2

³¹Под индексами ENDC/192 и ENDC/193

³²Memorandum of the Secretary of State for the President of May 16, 1967. LB Johnson Library. National Security File. Subject File. Box 26

³³LBJ Library. National Security File. Country File. Addendum. Temporary Box 295

³⁴Телеграмма Фостера *только для сведения* Ракса от 11 сентября. U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Archives, 1967-1969. Political and Defense. Box 1635. Однако в связи с тем, что союзники стали задавать вопросы об отношении США к *проекту Роцина*, Фостер в телеграмме от 18 сентября рекомендовал сообщить им, что «после тщательного изучения советского проекта статьи III и при том понимании, что будут рассмотрены детальные мнения других, по нашему мнению, он создает разумную основу для соглашения по этому вопросу». (ibid. Box 1636). Предложение Фостера было принято (телеграмма госдепартамента представителю США при НАТО Кливленду от 20 сентября. ibid.).

³⁵В первоначальном американском варианте ссылок на ядерные установки не было, но они были включены по настоянию советской стороны.

³⁶Телеграмма госдепартамента Кливленду от 20 сентября. U.S. NARA. Box 1636

³⁷LBJ Library. National Security File. Country File. Europe and USSR. Germany. Box 188

³⁸Телеграмма госдепартамента посольству США в Бонне от 11 декабря. U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967-1969. Political and Defense. Box 1637

³⁹Под индексами ENDC/192/Rev.1 и ENDC/193/Rev.1

⁴⁰LBJ Library. National Security File. Intelligence File. Boxes 10, 11

⁴¹Атом и мир. Договор о нераспространении ядерного оружия и Международное агентство по атомной энергии. Коллектив авторов, под редакцией И.Д. Морохова, Москва, Международные отношения, 1974, с. 34

⁴²Назван по имени проф. Клода Цангера (Швейцария), первого председателя комитета

⁴³Сборник документов МИД СССР, Том X, 1968, сс. 224-226

⁴⁴Док. ООН A/4879. Приводится по сборнику документов МИД СССР, Том IV, сс. 271-274

⁴⁵Обратный перевод с английского издания: Anatoly Dobrynin. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War

Presidents. Times Books, Random House, New York, 1995, p. 642. В перевод воспоминаний на русский язык (Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США. Москва, Автор, 1996) этот текст включен не был

⁴⁶Результаты этих работ в литературе иногда называют *доктриной Карлсруэ*

⁴⁷Цит. по: Mohamed Shaker. p. 742

⁴⁸Строго говоря, положение преамбулы о проведении инспекции в *определенных ключевых местах* расходится с положением Устава МАГАТЭ о том, что инспекторы Агентства «должны будут иметь доступ в любое время во все места, ко всем данным и ко всем лицам» (статья XII.A.6)

⁴⁹Док. МАГАТЭ INFCIRC/540

⁵⁰U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967-69. Political and Defense. Box 1634

⁵¹ibid.

⁵²АВП РФ, Ф. 047, оп. 13, п. 135, д. 7, л. 79

⁵³Там же, лл. 124-125

⁵⁴Там же, лл. 127-128

⁵⁵Records of the Eleventh Regular Session (26 September-2 October, 1967), One Hundred and Eleventh Plenary Meeting, IAEA document GC(XI)/OR.111, p. 4

⁵⁶Док. МАГАТЭ GC(XI)/OR.118, p. 3

⁵⁷Seaborg. Op.cit, p. 297

⁵⁸Следует заметить, что еще в июне 1964 года США заключили с МАГАТЭ соглашение о постановке под гарантии Агентства нескольких энергетических и исследовательских атомных реакторов для отработки процедур гарантий

⁵⁹Док. ENDC/206. Приводится по Сборнику документов МИД СССР, Том IX, сс. 357-360.

⁶⁰Док. ENDC/PV.353. Сборник документов МИД СССР, Том IX, сс. 360-361

⁶¹U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967-1969. Political and Defense. Box 1635

⁶²Reinhard H. Rainer and Paul C. Czasz. The Law and Practices of the International Atomic Energy Agency. 1970-1980. Supplement 1 to the 1970 Edition of Legal Series № 7, IAEA, Vienna, pp. 312-315

⁶³Ежегодный доклад МАГАТЭ за 1995 год - док. GC(40)/8, с. 93

Сообщения**О СЕМИНАРЕ «ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ»**

9-10 сентября 1998 года Центр по проблемам экспортного контроля (Россия) и Союз юристов за безопасность в мире - Lawyers Alliance for World Security (США) провели в Москве международный семинар "Ядерный терроризм и экспортный контроль". В работе семинара участвовали представители 17 стран мира.

Основной темой семинара было предотвращение потенциальной угрозы попадания в руки террористов ядерного и радиологического оружия. В ходе обсуждения неоднократно подчеркивалась необходимость укрепления многоступенчатой системы предотвращения распространения ядерных материалов и технологий, особую роль в которой играют специальные службы. В дискуссии приняли участие руководители и ведущие специалисты министерств и ведомств России и стран СНГ, занимающиеся проблемами нераспространения на практике, представители деловых кругов и ученые из

США, России, Белоруссии и других государств.

Семинар стал одной из вех на пути к выработке скоординированной международной стратегии по борьбе со всеми видами терроризма, включая ядерный. Не случайно, что время его проведения совпало с подготовкой к обсуждению в ООН Конвенции о противодействии ядерному терроризму, проект которой разработан российскими дипломатами.

На семинаре в выступлениях многих участников подчеркивалось, что правительства, деловые круги и общественность всех государств должны осознавать, какая опасность угрожает миру и каким образом не допустить ее возникновения.

В семинаре участвовал сотрудник ПИР-Центра Алексей Рей.

О ЕЖЕГОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ

30 сентября директор ПИР-Центра Владимир Орлов выступил с докладом на конференции Франкфуртского института проблем изучения мира (Peace Research Institute Frankfurt, PRIF), которая прошла в местечке Бад Цвишенан под Бременом и была посвящена актуальным вопросам нераспространения ОМУ, прежде всего таким проблемам, как гарантии МАГАТЭ, а также предотвращение распространения химического и биологического оружия и уничтожение этих видов ОМУ. Тема доклада - «Обзор позиции России в области нераспространения ОМУ в 1997-1998 годах».

На конференции выступили с докладами: Танос Докос (Dr. Thanos Dokos), директор департамента стратегических исследований МИД Греции; Дэвид Фишер (David Fischer), бывший помощник генерального директора МАГАТЭ; Висенте Гарридо Рабольедо (Prof. Vicente Garrido Rabolledo) из мадридского университета Карла Третьего; Камиль Гран (Camille Grand) из парижского института международных и стратегических исследований; Иан Кенион (Ian Kenyon) из университета Саутгемптона (Великобритания); Мустафа Кибароглу (Dr.

Mustafa Kibaroglu), профессор факультета международных отношений университета Билькент (Анкара, Турция); Стефан Клемент (Dr. Stephan Klement) из Европейской комиссии; Бен Сандерс (Benjamin Sanders), исполнительный председатель Программы развития ядерного нераспространения (PPNN); Аннете Шапер (Dr. Annette Schaper), старший научный сотрудник PRIF; Эржебет Роза (Dr. Erzsebet Rozsa) из будапештского института международных отношений; Джон Симпсон (Prof. John Simpson) из Маунтбаттенского центра международных исследований (Саутгемптон, Великобритания); Уильям Уокер (Prof. William Walker) с факультета международных отношений университета St. Andrews (Великобритания) и др.

Конференции PRIF под председательством д-ра Харальда Мюллера (Dr. Harald Muller) проводятся ежегодно и объединяют правительственных и неправительственных специалистов, прежде всего из государств Европы, в области нераспространения и контроля над вооружениями.

Новости ПИР-Центра

26 августа в ПИР-Центре прошло совещание, на котором были обсуждены **планы по научной, исследовательской, информационной, издательской и образовательной работе Центра на 1999 год.**

Среди научно-исследовательских проектов приоритетным останется проект «Ядерное нераспространение и Россия». Будут подготовлены и выпущены развернутые доклады: «Критический экспорт и экспортный контроль в России» и «Стратегические ядерные силы и тактическое ядерное оружие России: сегодня и завтра». Будет продолжена работа над проектом «Федеральное Собрание России и вопросы контроля над вооружениями и нераспространения», который включит в себя проведение ряда семинаров. Значительное внимание планируется уделить развитию базы данных *Ядерная Россия*. Продолжат выходить журналы *Ядерный Контроль*, *Научные Записки ПИР-Центра*, дайджест журнала *Ядерный Контроль* на английском языке, а также один из наиболее успешных проектов 1998 года бюллетень для руководителей *Вопросы Безопасности* и электронный бюллетень на английском языке *Arms Control Letters*. Акцент будет сделан на развитии образовательных программ. В частности, будет продолжено и развито чтение курса по правовым, политическим и экономическим аспектам ядерного нераспространения в МИФИ. Начнется работа над учебным пособием по ядерному нераспространению на русском языке для студентов и широкой аудитории. Чтобы поддержать развитие образовательных программ и программ по повышению квалификации по контролю над вооружениями и ядерной безопасности, ПИР-Центр проведет работу по увеличению своих библиотечных фондов. С 1 сентября библиотека по контролю над вооружениями, расположенная в ПИР-Центре, открыта для свободного доступа специалистов и студентов. Поиск необходимой литературы и периодики осуществляется по электронной базе данных.

С 29 августа по 2 сентября директор ПИР-Центра **Владимир Орлов** находился в **Бонне**. Состоялась серия рабочих встреч, консультаций и семинаров в Институте стратегического анализа (Institute for Strategic Analyses, ISA) по вопросам нераспространения ОМУ и противодействия распространению. Прошли встречи с директором института д-

ром Холгером **Меем** (Dr. Holger Mey), сотрудником министерства обороны Германии Петером **Вайнхаймером** (Oberstleutnant Peter Weinheimer) и др. Проведены переговоры с руководителем Международного инженерного агентства (International Engineering Agency, iEA) Мартином **Бергером** (Martin Berger), в результате которых подписан договор о сотрудничестве между ПИР-Центром и iEA.

25 сентября состоялось очередное заседание **Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра**. Оно было посвящено вопросам безопасности в Южной Азии и роли России в регионе.

Во встрече принял участие Чрезвычайный и полномочный посол Индии в Москве Ранендра **Сен** (Ranendra Sen). Его сопровождали советник посольства Индии Арун **Сингх** (Arun Singh), вторые секретари посольства Джайант **Хобрасуд** (Jayant Khobrasude) и Джиоли **Саваркар** (Jyoli Sawarkar). В ходе встречи, которая проходила в неформальной обстановке, посол изложил позицию Индии по вопросам национальной безопасности и рассказал об озабоченностях страны в связи со складывающейся ситуацией в регионе. После сообщения посла Сена состоялась развернутая дискуссия, в которой приняли участие члены Экспертно-консультативного совета Василий **Кривохижа**, Геннадий **Хромов**, Марина **Беляева**, Андрей **Загорский** и др., а также сотрудники ПИР-Центра.

Среди прочих, рассматривались вопросы возможной трансформации режима нераспространения в свете ядерных испытаний, осуществленных Индией и Пакистаном, военно-технического сотрудничества России и Индии, влияния возможного развития военно-технического сотрудничества России с Пакистаном на отношения с Индией, а также отношения между Индией и Китаем.

Встреча проходила в режиме *не для печати*.

8 октября ПИР-Центр провел семинар **"Ратификация Договора СНВ-2 и перспективы выработки и заключения Договора СНВ-3"**. В семинаре приняло участие более пятидесяти специалистов. Среди них депутаты и сотрудники аппарата Государственной Думы Российской Федерации (Евгений **Зеленов**, Александр

Пономарев, Александр **Тарасов**, Владимир **Мисюченко**, Павел **Лаптев** и др.), представители министерства иностранных дел России (посол по особым поручениям Михаил **Стрельцов** и др.), сотрудники Генерального штаба (Андрей **Неделин**, Сергей **Дыкин**, Владимир **Наумов**), представители экспертных кругов, журналисты и иностранные дипломаты.

С докладом «СНВ-2 и СНВ-3: параметры сокращения ядерных вооружений и национальная безопасность России» на семинаре выступил Владимир **Дворкин**, начальник 4-го Центрального НИИ МО РФ. С докладом «Расходы России и США по реализации Договора по СНВ-2» выступил представитель отдела программ сотрудничества в оборонной области посольства США в Москве полковник Роберт **Будроу** (Col. Robert Boudreau). С докладом «Сокращение ядерных вооружений и вопросы транспарентности» выступил директор Центра разоружения, энергетики и экологии при МФТИ Анатолий **Дьяков**.

Владимир Дворкин в своем выступлении отметил, что за истекшие пять лет с момента подписания договора СНВ-2 проводилось множество встреч экспертов, а также представителей министерства обороны с депутатами Госдумы, и не смотря на это, добиться ратификации не удалось. Более того, как подчеркнул докладчик, на протяжении последних полутора лет "как-то постепенно заглохла дискуссия по недостаткам и положительным качествам договора СНВ-2 [...] И договор, или вопрос его ратификации, по существу стал заложником борьбы между законодательной и исполнительной ветвями власти". К этой теме докладчик возвращался не раз, отмечая и влияние *политических амбиций* на судьбу договора в Госдуме. В этой связи как конструктивное направление в обсуждении договора было отмечено продолжение диалога по недостаткам и достоинствам собственно договора, например в работах ПИР-Центра.

Именно излишней политизированностью вопроса объяснил г-н Дворкин попытки увязать ратификацию договора с расширением НАТО на Восток, американскими бомбардировками Судана и Афганистана, возможными силовыми акциями Североатлантического блока в Югославии. По его мнению эти "аргументы совершенно не убедительные, для специалистов во всяком случае".

В то же время выступающий отметил тенденцию к игнорированию Западом российских позиций. Однако вывод из этого необходимо делать обратный тому, который обычно делают противники договора. В случае отказа России от ратификации договора СНВ-2, будет нарушен ядерный баланс между Россией и США: РФ опустится ниже двух тысяч боезарядов, а США продолжат поддерживать уровень договора СНВ-1, то есть 6 тысяч формально и 8,5 по реальному зачету. А "при нарушении ядерного баланса позиция России будет игнорироваться значительно больше, чем она игнорировалась до сих пор или игнорируется сейчас[...] баланс в любом случае лучше, выгоднее для страны. Выгоднее с точки зрения лояльной безопасности страны, военно-политической безопасности, чем дисбаланс при любых входящих факторах".

Основной аргумент в пользу скорейшей ратификации, по мнению докладчика, состоит в том, что за время, прошедшее с момента подписания СНВ-2 многое изменилось, и "те недостатки, которые наиболее часто рассматривались в отношении этого договора с течением времени, с изменением экономической ситуации в России, носят уже, в основном, теоретический характер [...] даже те рамки, которые нам казались ограниченными и рассматривались как недостаток такой реальной, теперь можно рассматривать как чисто теоретический недостаток, который прикладного, практического значения не имеет". В качестве примера господин Дворкин привел положение договора СНВ-2, позволяющее переоборудовать 90 шах из-под тяжелых ракет (SS-18) и разгрузить 105 ракет SS-19 на пять блоков и оставить в моноблочном варианте. Если раньше и в том и в другом случае говорили *всего*, то теперь есть сомнения в способности России по экономическим причинам выполнить и эти работы.

Докладчик остановился и на основных аргументах противников договора - проблеме возвратного потенциала, по которому у США в случае выполнения СНВ-2 будет значительное преимущество, перспективах создания ПРО территории страны в США, финансовых сложностях реализации СНВ-2.

Проблема возвратного потенциала, по мнению г-на Дворкина, может быть снята только в результате скорейшего перехода к договору СНВ-3. Однако требовать от американцев выхода на новый договор в настоящее время

нельзя, так как "нужно учитывать позицию партнеров по переговорам [США], американская сторона сделала шаг навстречу и этим шагом были хельсинские соглашения [...], теперь следующий шаг должна сделать Россия".

Парируя аргумент противников ратификации СНВ-2 о вероятности создания ПРО территории страны в США, г-н Дворкин связал его с проблемой ядерного баланса и заявил, что "какой бы ни была противоракетная оборона США, как дестабилизирующий фактор она действует значительно сильнее при стратегическом дисбалансе, потому что к дисбалансу добавляется еще один дестабилизирующий фактор - ПРО".

По поводу финансирования расходов по договору докладчик отметил, что "грубо говоря, на договор СНВ-2 не нужно ни рубля, на сокращение стратегических вооружений по договору не нужно ни рубля [...] затраты значительны, но они не зависят от договорных условий".

Владимир Дворкин заметил, что в последние полтора года основными требованиями, условиями ратификации договора СНВ-2 стали предоставление плана развития СЯС РФ и гарантированного финансирования их развития. Первое условие исполнительной властью уже удовлетворено: 3 июля 1998 года на заседании Совета безопасности РФ был одобрен план развития СЯС РФ на период до 2015 года. Что касается второго условия, то в Госдуме уже два месяца находится проект закона о гарантированном финансировании СЯС РФ до 2010 года.

Закончил свое выступление Владимир Дворкин следующим выводом: "договор СНВ-2 полностью отвечает интересам военной безопасности России, никаких средств на его реализацию нет, отсутствие его ратификации приведет в скором времени к значительному дисбалансу ядерных сил США и России, который будет только способствовать снижению статуса России. Через договор СНВ-2 необходимо идти к договору СНВ-3, который в значительно большей мере, чем договор СНВ-2, соответствует нашим экономическим условиям да и обстановке в целом, поскольку 2-2,5 тысячи ядерных боезарядов, как показывают прошедшие полтора года после Хельсинки - это далеко не тот уровень, который способствовал бы

укреплению режима нераспространения ядерного оружия".

Вслед за Владимиром Дворкиным слово для выступления было предоставлено г-ну Будроу. Г-н Будроу привел расчеты, показывающие, что Договор СНВ-2 выгоден для России в экономическом отношении. Расходы по реализации договора выступающий предложил исчислять по следующей схеме: прямые расходы (ликвидация носителей, верификация выполнения положений договора) плюс расходы, связанные с адаптацией ядерной группировки к параметрам СНВ-2 (например, допроизводство ракетных комплексов *Тополь-М*), минус экономия ресурсов в силу отсутствия необходимости расходовать средства на поддержание и замену сокращаемых систем (например, SS-18, SS-24). Выступающий привел подсчеты по этой схеме для американской стороны: прямые расходы - 0,6 млрд. долларов, расходы на приспособление ядерной группировки - 0, выгоды от реализации договора - 5,6 млрд. долларов. Таким образом, общая экономия для США составляет 5 млрд. долларов.

Говоря о российских расходах, докладчик оперировал той же схемой. Оценивая прямые расходы он исходил из того, что

- расходы на уничтожение и верификацию у России должны быть такими же как у США;
- расходы на выполнение СНВ-2 должны быть меньше, чем на выполнение СНВ-1;
- значительная часть расходов покрывается американской помощью по программе Нанна-Лугара.

Оценивая российские расходы на приспособление ядерной группировки к параметрам СНВ-2, г-н Будроу косвенно признал, что они значительно, и уж точно много больше, чем соответствующие расходы американской стороны. Но основной его аргумент свелся к тому, что эти расходы не обусловлены исключительно выполнением договора СНВ-2, "Россия имела бы те же расходы и без СНВ-2".

Говоря об экономии в результате выполнения договора, выступающий отметил, что

- на поддержание меньшей по количественным параметрам ядерной группировки уйдет меньше средств;

- России не придется обслуживать стареющие РГЧ ИН и налаживать их производство;
- бывшие военные базы и площадки, на которых были установлены ракеты, могут быть переоборудованы для гражданского использования, что будет способствовать развитию экономики.

Общий вывод состоит в том, что "России, как и США, возможно, сэкономит финансовые средства в результате выполнения договора СНВ-2".

Дополнительные выгоды для России, по мнению выступающего, состоят в том, что

- США и Россия обоюдно сокращают уровень СНВ;
- США ликвидируют современные системы, которые при иных обстоятельствах были бы сохранены;
- Количество боеголовок, находящихся у США, строго ограничено.

В своем докладе «Сокращение ядерных вооружений и вопросы транспарентности» директор Центра разоружения, энергетики и экологии при МФТИ Анатолий Дьяков осветил проблемы использования мер повышения транспарентности для подтверждения того, что проводимые сокращения "не нарушают баланса и являются не обратимыми". Поскольку ныне действующими договорными обязательствами регламентируется только сокращение и ликвидация носителей ядерного оружия, а арсеналы ядерных боеприпасов и их уничтожение контролем не охватывается, то эта проблема становится особенно актуальной.

Целью распространения мер транспарентности на арсеналы ядерных боеприпасов является:

- предоставление убедительных доказательств, что проводимые сокращения ЯО не нарушают баланса и являются необратимыми;
- вовлечение в процесс сокращения ЯО других ядерных государств;
- укрепление режима нераспространения.

Г-н Дьяков подчеркнул, что необходим взвешенный и поэтапный подход при реализации режима транспарентности, что обусловлено ключевыми (граничными) условиями распространения этого режима. К последним относятся:

- ограниченность мер транспарентности;

- симметрия по отношению к каждой стороне.

Сфера действия режима транспарентности охватывает:

- развернутые и находящиеся в резерве стратегические ЯБ;
- демонтаж ликвидируемых ЯБ, попадающих под действие соглашений;
- оружейные делящиеся материалы, высвобождаемые в процессе демонтажа ЯБ и признанные избыточными для нужд обороны.

Сам режим транспарентности и контроля состоит в

- обмене данными;
- инспекциях с целью контроля развернутых и находящихся в резерве ЯБ;
- мониторинге основных этапов жизненного цикла сокращаемых ЯБ.

Одна из основных проблем установления такого режима транспарентности и контроля - это достижение баланса между интрузивностью контроля и уверенностью в выполнении принятых обязательств. Решить данную проблему можно за счет комбинации технических и организационных мер, а также фокусировки контрольных процедур на оружейные делящиеся материалы, высвобождаемые в процессе демонтажа ЯБ.

После представления основных докладов участникам семинара была предоставлена возможность задать вопросы выступавшим и дать свои комментарии. Последовала активная и порой жесткая дискуссия. В основном вопросы относились к выступлению Владимира Дворкина.

Одним из первых взял слово генерал запаса **Белоус**. Он отметил, что "не согласен с категорическим заявлением г-на Дворкина о том, что договор СНВ-2 соответствует интересам России". Он настаивал на том, что договор *плохой*, и многие критические замечания к нему так и остаются без ответов. Однако, по мнению Владимира Белоуса, "трагизм положения состоит в том, что Россия вынуждена, более того, она обречена ратифицировать договор СНВ-2".

Критически прокомментировал выступление Владимира Дворкина и сотрудник аппарата Госдумы Юрий **Лебедев**. Он поставил под сомнение тезис о том, что договор не требует дополнительных затрат. Его аргументация по

этому вопросу сводилась к двум положениям. **Во-первых**, расходы России по приспособлению ядерной группировки в условиях реализации договора СНВ-2 будут больше, чем без него, а значит это можно рассматривать как дополнительные расходы, вытекающие именно из СНВ-2. **Во-вторых**, при выполнении СНВ-2 "мы будем выполнять работы в определенные сроки и по определенной методике, а это тоже требует денежных затрат". Без договора же "мы можем сокращать как и когда хотим". Юрий Лебедев также выразил озабоченность планами США по развертыванию тактической ПРО и отсутствием механизмов контроля за ее неиспользованием друг против друга, что предусмотрено протоколами к договору по ПРО от 1972 года, подписанными 26 сентября 1997 года. Вывод г-на Лебедева был следующим: "договор СНВ-2 нужен, а скорее нужен СНВ-3, но в сегодняшней обстановке России было бы не на пользу ратифицировать договор".

В дискуссии также принял участие советник *Главкосмоса* Геннадий **Хромов**. Он подверг критике основной аргумент Владимира Дворкина в пользу ратификации СНВ-2 - необходимость сохранения ядерного баланса с США: "Какое значение имеет, будет баланс или нет, будет баланс трехкратным или полуторкратным [...] достаточно определенного количества, больше не надо". Он тоже высказался за ратификацию договора, однако поставил под сомнение необходимость скорейшего заключения СНВ-3. Г-н Хромов связал ратификацию СНВ-2 с событиями в Югославии, американскими ударами по Судану и Афганистану.

Представитель МИД РФ Михаил **Стрельцов** отметил, что протоколы к СНВ-2, которые являются неотъемлемой частью самого договора, не ратифицированы и даже не внесены на ратификацию в США.

Выступления на семинаре "Ратификация Договора СНВ-3 и перспективы выработки и заключения Договора СНВ-3", а также ход дискуссии ясно обозначили изменения в подходах экспертов и представителей исполнительной и законодательной ветвей власти к проблеме ратификации договора СНВ-2 в России, что выражается в двух чертах.

Первое. Как мы и предполагали, экономические трудности России становятся лейтмотивом всех обсуждений, основные аргументы и контраргументы сосредоточиваются именно здесь. При этом даже самые ярые противники СНВ-2 уже не говорят о том, что его не надо ратифицировать. Речь идет о том, при каких условиях, то есть когда его ратифицировать.

Второе. Практически не затрагивается вопрос оговорок, условий в законе о ратификации. Это может свидетельствовать только о том, что противники договора по сути отказались от его *торпедирования* с помощью военно-технической аргументации и полностью перешли на политическое поле. Такое развитие событий предполагает, что когда договор все-таки будет ратифицирован, то объем зафиксированных в законе о его ратификации условий и оговорок будет минимальным.

Третье. Противники договора постепенно *теряют почву*, их аргументы становятся все менее и менее весомыми. Возможно, это в значительной степени связано с тем, что они, привыкнув критиковать СНВ-2 с военно-технических позиций, сейчас сосредоточились преимущественно на политических вопросах. Однако относительное ослабление противников договора еще автоматически не повышает шансов ратификации, так как при рассмотрении вопроса депутатами на первый план могут выйти проблемы, вообще не имеющие отношения к СНВ-2 (на семинаре они не обсуждались). Такая возможность реальна из-за излишней политизированности вопроса.

Семинар был проведен при поддержке Фонда Плаушер и посольства Великобритании в Москве.

По итогам семинара ПИР-Центр провел пресс-конференцию для российских и иностранных журналистов. В ней приняли участие: директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, руководитель центра *Основа* Владимир **Белоусов**, старший научный сотрудник ПИР-Центра Дмитрий **Евстафьев** и научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук**.

Материалы пресс-конференции на русском и английском языках можно найти в Интернет по адресу: www.pircenter.org/reportsr/index.htm.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR – Center for Policy Studies
Volume 41
Number 5, September – October, 1998

"The situation is critical at the enterprises of closed administrative territorial units (CATU)," the Editorial states. "The Russian government was unable to keep its promises and provide for stable financing of the units and their core plants or pay in full for government defense contracts. Only 47.6% of the planned amount of money has been allocated to CATUs in the first six months of 1998, with no funding at all for defense contracts."

The Editorial continues: "The news coming to *Yaderny Kontrol* (Nuclear Control) editorial board from Sarov (Arzamas-16), Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26), Snezhinsk (Chelyabinsk-70) and naval bases of the North Fleet reads like wartime reports from besieged cities. In Bolshoy Kamen (Primorsky Krai) people have not been paid for 18 months. In July the government promised to pay the 20-million-ruble wage arrears to the instrument-making plant in Trekhgornyy as soon as possible. The process has taken more than two months, and even with such a delay people have not received all the money owed them. At the mining and chemical factory in Zheleznogorsk workers have received only an advance on wages (about 400 rubles), while their neighbors from the Reshetnikov scientific-industrial complex of applied mechanics have had no money for 3 months. With the average salary being a mere 1500 rubles (including a 60% regional bonus), the workforce has decreased by half. The administration at the Research Institute of Theoretical Physics (VNIITF) in Snezhinsk had to cancel all authorized bonuses since the alternative was layoffs. The Research Institute of Experimental Physics (VNIIEF) in Sarov got only one-fifth of their planned wages in the first half of 1998. Witnesses who have just returned from a trip to secret enterprises of the Ministry of Atomic Energy say that at some plants people are chronically undernourished."

The Editorial cites the Duma's statement: "Strikes in CATUs may have more dramatic consequences than miners blocking railroads as they may lead to global environmental and political catastrophes".

"The government should immediately solve the problem of timely financing of CATU enterprises

so that their workers should not be humiliated. It is a matter of both keeping earlier promises and maintaining national security", concludes the Editorial. "At the same time, it is also necessary to think about the future of many CATU plants at a time when the Russian nuclear arms arsenals continue to be reduced. Will the state be able to bear this burden in the long term? Will defense conversion really make them self-sufficient? One option would be increasing the concentration of these enterprises with emphasis on the more promising ones while others, which are clearly non-viable, could be gradually converted or closed. It is worth studying the experiences of Georgia and Kazakhstan, which have sold some of their highly enriched uranium to the United States".

Deputy Director of IAEA, Dr. Victor Murogov, in his exclusive interview to *Yaderny Kontrol* Editors, states: "The key political and strategic question for the IAEA is: should we play an *active role*, foreseeing and anticipating events, or merely a *reactive role*, observing events? Here we touch upon one of the most central issues of our work. After the tragedy of Chernobyl, we spent more than ten years revising rules and standards in order to increase the security of nuclear sites, as well as to improve the engineering and technology of their control systems. However, **insufficient attention was devoted to the improvement of the fuel cycle of the nuclear power industry** and to the introduction of improvements of technology tied with disposed fuel containing highly toxic wastes.

On the whole, the number of reactors in the world – four hundred and fifty - have been stabilized. However, new amounts of waste spring up each year. This means that while the problem is not yet urgent, the handling of spent nuclear fuel and radioactive waste is gradually and persistently becoming a priority. Along this line, we generally allow ourselves the luxury of neglecting to think about the future and using technology of reactors and the nuclear fuel cycle, which were created thirty to forty years ago. It is perfectly clear that these technologies were born at a time when the fuel cycle was generally used for the production of plutonium for military purposes.

But priorities have changed! The whole military and geopolitical situation of the world has changed! In order to discuss safe and productive options for nuclear power engineering, we must force ourselves to stop feeding on the past, to let go of useless stereotypes, to refuse discussions of the type, "but my reactor is better," and glance into the future...to attempt to focus not only on short-term perspectives, but those fifty years and more ahead."

Gennady **Khromov**, in his article entitled **"India's Politics on of Missile and Nuclear Nonproliferation"** says: "Possessing sufficient scientific and technological potential, as well as the necessary infrastructure for production, India seems to be in no rush to equip its army with missiles. Undoubtedly, economic factors are effecting programs devoted to missile production and the launching of missiles for defense expediency. At present, the country has at its disposal practically all of the key elements needed for the production of ballistic missiles of any range. Analysis of the situation concerning the realization of space and missile programs reveals that India is independently satisfying its own demands in the form of solid and liquid rocket fuels, in construction and thermoinsulation materials, guidance and control systems, knowledge in the spheres of aerodynamics and

flight ballistics, and the construction of multi-staged ballistic missiles and their refinement."

In the essay **"The History of the Safeguards Provisions of the NPT"** Amb. Roland **Timerbaev** reveals based on archival materials that "while working on suggestions for the article III of NPT, the Soviet Union based its policies on the conviction that fundamental safeguards can and should be vested in an international system of the IAEA safeguards - and only the Agency's ones. The key problem consisted in what role the Euratom system should play – should it be subordinate to the IAEA system or not. The completion of this important task was possible due to persistent efforts of the Soviet diplomacy as well as the joint diplomatic efforts of both sides involved, including the USA, which was also looking for a way out of the deadlock.

It is important to note the creative spirit which reigned in both delegations. Leaders encouraged the initiatives of their staff while both capitals attentively and approvingly followed the actions of their delegations. The Soviet delegation in Geneva knew that Soviet Foreign Minister Andrei Gromyko was personally and attentively acquainted with encoded telegrams from Geneva and intervened in negotiations only in extreme cases, usually trusting proposals submitted by the delegation".

Об авторах

Мурогов Виктор Михайлович - заместитель генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Родился в 1938 году. Окончил Московский институт прикладной физики, получил степень кандидата наук в Физико-Энергетическом Институте (ФЭИ) в подмосковном Обнинске. В этом же институте в 1989 году получил степень доктора наук, а в 1992 - звание профессора. С 1994 года является академиком Международной академии информации, с 1970 по 1989 год работал старшим научным сотрудником ФЭИ в Обнинске. До 1992 года был ученым секретарем ФЭИ и возглавлял отдел организации, планирования, развития и перспективных исследований. С 1992 до конца 1995 года занимал посты директора Государственного научного центра ФЭИ, председателя ученого совета и члена научно-технического совета министерства атомной энергии Российской Федерации. Является соавтором книг: *Использование тория в ядерных реакторах* (М., Энергоатомиздат, 1983); *Перспективы использования металлического топлива в быстрых реакторах* (Препринт ФЭИ, ФЭИ-1913, Обнинск, 1988); *Перспективы развития ядерной энергетики с использованием реакторов на быстрых нейтронах* (Москва, 1991); *Плутоний в ядерной энергетике России, Быстрые реакторы в решении задач энергетики, топливообеспечения и экологии будущего* (Труды Физико-энергетического института. 1994). Он также опубликовал ряд научных статей, в том числе: *Безопасный и экологически приемлемый ядерный топливный цикл. Энергетическое Строительство*, № 10, 1991; *Стратегия ядерной энергии. Международная Жизнь*, № 7, 1997.

Тимербаев Роланд Михайлович - Чрезвычайный и полномочный посол (в отставке). В 1949 году окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 год - в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР\России при международных организациях в Вене (1988 - 1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 годы - приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 годы - президент ПИР-Центра политических исследований. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения. В настоящее время завершает работу над книгой, посвященной предпосылкам и истории заключения ДНЯО.

Хромов Геннадий Константинович родился в 1932 году. В 1955 году окончил МВТУ имени Баумана. Более 25 лет работал в Государственном комитете по военно-техническим вопросам. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор ряда публикаций, в том числе в журналах *Ядерный Контроль*, *Экспорт Обычных Вооружений*, *The Monitor*. Сфера научных интересов: контроль над вооружениями, вопросы ракетной техники.